

90114
Б46

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. И. БУГАНОВ

МОСКОВСКОЕ
ВОССТАНИЕ
1662 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
(НАУКА)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. И. БУГАНОВ

**МОСКОВСКОЕ
ВОССТАНИЕ
1662 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

Отвѣтственный редактор
доктор исторических наук А. А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Городские восстания в России XVII в. составляют весьма заметный и знаменательный факт русской истории. Классовыми выступлениями горожан отмечена история России периода феодализма на протяжении многих столетий. Особую остроту они приобрели в «бунташном» XVII столетии — в «новый период» русской истории. Для этого периода, по словам В. И. Ленина, характерно действительно фактическое слияние «всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было нечем иным, как созданием связей буржуазных»¹. Развитие производительных сил, в частности ремесла и мелкого товарного производства, широкое развитие рыночных связей, рост могущества русского купечества непосредственно отражались на состоянии городов и положении посадского населения. Росту русских городов способствовала реформа 1649—1652 гг., ликвидировавшая так называемые беломестные слободы светских и духовных феодалов-землевладельцев. Городская верхушка (гости, торговые люди гостинной и суконной сотен, «лучшие люди» из посадских жителей) играла заметную роль в экономической жизни страны и в проведении финансовой политики правительства. Одновременно усиливалось имущественное расслоение среди посадских людей; городская беднота попадала в зависимость от привилегированной верхушки. В силу этого выступления городских

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 153—154.

низов были направлены не только против дворянского правительства, но и против той части посадской верхушки, со стороны которой они подвергались эксплуатации.

Городские восстания XVII в., особенно движения посадских людей середины столетия, подверглись обстоятельному исследованию в работах советских историков М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, П. П. Смирнова, С. К. Богоявленского, К. В. Базилевича, Е. В. Чистяковой и др. Нужно, однако, сказать, что история ряда городских движений XVII в. нуждается еще в дополнительном изучении с привлечением новых архивных данных. История некоторых из этих восстаний еще недостаточно изучена с фактической стороны. По большинству из них в советской историографии отсутствуют монографические исследования, исключениями являются книги акад. М. Н. Тихомирова о Псковском восстании 1650 г. и К. В. Базилевича о Московском восстании 1662 г.

Настоящая работа является по существу продолжением труда К. В. Базилевича. Возвращение к этой теме в настоящее время вызвано тем, что, во-первых, книга К. В. Базилевича посвящена в основном не истории «Медного бунта», а денежной реформе 1654—1663 гг. (введение медных денег и новых серебряных денег); во-вторых, при освещении истории восстания автор допустил ряд ошибок в истолковании источников, что привело к неверным выводам о самом восстании. Кроме того, ход восстания и последовавшего за ним следствия до сих пор недостаточно изучен с фактической стороны.

Настоящее исследование обобщает наблюдения автора, изложенные в статьях и заметках, опубликованных в различных изданиях в 1957—1962 гг. С рядом дополнений и сокращений они вошли в эту книгу.

Главное внимание уделяется истории самого «Медного бунта». О денежной реформе говорится кратко, поскольку она детально изучена К. В. Базилевичем, на выводах которого и основывается наше изложение в этом разделе.

В работе над книгой большую помощь оказал своими ценными советами и замечаниями акад. М. Н. Тихомиров, которому автор выражает свою глубокую благодарность. Автор признателен всем сотрудникам Института истории АН СССР и Истфака МГУ, принимавшим участие в обсуждении и рецензировании этой работы.

К. В. Базилевич заметил в свое время, что «Медному бунту» не повезло в историографии, так как со времен Григория Котошихина «историческая традиция» смотрела на это восстание как на «случайный и изолированный эпизод, вызванный обесценением медных денег». О восстании «говорилось вскользь в общих курсах русской истории»¹. Это в общем правильное наблюдение исследователя не учитывает, однако, наличия определенного круга работ, в том числе и специально посвященных «Медному бунту», рассмотрение которых представляет несомненный интерес.

Впервые известное нам сообщение о «Медном бунте» в Москве появилось в печати спустя лишь 10-летие после самого восстания. В одном из томов так называемого «Европейского театра» («Theatrum Europaeum») были помещены обработанные его издателем Мартином Меером известия о восстании, взятые, очевидно, из сообщений иностранцев, живших в России. В «Театре» приводится довольно подробное описание хода восстания, сведения о количестве участников, содержание прокламаций и т. д. Имеются и ошибки в передаче некоторых фактов; так, авторство в составлении прокламаций приписывается какому-то московскому дворянину («Moscoviter von Adel»). О расправе с восставшими сообщается с явным удовлетворением («Rebellanten werden grausam abgestraft») ².

¹ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 3.

² «Jrenico-Polemographiae continuatio II das ist: Der Historisch- fortgeführten Friedens — und Kriegs Beschreibung Dritter oder deß Theatri Europaei. Neundter Theil von den denckwürdigsten Geschichten (so sich hie und da, in Europa)... welches alles, aus vielen treulich mitgetheilten Schrifften, nachrichtlichen Berichten und briflichen Ur-

Из русских авторов о «Медном бунте» писал уже в начале XVIII в. А. И. Манкиев (его сочинение, приписывавшееся долгое время кн. А. Я. Хилкову, было закончено в 1715 г.). Автор смешивает воедино события двух московских восстаний: 1648 г. и 1662 г.; так, главным участником событий 1662 г. выступает боярин Б. И. Морозов; на самом деле гнев восставших был направлен на него не в этом году (он умер в 1662 г. до восстания), а в 1648 г. Повстанцев автор характеризует «чернью собравшейся великим множеством», которая «с шумом и великой наглостию» пришла к царскому двору³.

Так же описаны события «Медного бунта» в «Подробной летописи», составленной вскоре после смерти Петра I, и в труде И. И. Голикова, который использует данные «летописей наших» и «Ядра» А. Манкиева⁴. Подобное смешивание событий 1648 и 1662 гг. было довольно распространено в сочинениях второй половины XVII—XVIII вв., что отразилось в записях летописного характера о «Медном бунте». Например, в дополнительных статьях к Новгородской III летописи, сохранившихся в одном из рукописных сборников, также смешиваются события двух указанных восстаний⁵.

В основном по «Theatrum Europaeum» изложены события восстания у историков первой половины XIX в. В. Берха и Н. С. Арцыбашева. У второго из них также приводится официальная версия событий восстания из царской грамоты от 26 июля 1662 г. Оба автора принимают на веру сообщение «Theatrum Europaeum» о дворянине, будто бы приклеившем «пасквили» (т. е. прокламации) в разных местах столицы. Влияние этого же источника сказалось в утверждении Берха о том, что «бунт» 1662 г. был следствием... ограничений торговой деятельности иностранных купцов в России!⁶

kunden, also zusammen getragen und beschrieben Martin Meher, vom Hahn in Schlesien». Franckfurt am Mayn, 1672, S. 642 (далее: «Theatrum Europaeum», ч. IX).

³ А. Я. Хилков. Ядро российской империи. М., 1770, стр. 361—362.

⁴ Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», ч. 4. СПб., 1799, стр. 8; И. И. Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. 3. М., 1790, стр. 96—97

⁵ ГБЛ, Отдел рукописей, Музейное собрание, д. 1841 (рукопись 1760 г.), л. 164—164 об.

⁶ В. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, ч. I. СПб., 1830, стр.

Исследователи, изучавшие историю денежной системы в России XVII столетия, говорили о связи между восстанием и денежной реформой (М. Заблоцкий, А. Брикнер, П. Шторх). В их работах (например, у Брикнера) введены в оборот новые источники о «Медном бунте» — сочинение Г. Котошихина, дневник П. Гордона⁷.

Эти же источники использовал С. М. Соловьев, составивший подробную характеристику восстания. Его заслугой является введение в научный оборот следственных документов, взятых из столбца № 1477 Приказного стола Разрядного приказа Московского архива Министерства Юстиции (теперь — Центральный государственный архив древних актов). Впрочем, использование документов следствия было явно недостаточным; так, автор утверждает, что следствие над участниками «гиля» велось в Николо-Угрешском монастыре, хотя сами документы говорят о нескольких следственных комиссиях, в которых допрашивали повстанцев⁸.

Н. И. Костомаров также повторял версию царских грамот от 26 июля 1662 г. о том, что все московские жители будто бы просили Алексея Михайловича и московские власти «воров переловить и казнить», что и было исполнено⁹.

В. О. Ключевский, следуя в изложении событий восстания за Г. Котошихиным, повторяет его ошибку, называя «заводчиками бунта» соучастников «денежных воров» (т. е. фальшивомонетчиков), которые «задумали произвести смуту, потряхнуть боярством», как в 1648 г. Автор приводит фантастические цифры казненных участников восстания (7 тыс. чел.) и подвергнутых другим наказаниям — отсечению рук и ног, конфискации

151—154; Н. С. Арцыбашев. Повествование о России, т. III. М., 1843, стр. 142—143.

⁷ М. Заблоцкий. О ценностях в древней Руси. СПб., 1854, стр. 81—82; А. Брикнер. Медные деньги в России 1656—1663 гг. и денежные знаки в Швеции 1716—1719 гг. СПб., 1864, стр. 49; П. Шторх. Материалы для истории денежных знаков в России с 1653 по 1840 год. — «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1868, март, ч. СXXXVII, стр. 773—775.

⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. кн. 3. [Б. м.], Изд. «Общественная польза», [б. г.], стб. 191—194.

⁹ Н. И. Костомаров. Алексей Михайлович. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», вып. 4. XVII столетие. СПб., 1874, стр. 134—136.

имущества, ссылкам (15 тыс.), не замечая, что в использованном им источнике (Г Котошихин) говорится в данном случае о фальшивомонетчиках. В то же время он, как и С. М. Соловьев, говорит о небольшом количестве активных участников восстания (только 200 чел.)¹⁰.

Важное значение имеет публикация А. Н. Зерцаловым документов следствия над участниками «бунта»¹¹. Им издан ряд документов следственной комиссии, заседавшей в Коломенском, где во время и после восстания находился царь со двором. Среди них допросы участников восстания, свидетелей, переписка следственной комиссии с московскими властями, приговоры по делам и др.

Впервые достоянием исследователей стали документы об участниках «Медного бунта». Впрочем, издание А. Н. Зерцалова осталось по существу незамеченным, по крайней мере историки конца XIX — начала XX в. его почти не использовали. Недостатком издания является то, что значительная часть документов не была включена в него составителем (примерно треть объема столбца № 1477/327 Приказного стола Разряда, использованного еще С. М. Соловьевым). В археографическом отношении качество публикации стоит на весьма низком уровне; имеем в виду многочисленные ошибки в передаче текста, отсутствие заголовков и легенд; текст документов, различных помет и даже замечания самого Зерцалова не отделены друг от друга; в расположении документов допущена путаница и т. д.

Крайнюю монархическую позицию в оценке восстания занимает Д. И. Иловайский, называющий его «мятежом или, точнее, грабежом». Он с явным возмущением пишет о «дерзости некоторых коноводов», бравших царя за пуговицы кафтана и спрашивавших, можно ли ему поверить, восхищается «находчивостью и присутствием духа» Алексея Михайловича, жестоко распра-

¹⁰ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. III. М., 1937, стр. 241.

¹¹ А. Н. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. (далее: А. Н. Зерцалов). — «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (ЧОИДР), 1890, кн. 3 (154), отдел I, стр. 295—360.

вившегося с восставшими. Чернь, по словам автора, решила повторить «мятеж» 1648 г., «когда она безнаказанно предавалась грабежу чужого добра», но обстоятельства в 1662 г. уже изменились: царь приобрел опытность, успел укрепить свою самодержавную власть и устроить около себя надежную охрану и т. д. в этом роде¹².

Через призму либеральных конституционных иллюзий начала XX в. смотрел на события 1662 г. В. П. Алексеев, писавший о необходимости сотрудничества царя и народа, «народного правительства». Если в начале XVII в. для царя и народа, по его словам, было характерно мирное сотрудничество, стремление к одной цели (царь и земский собор сообща решали дела в дворцовых палатах), то впоследствии, после прекращения созыва земских соборов, царь и народ стали враждующими сторонами. События московских «мятежей» показали, «как далеко разошлись обе стороны, какая глубокая пропасть легла между ними...», поэтому народ в 1662 г. в Коломенском задавал царю вопрос: «Чему де верить?» Его отношение к царю отличалось недоверчивостью и грубостью¹³⁻¹⁴. Автор, проповедуя свой взгляд на взаимоотношения между народом и царской властью в XVII в., не упоминает, что земские соборы созывались не только в начале царствования Михаила Федоровича, но и в его конце и в начале царствования его сына Алексея Михайловича, например в 1653 г., вскоре после Московского восстания 1648 г. и за девять лет до «Медного бунта».

Историки начала XX в. В. А. Никольский, В. Я. Уланов, С. К. Богоявленский и другие дали более подробную характеристику восстания, используя следственные документы и показания современников. Они подвергли критике утверждения официальных документов о неучастии в «гиле» ратных людей, сообщение Котошихина о небольшом количестве активных участников движения («настоящих воров»). В то же время вслед

¹² Д. И. Иловайский. История России, т. 5. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. М., 1905, стр. 295—299, 617—618.

¹³⁻¹⁴ В. П. Алексеев. Борьба за идею законности в Московской Руси. М., [б. г.], стр. 68—70, 99—100, 103.

за В. О. Ключевским В. А. Никольский и М. Левшиновский доверяли показанию Котошихина о друзьях и родственниках фальшивомонетчиков, бывших будто бы инициаторами восстания. Е. Д. Сташевский разделял мнение К. Валишевского о «военном элементе» как руководителе «Медного бунта»¹⁵.

Таким образом, дореволюционная дворянско-буржуазная историография довольно подробно осветила историю «Медного бунта». При этом одни исследователи открыто враждебно относились к восстанию, другие старались затушевать его классовый смысл и антифеодальную направленность.

* * *

После Октябрьской революции история Московского восстания 1662 г. неоднократно привлекала внимание ученых.

С. И. Тхоржевский отметил некоторую организованность движения, его подготовку. Восставшим, по замечанию автора, был свойствен монархизм, но без настоящего уважения к личности монарха. Он правильно заметил, что обвинение «сильных людей» в измене было своеобразной «вуалью патриотизма» и прикрывало классовую ненависть к угнетателям¹⁶.

Н. Н. Фирсов утверждал, что «в Коломенское люди шли без оружия», и не совсем правильно сблизал события 1662 г. с расстрелом мирной демонстрации 9 января 1905 г. в Петербурге, а личность царя Алексея Михайловича — с Николаем II. Неправильно и утверждение, что в восстании 1662 г. принимал участие главным

¹⁵ В. А. Никольский. Морозовщина. СПб., 1908, стр. 67—75; М. Левшиновский. Серебряная и медная монета царя Алексея Михайловича (1645—1676).— «Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим обществом», вып. XX, СПб., 1911, стр. 46; Е. Д. Сташевский. Народные волнения в Московском государстве.— «Русская история в очерках и статьях». Под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. III. Киев, 1912, стр. 468—469; В. Я. Уланов. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 г.— «Три века. Россия от Смуты до нашего времени». Исторический сборник. Под ред. В. В. Каллаша, т. I. М., 1912, стр. 179—203; С. К. Богоявленский. Московские смуты в XVII в.— «Москва в ее прошлом и настоящем», т. VI, ч. III. М., [б. г.], стр. 133—136.

¹⁶ С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пг., 1924, стр. 150—154.

образом мелкий служилый люд¹⁷, хотя основная масса восставших состояла из посадских людей столицы.

В работах Н. А. Рожкова, А. В. Шестакова и других были повторены ошибочно истолкованные показания Котошихина о будто бы 7 тыс. казенных и 15 тыс. подвергнутых другим наказаниям повстанцах¹⁸. М. Н. Покровский повторил эти показания, но одновременно привлек более правильные данные (того же Котошихина) о казенных, пойманных и сосланных участниках восстания, т. е. привел две взаимоисключающие версии¹⁹. П. Ф. Яровой столь же произвольно утверждал, что «мятеж» правительству удалось ликвидировать с помощью 20-тысячной стрелецкой гвардии²⁰, хотя в распоряжении царя и бояр не было такого количества войск, не говоря уже о стрельцах, многие из которых были на фронтах.

В работах К. В. Базилевича восстание 1662 г. получило детальное освещение, основанное на марксистско-ленинской методологии и солидной источниковедческой базе. Автор показал, что «Медный бунт» был вызван экономическим и финансовым кризисом 1650—1660-х годов (расстройство денежной системы, дороговизна, голод и разорение), недовольством низших слоев посадского населения и мелкого служилого люда эксплуатацией со стороны посадской верхушки и феодально-крепостнического государства с его системой тяжелых поборов, налогов и обязательных служб. Движущей силой восстания явились посадские низы, поддержанные

¹⁷ Н. Н. Фирсов. К вопросу об изучении народных движений (Рец. на книгу С. И. Тхоржевского).— В кн.: «Исторические характеристики и эскизы», т. 3, вып. 1. Казань, 1926, стр. 122; Он же. Народные движения в России до XIX в. М., 1924, стр. 30—31.

¹⁸ Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики), т. 5. Изд. 2. Л.—М., 1928, стр. 63; «Материалы к теме: Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII в.». Под ред. проф. А. В. Шестакова. Ростов на Дону, 1938, стр. 42; В. И. Лебедев. Московские восстания 1648 и 1662 гг.— «Борьба классов», 1934, № 7-8, стр. 50—54; См. также БСЭ, изд. 1, т. 38, стр. 628.

¹⁹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. II. М., Соцгиз, 1933, стр. 198—200; Он же. Русская история в самом сжатом очерке. Пятое посмертное издание. М., Учпедгиз, 1934, стр. 59.

²⁰ П. Ф. Яровой. Крестьянские движения в феодально-крепостнической России XVII—XVIII вв. Л., 1933 (стеклографированное издание), стр. 43.

частью столичного гарнизона; это придало движению, по словам автора, оттенок военного бунта²¹. В то же время автор, уделивший основное внимание социально-экономическим предпосылкам восстания, особенно денежной реформе, оставил в стороне ряд вопросов истории самого «Медного бунта» (ход восстания в Москве, роль солдат, следствие и т. д.). Самым же удивительным для такого крупного и тонкого исследователя была серьезная ошибка источниковедческого характера. Автор, зная о существовании двух следственных дел о восстании 1662 г. (одно — в издании А. Н. Зерцалова, другое — в столбцах Разрядного приказа, которые он цитирует), принял их за одно дело. Следствием была путаница в использовании документов. Это отчасти объясняется, очевидно, тем, что оба следственных дела начинаются с одинаковых документов, так как обе сыскные комиссии присылали друг другу копии с допросов арестованных и сказок свидетелей. Результатом этого явилось недоверие К. В. Базилевича к показаниям современников, в частности к Котошихину, и преуменьшение размеров восстания и следствия. Кроме того, вне поля его зрения остались другие архивные материалы, дающие дополнительные сведения о восстании, а опубликованные следственные документы в ряде случаев были использованы далеко не в полной мере. Так, в частности, автор не обратил внимания на опубликованное А. Н. Зерцаловым показание Д. Филипова, назвавшего имя и социальное положение «заводчика» восстания.

Основные правильные выводы К. В. Базилевича о восстании 1662 г. в Москве приняты советской исторической наукой, что нашло отражение в соответствующих главах и разделах обобщающих трудов и вузовских курсов, написанных самим К. В. Базилевичем, А. А. Новосельским и Н. Л. Рубинштейном²².

²¹ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663 г.).— «Изв. АН СССР, отделение общественных наук», 1935, № 3; Он же. Восстание в Москве в 1662 г.— там же, № 4; Он же. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. (далее: К. В. Базилевич) М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936.

²² «История СССР», т. I. М., Госполитиздат, 1948, стр. 458—461; «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 591—595; «Очерки исто-

В работе акад. М. Н. Тихомирова при описании «Медного бунта» учтены правильные наблюдения Котошихина, неправомерно отвергнутые К. В. Базилевичем (о репрессиях в ходе подавления восстания); тем самым на серьезную основу ставится рассмотрение вопроса о размахе движения, который преуменьшается Базилевичем²³.

В последние годы в результате новых находок в архивах и дополнительного изучения уже известных материалов появилось несколько работ автора настоящего исследования, в которых рассмотрены некоторые новые аспекты в истории «Медного бунта» (ход восстания в Москве, следствие, вопрос о предводителях и главном вожде и др.); некоторые вопросы истории восстания дополнительно изучены и в известной мере пересмотрены (масштаб восстания, следствие и др.)²⁴⁻²⁵. В других работах затрагивается источниковедческая сторона изучения «Медного бунта»²⁶. Некоторые из обнаруженных автором документов были им опубликованы (списки участников восстания, описания Г. И. Собакина и неизвестного автора и др.)²⁷.

Представляют большой интерес изданные В. А. Кучкиным отрывки из переписной книги Бронной слободы 1663 г., содержащие упоминания об участниках «гиля»

рии СССР. Период феодализма. XVII в». М., 1955, стр. 256—264; «История СССР», т. I, М., 1956, стр. 340—342; БСЭ, изд. 2, т. 28, стр. 433; т. 50, стр. 148. См. также А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.).— «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 146.

²³ М. Н. Тихомиров, С. С. Дмитриев. История СССР, т. I, с древнейших времен до 1861 г. М., Госполитиздат, 1948, стр. 167—168.

²⁴⁻²⁵ В. И. Буганов. К вопросу о Московском восстании 1662 г.— «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 160—175 и др.

²⁶ В. И. Буганов. Новые источники о Московском восстании 25 июля 1662 г.— «Проблемы источниковедения», вып. VII, М., 1959, стр. 348—356; Он же. Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 годов.— «Археографический ежегодник за 1958 г.», М., 1960, стр. 99—114.

²⁷ В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Новые материалы о московских восстаниях XVII в.— «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 146—153; «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.» Под ред. А. А. Зиминой. М., 1962, стр. 448—454; В. И. Буганов. Новый документ о ссылке участников «Медного бунта».— «Исторический архив», 1962, № 4.

1662 г., и особенно документ, в котором помещены данные о числе жертв во время подавления восстания 25 июля в Коломенском²⁸.

* * *

Из историографического обзора видно, что история «Медного бунта» подверглась довольно подробному изучению. Особо заметное место среди названных выше работ занимают «История России» С. М. Соловьева, публикация А. Н. Зерцалова и монография К. В. Базилиевича. В то же время в освещении Московского восстания 1662 г. до сих пор много неясных вопросов, исследование же некоторых из них сопровождалось рядом ошибок и недоразумений. Этим и вызвано повторное изучение истории этого крупнейшего городского восстания XVII в.

²⁸ В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Указ. соч., стр. 144—145.

Главные источники о Московском восстании 1662 г. можно разделить на две группы: документальные материалы и записи современников, русских и иностранных (дневники, воспоминания, записки в форме заметок летописного характера). Среди документальных материалов первое место следует отнести документам сыска, начатого 25 июля, т. е. в день подавления восстания. В большинстве случаев они сохранились в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА), лишь некоторые отрывки — в отделе рукописей Государственного Исторического музея (ГИМ).

Выше упоминалось, что А. Н. Зерцалов опубликовал (неполностью и крайне небрежно) следственное дело коломенского Приказа сыскных дел¹. В исторической литературе считалось само собой разумеющимся, что сохранилось лишь одно следственное дело о восстании. К. В. Базилевич, ознакомившийся в архиве со вторым (московским) следственным делом, полагал, что имеет дело с тем же источником, который издал А. Н. Зерцалов; он писал, что это следственное дело является полным по содержанию². Между тем результатом розыска было не одно и не два, а ряд следственных дел. Сохранилось известие, датированное 1668 г., о том, что одно из сыскных дел 1662 г. было «делано» в Разрядном приказе (это, по-видимому, собственно московское сыскное дело), два других — в приказах Конюшенном и Казанского дворца. В Земском приказе также велись «сыск и всякие дела о мятежниках»³; судьба этих и других

¹ А. Н. Зерцалов, стр. 295—360; осталась неопубликованной примерно треть следственного дела — см. ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), столбцы Приказного стола, д. 327.

² К. В. Базилевич, стр. 85, прим. 1; стр. 101, прим. 1.

³ А. Н. Зерцалов, стр. 247.

сыскных дел неизвестна. Не дошли до нас также розыскные дела Челобитного приказа, Приказа Большого дворца, Царицыной мастерской палаты; отрывки из них попали в сохранившиеся коломенское и московское дела. Последние нельзя, конечно, назвать полными по составу и содержанию; можно изучить только часть следственных материалов, содержащихся в них.

Первое следственное дело представляет результат деятельности Приказа сыскных дел, ведшего следствие в Коломенском. Оно состоит из столбцов, на которых записаны допросы (распросные и пыточные речи) арестованных, переписка коломенской следственной комиссии с московскими властями, приговоры по делам⁴.

Второе следственное дело явилось результатом розыска, предпринятого боярской комиссией, осуществлявшей в Москве функции верховного управления ввиду отъезда Алексея Михайловича в село Коломенское. Боярская комиссия во всех делах, в том числе и в следствии о восстании, пользовалась аппаратом Разрядного приказа, в делопроизводстве которого и сохранилось московское дело⁵. Оно состоит в основном из допросов лиц, арестованных за участие в погромах в Москве, а также из переписки с Коломенским и других документов.

О работе следственной комиссии в Никольско-Угрешском монастыре сохранились лишь отрывочные сведения в составе указанных выше двух дел.

Таким образом, из комплекса следственных дел об участниках московского восстания 1662 г. до нас дошли документы лишь двух сыскных комиссий. Несмотря на неполноту материалов следствия, розыскные дела имеют важное значение в качестве источников по истории «Медного бунта». Правда, мы не найдем в них целостного описания хода восстания, его подавления, как это сделано в сочинениях современников; нет в них сведений о количестве восставших, арестованных и некоторых других данных. Все же следственные дела являются источником первостепенной важности хотя бы по той причине, что в них выступает перед нами большое

⁴ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327; А. Н. Зерцалов. Указ. соч. Коломенское сыскное дело написано на 245 листах.

⁵ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, написано на 301 листе.

количество непосредственных участников восстания с их требованиями и действиями.

Следственные дела содержат сведения о событиях, предшествовавших восстанию, в частности, о том, что слухи о предстоящем выступлении появились в Москве задолго до 25 июля; о прокламациях, явившихся поводом к восстанию⁶.

Данные о ходе восстания в Москве и Коломенском 25 июля в следственных делах довольно отрывочны, они распылены в массе допросов арестованных и свидетелей. Участники восстания, конечно, всячески старались скрыть или преуменьшить свою вину перед сыскными комиссиями, поэтому, естественно, старались замолчать компрометирующие их факты. Поэтому к допросам следует подходить с сугубой осторожностью, проверять их показаниями других следственных источников. Особенно характерны в этом отношении допросы командиров и солдат полка А. Шепелева. Если брать их отдельно друг от друга, то ни одному из них нельзя доверять полностью, особенно показаниям солдат. Все солдаты (343 чел.) единодушно показали на следствии, что они пошли в Коломенское вслед за своими командирами, по их приказу. Командиры, наоборот, говорили, что солдаты пошли в Коломенское «самовольством», «учинились непослушны» своим начальникам. Некоторых командиров из числа тех, кого солдаты обвиняли в участии в восстании, они сами же «били» и «в воду вогнали». В данном случае предпочтение нужно отдать показаниям командиров как более правдивым; они были подтверждены показаниями свидетелей — других начальников того же полка. Утверждения же солдат опровергаются показаниями многих свидетелей; например, кадашевец А. Семенов показал 4 августа, что «солдаты де Агеева полку Шепелева и иные многие люди из лавок всех людей выбили, а говорили: кто не пойдет (в Коломенское.— В. Б.),— хотели побивать»⁷.

Немало интересных сведений помещено в обоих делах о начале восстания в Москве утром 25 июля. Так, в сказке сотника П. Григорьева приводятся данные о чтении прокламации на Сретенке. С. Ларионов, служив-

⁶ А. Н. Зерцалов, стр. 300—306.

⁷ Там же, стр. 326.

ший в Земском приказе, «сказал» (29 июля) о неудачной попытке отобрать это «письмо» (прокламацию) и т. д. Еще более интересны показания активных участников движения, например, стрельца К. Нагаева, который хотя и усиленно отпирался, вынужден был в конце концов признать свою вину⁸.

Многие сведения, которые они сообщают, отсутствуют в других источниках, показания которых, таким образом, дополняются следственными материалами.

Документы московского следственного дела сообщают в значительной степени новые данные о ходе восстания в Москве после ухода части восставших в Коломенское. Большая часть известных нам источников (Г. Котошихин, Г. Н. Собакин и др.) основное внимание сосредотачивает на развитии событий в Коломенском; касаясь московских событий, они ограничиваются сообщением о разгроме дворов В. Шорина и С. Задорина. В московском деле приводятся допросы непосредственных участников погромов.

Следственные дела являются единственным источником, из которого можно узнать имена наиболее активных участников движения: это — А. Щербак, К. Нагаев, Д. Филиппов, М. Б. Жедринский, М. Титов и др.

Сыскные дела хотя и не приводят полных данных о количестве участников восстания, арестованных и сосланных, дают возможность довольно подробно изучить ход следствия, его приемы; в других источниках об этом можно найти лишь случайные указания.

Следственные источники свидетельствуют об очень большом размахе розыска сразу после подавления восстания, который производился рядом приказов и следственных комиссий. Арестованные, согласно показаниям сохранившихся следственных дел, делились на ряды: например, в коломенском деле они распределены по четырем делам, причем наиболее важные преступники перечислены в составе первого, второго и третьего дел, хотя все они допрашивались позднее арестованных, перечисленных в четвертом деле.

Следственные комиссии применяли различные приемы для установления вины арестованных, т. е. степени их участия в восстании; помимо допросов, широкое при-

⁸ А. Н. Зерцалов, стр. 298—299, 303; см. также стр. 304—305.

менение нашли очные ставки, повторные допросы, сопоставление допросов одних и тех же лиц, снятых в разное время и в различных местах. Дополнительное расследование (допросы свидетелей) часто охватывало большой круг лиц и занимало немалое время. Все это нашло отражение в материалах сыска.

Дополнительный материал об участниках восстания встречается в приказных документах, посвященных поимке «коломенских бунтовщиков», которые бежали из мест ссылки или по тем или иным причинам избежали ссылки, а также некоторые другие документы.

Представляет интерес переписка центральной и местной администрации (Разрядного приказа с воеводами) об участниках восстания 1662 г., просивших об освобождении или бежавших из мест ссылки, и расспросные речи беглых. Документы относятся к 1663—1671 гг. В следственном деле о восстании 25 июля 1662 г., изданном А. Н. Зерцаловым, перечислены сотни лиц, привлеченных к сыску и приговоренных к различным мерам наказания, в том числе и к ссылке. Среди сосланных — большая группа солдат выборного полка А. Шепелева, рейтары, посадские, вольные люди⁹. Материалы сыска беглых перекликаются с показаниями следственного дела. Так, в них говорится о бегстве из Кунгура ссыльных участников восстания солдат полка А. Шепелева — П. А. Воронцова, К. О. Афанасьева, Ф. Я. Архипова¹⁰. Все они упоминаются в следственном деле как солдаты роты кн. Д. Кропоткина, ходившие 25 июля из Москвы в Коломенское, где их схватили и привлекли к следствию¹¹.

В ходе сыска выявилась причастность к восстанию рейтар полков Г. Тарбеева, Х. Мингауса (Б. Кармазинов, М. Клепацкий, М. Кириков и др.), которые были сосланы в Великий Новгород¹².

В столбцах Новгородского стола сообщается, что 11 апреля 1665 г. «ссылочные рейтары» — казанец М. Кириков и кадомский татарин Б. Кармазинов «с товарищи» (всего — 10 человек) — в челобитной писали, что

⁹ А. Н. Зерцалов, стр. 357—360.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 384, лл. 408, 415, 416, 418.

¹¹ А. Н. Зерцалов, стр. 320, 343, 357.

¹² Там же, стр. 330, 334—346, 349, 351—353, 358—359.

они сидят в тюрьме третий год, и просили освободить их «на круговую поруку» по случаю рождения царевича Семена Алексеевича, чтобы им «великого государя службы не отбыть и, в тюрьме сидячи, з голоду не помереть». Рейтар было велено отдать на «поруки добрые з записми, что им впредь так не воровать, и написать их в службу, в какую они пригодятца»¹³.

Большинство лиц, упоминаемых в столбцах, отсутствует в следственном деле. Столбцы дают, таким образом, дополнительные сведения об участниках восстания 1662 г., сосланных после следствия. По опубликованному следственному делу казнено было 13 человек, сослано — 104¹⁴. К. В. Базилевич справедливо полагает, что сосланных было значительно больше, так как в указанное число (104 человека) не вошли захваченные в Москве за грабеж купеческих дворов, а также большое число солдат полка А. Шепелева, «по-видимому, выделенных в особую группу»¹⁵; это подтверждается данными столбцов.

В царских грамотах от 31 мая и 1 июля 1663 г. казанскому воеводе боярину кн. Г. С. Куракину и мензелинскому воеводе боярину кн. Ф. Ф. Волконскому указывалось сыскать про «воровской завод» среди солдат — участников восстания, сосланных в Казань. Сыск был начат по доносу московского стрельца полка Т. Полтева — Н. Д. Крылова. Последний показал, что в 1663 г. стрельцы приказа Т. Полтева были посланы на службу; они дошли до Казани, «и в Казани де при них учели воров бунтовщиков, которые сосланы с Москвы за бунт, росписывать по полком». Ряд ссыльных солдат был «приверстан» в полк стольника А. Языкова и затем отправлен на службу в Кунгур. Перед их отправкой в Кунгур стрелец Н. Д. Крылов был на дворе ссыльных солдат, расположенном на посаде в Стрелецкой красной слободе за деревянным городом, и слышал их «непристойные речи». Солдаты угрожали, что «приехав им з государевы службы к Москве опять бунтовать на Москве, бояр побивать и дома их грабить и розбивать,

¹³ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Новгородского стола, д. 188, лл. 462—466; А. Н. Зерцалов, стр. 246—247.

¹⁴ А. Н. Зерцалов, стр. 357—360; К. В. Базилевич, стр. 101.

¹⁵ К. В. Базилевич, стр. 101.

и разорять», а также «побивать до смерти» московских стрельцов приказов Я. Соловцова, С. Полтева и А. Матвеева за то, что они их, восставших, «имали и до смерти их побивали, а бояр побить им и домов разорить и грабить не дали». Н. Д. Крылову солдаты «загрозили, про то сказывать никому не велели»; поэтому, он, боясь от них «смертного убийства», не донес на них в Казани, сбежал оттуда в Москву и там объявил «великого государя дело». С 16 мая 1663 г., когда Н. Д. Крылов был посажен в московскую тюрьму, по 1671 г. тянулось следствие по его извету. В грамоте от 31 мая 1663 г. боярам кн. Г. С. Куракину и кн. Ф. Ф. Волконскому предписывалось «пущих воров и заотчиков казнить смертью, а иным учинить наказание по своему рассмотренью, чтоб, на то смотря, иным впредь так воровать было неповадно». В ходе следствия выяснилось, что «в воровском заводе» были солдаты полка М. Кровкова — П. Т. Сучка, В. Пименов, А. Маленький-Кудрявчик, А. Е. Беляйка, Е. И. Поморец, В. Щербак, всего шесть человек. Наиболее энергичным из них был, несомненно, Сучка, затем Беляйка. Сучка в ходе следствия был выделен из всех остальных; его несколько раз пытали, наводили о нем справки у полковника М. Кровкова, который подтвердил, что в его полку в роте капитана М. Полозова был московский Садовой слободы солдат Парфен Тимофеев по прозвищу Сучка. Он был послан из Казани на стругах с майором П. Кириковым, 9 июня 1663 г. бежал вместе с солдатами своей роты вятчанами А. и К. Тимофеевыми и солдатами роты И. Ходырева скопинцами С. Власовым, М. Бокаревым, И. Пузиным. Сучка выступает, таким образом, инициатором бегства солдат из полка, а также, по-видимому, инициатором замыслов о новом «бунте» по возвращении в Москву. 31 мая 1671 г. его было приказано сослать «в Сибирь на вечное житье». Судьба остальных его товарищей неизвестна; один из них, В. Щербак, был в 1665 г. «отдан под начал в монастырь, для того, что в уже помешался», очевидно, в результате пыток в ходе следствия¹⁶.

Интересные данные сохранились о поимке беглых солдат полка А. Шепелева.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 990, лл. 1—60; см. также К. В. Базилевич, стр. 105—106.

Черньский воевода Н. Бунин сообщал в отписке, что 14 декабря 1665 г. по извету казачьего десятника из с. Полянок Ф. Халеева привели в съезжую избу «заорленова человека» Н. Халезева, который «в роспросе» сказал, что он был черньским казаком с. Полянок, затем взят в солдаты в выборный полк; «и как де был на Москве бунт, приходили с невежливым челобитьем к твоему государеву двору в Коломенская,— и за то де он, Нестерка, орлен и, заорля, сослан» в ссылку на Чебоксары, затем в Казань, «а с Козани де ходили в поход на Кургур за тотары. А ис Кургура пришел он, Нестерка, в Черньской уезд к жене своей и детем». Далее он показал, что вместе с ним бежало пять курчан (жителей Курского уезда) — П. Пашков «с товарищи», которые шли в Курск к своим семьям. В начале января 1666 г. Халезев был прислан в Москву в Разрядный приказ, а оттуда отправлен в Приказ Казанского дворца для ссылки¹⁷.

Вскоре после получения отписки Н. Бунина из Разрядного приказа была отправлена грамота курскому воеводе А. Н. Аничкову от 9 января 1666 г. Воеводе предписывалось немедленно сыскать беглого солдата П. Пашкова и его товарищей и прислать их с женами и детьми в Москву «с приставы и с провожатыми безо всякого мотчанья», т. е. без всякого промедления. Для розысков воевода послал курского рассыльщика П. Алтухова и четырех стрельцов. Пристав Алтухов выяснил, что Пашков живет не в Курском, а в Рыльском уезде; он привел в съезжую избу «беглого человека» — курчанина М. Бойкова. Были сысканы также курчане И. Леонидов, Г. Воропаев, И. Беседин, В. Фатьянов, мецнянин С. Дерябин, ельчанин А. Куров, кромчанин К. Лактионов. Бойков показал, что всего их бежало из Кунгура 20 человек (в том числе новосильцы, ефремовцы, ломовцы); все они были солдатами полка А. Шепелева, сосланными за участие в восстании 25 июля 1662 г. в Казань; затем их послали в составе полка стольника А. М. Языкова в Кунгур «против башкирских татар». С Кунгура они сбежали в 1664/65 (7173) г. Фатьянов говорил, что бежал он из Кунгура и пришел в Усожский

¹⁷ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 975, лл. 52—55.

стан Курского уезда «в свое поместья в деревню Фотьянову и жил в своем дворе». Фатьянов, следовательно, принадлежал к числу детей боярских Курского уезда. Про свой приход беглые солдаты в Курске не объявили, по словам Беседина, «для того, что де за собою впредь не чаяли присылки и опасались де того, как де нам известить самим на себя, так де нас и опять пошлют». Беседин, Леонидов и Воропаев были посланы в Москву с курчанином П. Белевцовым, который должен был их объявить в Иноземском приказе. Белевцов говорил, что отписку, которая была с ним послана для подачи в Иноземском приказе, он подал в Разбойный приказ, а беглых солдат «не объявлявал», так как «у него де их нигде не спрашивали». Солдаты вернулись домой. Воропаев после возвращения из Москвы «пошел на службу... в нынешнем во 174-м (1665.— В. Б.) году на рождество Христово в Белогороцкой полк» и служил на Полтаве в полку думного дворянина Я. Т. Хитрово.

Бойков в феврале 1666 г. был прислан из Курска в Москву; из Разрядного приказа его переслали в Приказ Казанского дворца, где «сидел он с полдня за решеткою», затем сидел в тюрьме «с неделю», после чего астраханскому сотнику велено было отвести его в Казань, а из Казани «сослать в Кунгур по-прежнему в полк, откуда он бежал». Из Москвы Бойков ехал с сотником на струге Москвой-рекой четыре дня; сотник его не кормил на том основании, что ему «жалованья нечего не дано и запасу, чем де тебя (Бойкова.— В. Б.) кормить; для де меня хотя сегодня умри». Бойков живо и непосредственно рассказывает о дальнейшем: «И я де ему, сотнику, стал говорить: ты де меня отпусти. И он де мне сказал: хотя де таперь к чорту поди, мне де ты не нужен. И я де в те поры от него ис струга и пошел...» Бойков через Коломну и Москву вернулся в дер. Сагалаеву Курицкого стана Курского уезда «и жил только две недели». Бойков и Фатьянов с семьями были снова присланы в Разрядный приказ, оттуда их послали 21 июля 1666 г. в приказ Казанского дворца.

О розыске П. Пашкова была послана грамота рыльскому воеводе М. С. Совину от 13 апреля 1666 г. На розыски направили подьячего рыльской приказной избы Д. Якимова со стрельцами; беглец был разыскан, он оказался не Парфеном, а Федотом Пашковым.

Ф. Пашков показал, что «как де на Москве приходили бунтом х Коломенскому— и он де, Федотка, в тое поры на Москве был в солдатах в Огееве полку Шепелева и в бунту де был же и за бунт изыман и запятнен и... сослан он, Федотка, с товарищи, с курчены же, тово же полку с салдаты в понизовые города, в Кунгур; и в сосланье были года с полтора, а ис Кунгуру збежали». Своими товарищами он назвал М. Савинова, Г Воропаева, И. Леонидова, В. Фатьянова, И. Беседина, М. Бойкова, которые «живут в Курском уезде у отцов своих и у братьи в поместьях». Пашков с семьей также был послан в Разрядный приказ; его сослали «в понизовые города в приказ Казанского дворца»¹⁸.

В мае 1668 г. полковой воевода окольный кн. П. А. Долгоруков сообщал в отписке, что 21 апреля того же года в полк А. Шепелева под Глухов явилось семь солдат этого полка, «которые за коломенской бунт пятненные и сосланы были на Кунгур»; 29 апреля явилось еще шесть человек, «а в роспросе сказали, что они с Кунгура збежали и жили в домех своих...», затем были посланы на службу. Согласно помете на отписке и грамоте из Разряда, полковым воеводам было указано расспросить солдат и выслать в Москву. В дальнейшем было сыскано еще трое беглых солдат; всего их собралось 16 человек. Это воронежские дети боярские С. Пивоваров, О. Мелентьев, Я. Золотарев, Ф. П. Федосов; воронежские казацьи дети А. С. Горбунов, О. Зубков, П. Шерстяного; дети боярские: одоевцы П. А. Воронцов, К. О. Афанасьев, новосильцы М. Т. Васильчиков, И. Сазонов, Я. Хвостов, С. Козлов, ельчане Л. Я. Теплый, С. С. Монюков, Ф. Я. Архипов. Кроме того, называется еще воронежский казачий сын С. А. Юшин, который не был разыскан («остался на Воронеже»). Все 17 были солдатами полка А. Шепелева, сосланными в 1662 г. в Казань; затем, после зачисления в полк А. Языкова, их отправили в Кунгур. Из расспросных речей беглых солдат видно, что некоторые из них бежали с Кунгура в одиночку (Воронцов, Архипов), другие — группами по три (две группы) и девять (одна группа) человек в течение 1661—1667 гг. Все 16 солдат

¹⁸ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 975, лл. 56—57, 75—79, 98, 131—137.

(исключая Юшина) были посланы из-под Глухова в Москву под конвоем пристава Ф. Гурьева и двух стрельцов. Беглецы были отосланы в июне 1668 г. в Приказ Казанского дворца для «ссылки в Казань по-прежнему»¹⁹.

Помимо солдат, в восстании принимали участие посадские, отчасти дворовые люди и др. Следственным делом говорит, что некоторые из них были сосланы²⁰, но о местах ссылки не сообщает. Сохранились данные о дворовом человеке Г. К. Неелове, фамилия которого в опубликованном следственном деле не упоминается. О нем сообщала в челобитной его владелица вдова Устинья Фустова в феврале 1665 г.: «В прошлом... во 171-м году изыман... человек мой дворовой Гришка, как тебя, великова государя, в Коломенском прогневили, и пытан и петнян и сослан в понизовые города»; он явился к ней «бутто на опас», она же велела его «изымать». 13 февраля Неелов показал в Разрядном приказе, что он был сослан «за бунт» в Казань, где был записан «в салдацкую службу» и послан в Кунгур в составе полка стряпчего А. Языкова. «И в прошлом во 172-м году в Петров пост в Финском (ошибка, нужно: «Уфимском». — В. Б.) уезде з башкирцы был бой, и на том бою он, Гришка, ранен. И после того он, Гришка, с службы... збежал от голоду» и пришел в Коломенский уезд в деревню «боярыни своей Устиньи перед сырной неделей за пять дней нынешнего 173-го году»; 26 августа 1664 г. Неелов с женой и сыном были посланы в Приказ Казанского дворца²¹.

В следственном деле сообщается, что после розыска к ссылке был приговорен посадский человек Бронной слободы Борис Иванов²². О нем, вероятно, говорит запись переписной книги Оружейной палаты (по Бронной слободе) за 1663 г.: «и Бориско за бунтовство в прошлом во 171 году сослан в Казань»; по профессии он был свечником²³. Кроме него, переписная книга называет других посадских людей Бронной слободы,

¹⁹ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 384, лл. 407—419, 475.

²⁰ А. Н. Зерцалов, стр. 359.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 1032, лл. 8—11

²² А. Н. Зерцалов, стр. 310, 359.

²³ ЦГАДА, ф. 396 (Оружейная палата), кн. 981, л. 85 об.

участников восстания 1662 г., сосланных в Казань: Я. Лукьянова, Федора алмазника, А. Якимова, А. Никитина²⁴; их фамилий нет в следственном деле.

К памяти из Земского приказа в Царицыну Мастерскую палату от 16 сентября 1663 г. приложена роспись «гилевщиков и бунтовщиков» из московских Кадашевской и Хамовной слобод, всего 24 человека²⁵.

В грамоте из Разрядного приказа от 7 марта 1665 г. нижегородскому воеводе стольнику А. П. Салтыкову и дьяку Ф. Байбакову предписывалось сыскать участников восстания, бежавших «ис кунгурских мест из Рожественной пустыни». Тут же приводится список восставших, фамилии которых отсутствуют в следственных делах. Всего в списке перечислено 38 человек; один из них был из Суздаля, по двое из Ростова, Ярославля, Галича, 9 — из Вологды, 22 — из Белоозера²⁶.

Осенью 1667 г. сыщик А. Заболоцкий сообщал из Печерников, что в селе Мокееве Рязанского уезда «объявился заповедной вор Коломенскому бунту ссыльной человек... Сафонка Сомсонов и с петном воровским». Допрошенный С. Самсонов показал, что во время восстания 25 июля 1662 г. он был «изыман» у Серпуховских ворот Земляного города, т. е. под стенами столицы, затем сослан в Казань, откуда «збежал с товарищи, человек де их с сорок, тому де три года минула весною, в прошлом во 175-м (1667.— В. Б.) году»²⁷.

Мероприятия правительства по подавлению восстания можно, помимо прочих документов, представить по материалам о наградах его усмирителям. Так, в расходной книге Сибирского приказа под 11 августа 1662 г. записано, что головам, полуголовам и сотникам московских стрельцов было велено выдать «соболи» «...за службу, как июля в 25-м числе приходили воры и бунтовщики к великому государю в село Коломенское и на Москве воровали, грабили; и они тех воров и бунтовщи-

²⁴ Там же, лл. 45, 57, 64, 68; В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Новые материалы о московских восстаниях XVII в.— «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 144—145.

²⁵ ЦГАДА, ф. 396, д. 43 236, лл. 1—8; на л. 7, кроме того, называются фамилии двух кадашевцев, «которые объявились в денежном воровстве».

²⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 563, л. 127.

²⁷ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 398, лл. 126—131.

ков переимали по памяти из Стрелецкого приказу за приписью дьяка Александра Дурова»²⁸. В других документах сообщается о награждениях других русских и иноземных «начальных людей» сукнами, соболями и т. д.²⁹.

*

Среди сообщений русских современников восстания на первое место, несомненно, следует поставить знаменитое сочинение Г. Котошихина³⁰. Во время «Медного бунта» он служил подьячим в Посольском приказе и покинул Россию в 1664 г. Свое сочинение, начатое в том же году, он закончил в Швеции в 1666—1667 гг., т. е. спустя несколько лет после восстания. Описание событий 25 июля помещено в главе VII «О приказах», в разделе, посвященном Приказу Большой казны и подчиненного ему Денежного двора в Москве. Сообщив о «медной реформе» и о фальшивомонетчиках, автор переходит к описанию восстания. Он сообщает о содержании прокламаций, начале восстания в Москве, походе первой группы повстанцев в с. Коломенское, событиях в столице, походе второго потока, разгроме восстания, наказаниях повстанцам, их социальном составе, наградах усмирителям. Ценными являются сведения об общем количестве восставших, числе повстанцев, схваченных и погибших во время подавления «бунта» в Коломенском и столице, и др. Как видим, описание содержит весьма широкий круг важнейших сведений о восстании, в том числе цифровые данные. К. В. Базилевич, исходя из своих выводов о масштабах восстания, не был склонен доверять Котошихину; между тем точность ряда сообщений знаменитого подьячего является весьма высокой. Приведем пример: Котошихин сообщает, что в ходе следствия после восстания царь велел в Москве и городах собрать у людей, «которые умели писать», образцы почерков, затем последние сравнивались с «воровскими листами» с целью установления авторов

²⁸ ЦГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), д. 445, лл. 44—45 об.

²⁹ ЦГАДА, ф. 396, д. 8266, лл. 1—3; д. 8283, лл. 1—4; д. 8308, л. 1; д. 8140, л. 1.

³⁰ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. СПб., 1906, стр. 101—104.

прокламаций³¹. К. В. Базилевич замечает по этому поводу: «Едва ли, однако, и это сообщение не является преувеличением»³². Между тем сохранилось архивное дело, в котором собраны образцы почерков московских приказных и площадных подьячих, всего около 400 подписей (более чем из 25 приказов), среди них — подпись самого Г. Котошихина³³. Таким образом, в данном случае, как и в большинстве других, недоверие к сообщениям Котошихина вряд ли можно считать убедительным, хотя в некоторых случаях его утверждения вызывают сомнения. Так, нельзя согласиться с его сообщениями о том, что «заводчиками» восстания явились товарищи «денежных воров», что активных участников восстания было не более 200 человек³⁴; другие источники позволяют не согласиться с этими неверными по существу утверждениями.

В одних случаях неточность известий объясняется, очевидно, тем, что автор преднамеренно сгущал краски, стараясь представить события в России в «черном свете». Нельзя забывать, что заказчиком сочинения выступал не кто иной, как граф Магнус Делагарди — государственный канцлер Швеции³⁵, отношения которой с Россией оставляли желать в XVII в. много лучшего. Это явно сказалось не только на тоне, но и на точности рассказа Котошихина; измена одному правительству и переход на сторону другого требовали освещения событий в определенном духе.

В других случаях неточные сообщения объясняются тем, что автор писал свое сочинение несколько лет спустя после 1662 г. Так, он говорит, что Алексей Михайлович приехал из Коломенского в Москву «на другой день»³⁶ и отдал распоряжения о наказаниях повстанцам (очевидно, после восстания 25 июля, т. е. 26 июля), тогда как по другим источникам он в это время не выезжал из Коломенского, посылая распоряжения со своими подчиненными.

³¹ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 104.

³² К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 101.

³³ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 375, лл. 555—560, подпись Г. Котошихина — на л. 556.

³⁴ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 101, 104.

³⁵ Там же, стр. V.

³⁶ Там же, стр. 104.

Второй русский современник — Г. Н. Собакин — составил свое описание примерно 20 лет спустя после восстания 1662 г.³⁷ Он сообщает весьма ценные сведения о попытке предварительной подготовки восстания, содержания прокламаций, требованиях восставших, ходе движения, его разгроме, розыске, наградах усмирителям, расправах с повстанцами. В его сообщениях есть ряд неточностей: так, восстание датируется не 1662, а 1663 годом, перепутаны фамилии и отчества ряда лиц из правительственного лагеря. Нельзя доверять утверждениям автора о полном неучастии боярских людей в восстании (та же версия приводится в официальных документах), об отходе от движения 300 солдат полка А. Шепелева, о кн. Ф. Ф. Куракине как главе Коломенской сыскной комиссии (на самом деле им был боярин кн. И. А. Хованский, о котором автор совсем не упоминает). В описании нет сведений о количестве восставших, не говорится о двукратном походе восставших в Коломенское, о многих эпизодах движения 25 июля и т. д. Кроме того, в изложении событий восстания допущена некоторая путаница (например, смешение воедино событий первого и второго прихода повстанцев в царскую резиденцию). В то же время его описание подтверждает многие сообщения других источников и содержит немало новых сведений. По форме оно имеет черты политического памфлета, откликнувшегося на события 1682 г. (умалчивание о роли Хованского в событиях 1662 г., приписывание себе его заслуг, в частности, в вызове из Москвы стрельцов в Коломенское, подчеркивание роли стрельцов в событиях 1662 г., сближение событий обоих восстаний — 1662 и 1682 гг.)³⁸.

В описании анонимного автора Летописца 1624—1691 гг.³⁹, отделенном от событий 1662 г. почти 30 годами, кратко говорится о ходе «Медного бунта», но не приводится почти никаких новых подробностей. Представляют интерес данные о социальном составе вос-

³⁷ «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.» М., 1962, стр. 448—453. См. также В. И. Буганов. Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 годов.— «Археографический ежегодник за 1958 г.», М., 1960, стр. 99—105, 108—114.

³⁸ См. В. И. Буганов. Записки современника..., стр. 113—114.

³⁹ «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.», стр. 453—454.

ставших, грабежах в Москве, пёреговорах повстанцев в с. Коломенском с Алексеем Михайловичем, подавлении восстания. Автор, как и другие современники, с удовлетворением сообщает о расправе с восставшими; его утверждение, что «ни един от них убеже, вси погибоша», является, конечно, сильно преувеличенным.

Кратко говорится о восстании 1662 г. в житии Ф. М. Ртищева. Его составитель преследовал определенную цель — прославление своего героя, которому угрожала, по его словам, смерть от «неистовых» «мятежников». Последние «разбегошася, инии же яти быша...». О жестоких казнях благочестивый автор предпочитает умалчивать. Более того, его герой окольник Ф. М. Ртищев «по избавлении же злотворцем своим не взыска зла воздаяти, имея силу отмщение сотвори ти...». ⁴⁰

Из сообщений иностранцев наибольший интерес представляют известия, сохранившиеся в дневнике генерала Патрика Гордона, участвовавшего в подавлении восстания 1662 г. в составе полка Кравфуирда (Крафорта по русским источникам) в чине майора ⁴¹. Гордон приводит данные о содержании прокламаций, требованиях «мятежников», событиях в Коломенском. Интересны его сведения о позиции солдатских и стрелецких полков во время восстания, о сосредоточении правительственных сил в Коломенском и вокруг него. О событиях в столице автор ничего почти не говорит, так как 25 июля он ездил из расположения своего полка (около Новоспасского монастыря в Москве) в Коломенское и обратно, затем стоял с полком у моста на р. Москве под Кожуховым. О многих эпизодах восстания в дневнике нет известий, тем не менее ряд его данных дополняют показания других источников. Сообщение о том, что после восстания было сослано около 200 «мятежников» с женами и детьми, содержит явно заниженные данные, опровергаемые материалами следствия.

⁴⁰ Житие милостивого мужа Феодора Ртищева — «Древняя Российская Вивлиофика» (ДРВ), ч. V—VI (июль — сентябрь 1774 г.). Мышкин, 1895, стр. 26.

⁴¹ «Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г.» (далее: П. Гордон. Дневник), ч. 2 (1661—1684 гг.). Перевод с немецкого М. Салтыковой. М., 1892, стр. 23—25.

А. Майерберг, бывший во время восстания в Смоленске и писавший в значительной степени по слухам, очень кратко рассказав о нем, сообщает малодостоверные сведения о ходе подавления «бунта» (повстанцы «с отчаянной смелостью вонзили в грудь многим стрельцам свои ножи и закололи их в поминоку о себе» и т. д.), о количестве убитых (будто бы «большинство мятежников» из числа первых 9 тыс., пришедших в Коломенское), повешенных (500 человек)⁴².

Шведский дипломатический представитель «королевский комиссар» Адольф Эберс проживал в Москве во время восстания, которое описано им в одном из донесений своему правительству. Он пишет о содержании «пасквильных воззваний», о событиях в Коломенском и Москве, подавлении «мятежа». Абсолютно неверным является его утверждение о непричастности горожан к восстанию, которое будто бы «было поднято только солдатами и некоторыми обедневшими дворянами». В Коломенское, по его словам, пошло несколько тысяч солдат; только в Москве в восстании участвовала «чернь» (т. е. бедные посадские люди), громившая дворы знатных лиц. Критической проверки требуют сообщаемые Эберсом цифровые данные⁴³.

Наконец, в «Theatrum Europaeum»⁴⁴ описание восстания основано, вероятно, на сообщениях современников-иностранцев, живших в Москве. Это видно из того, что в нем явно подчеркивается роль «немецких солдат» в подавлении восстания. С удовлетворением сообщается, что московская «чернь» (Röbel), громившая дворы знатных лиц, не тронула Немецкой слободы, дома иностранных купцов. Здесь приводится краткое описание «бунта»: содержание прокламаций, события в Ко-

⁴² «Путешествие в Московию барона Августина Майерберга... и Горация Вильгельма Кальвуччи... к царю и великому князю Алексею Михайловичу, описанное самим бароном Майербергом» (далее: А. Майерберг. Путешествие). М., 1874, стр. 200—201.

⁴³ Г. В. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700) — «Журнал Министерства народного просвещения», 1898, май, стр. 95—96 (русский перевод и пересказ донесения А. Эберса, сделанный Г. В. Форстеном), 96—98 (немецкий текст подлинника). В переводе Г. В. Форстена имеются ошибки, неточности. Так, в немецком тексте говорится о 2000 стрельцов в Коломенском, в переводе Г. В. Форстена — только о 200, у Эберса говорится о Коломенском, в переводе Форстена о Коломне и т. д.

⁴⁴ «Theatrum Europaeum», т. IX, стр. 647.

ломенском и Москве, разгром восстания. К показаниям этого источника, в частности к цифровым данным, следует относиться критически. Явно преувеличены цифры убитых в Коломенском (4 тыс. человек), казненных после следствия (2 тыс.), но данные об общем количестве восставших едва ли преувеличены (10 тыс. человек).

* * *

Таким образом, хотя многие источники о восстании не сохранились (многие следственные документы, прокламации и др.), имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность довольно отчетливо представить причины и ход восстания, его подавление, следствие, хотя и не со всеми подробностями. Особое значение имеют материалы следствия, в которых перед нами проходят сами участники выступления, о которых молчат другие источники. Правда, описания хода восстания в полном объеме в этих документах не проводится; его нужно составлять как мозаику, из различных показаний участников восстания. Кроме того, необходимо учитывать специфичность этого источника, показания которого требуют критической проверки ввиду того, что участники движения старались уменьшить степень своей вины в глазах властей, чтобы избежать наказания. Этим объясняются многие умалчивания, заведомо ложные сведения, дававшиеся повстанцами.

Отношение официальных документов и всех без исключения современников из правящих классов к восстанию, конечно, резко отрицательное.

Из сообщений современников на первом месте стоят описания русских — Котошихина и Собакина, затем иностранцев — Гордона и Эберса. В них приводится, так сказать, целостное описание восстания, имеются данные о количестве восставших на разных этапах и др., но отсутствуют сведения о конкретных участниках «Медного бунта», не освещен и ряд моментов в истории восстания. Из этого следует, что картина восстания может быть восстановлена путем всестороннего, комплексного изучения всех имеющихся в нашем распоряжении источников, делопроизводственных и описательных, официальных и частных, русских и иностранных. Все источники дополняют друг друга, помогают путем взаимной проверки показаний исправить отдельные ошибки и неправильные утверждения.

Ход Московского восстания

25 июля 1662 г.

Причины, приведшие к взрыву классовой борьбы в столице Русского государства в 1662 г., довольно подробно выяснены К. В. Базилевичем¹. Кратко говоря, они сводились к общему расстройству хозяйственной жизни страны во второй половине 1650 — начале 1660-х годов, вызванному тяжелыми и длительными войнами и крахом финансовых мероприятий правительства царя Алексея Михайловича, резкому усилению феодально-крепостнической эксплуатации.

Объявленная в октябре 1653 г. война с Польшей из-за Украины, воссоединившейся в этом году с Русским государством, потребовала с самого начала больших расходов. Это сразу повело к резкому усилению налогового обложения низших слоев населения — торговцев, посадских людей, крестьян. Уже в 1654 г. и в последующее время проводятся неоднократные сборы так называемых «пятинных денег» (в размере 5, 10 и даже 20% со всего имущества одновременно). Однако средств не хватало. В поисках выхода из затруднительного положения правительство обратилось к чрезвычайной мере: в мае 1654 г. последовал указ с выпуске новых серебряных денег (893 620 немецких ефимков были перечеканены в русские рубли, хотя немецкий ефимок принимался в казну по цене в 49—50 коп.; тем самым доход от перечеканки равнялся 100%). Тогда же было указано из 10 тыс. пудов меди чеканить медные деньги (полтинники, полуполтинники, алтынники и гривенники), причем из 1 фунта меди (он стоил на рынке 12 коп.) выходило 10 рублей. Доход от операции с медными деньгами, номинальная стоимость которых приравнивалась правительственным указом к стоимости

¹ К. В. Базилевич, стр. 4—83; И. Г. Спасский. Русская монетная система. М., 1960, стр. 62—67.

серебряных денег, приближался к 4 млн. руб.— огромной для того времени сумме².

Инициаторами денежной реформы современники и документы того времени называют нескольких лиц — окольничего Ф. М. Ртищева, патриарха Никона, думного дворянина А. Л. Ордина-Нащокина. Медные деньги в течение девяти лет (до их отмены в 1663 г.) непрерывно поступали в обращение, вследствие чего их количество намного превысило стоимость поступавших на рынок товаров. Если сначала население принимало при расчетах медные деньги, то вскоре, спустя несколько лет после начала реформы, появились первые признаки недоверия. Оно приобрело особо отчетливые формы из-за действий правительства, принявшего меры к тому, чтобы изъять из обращения серебряные деньги. С этой целью было велено в обязательном порядке сдавать в казну серебряные, а не медные деньги. Правительство само отдавало им явное предпочтение перед медными деньгами. Медные деньги на рынке стали постепенно падать в цене. Одновременно росли цены на хлеб, соль и другие продукты питания. На ухудшение положения в стране оказали сильное влияние неурожай 1650-х годов, страшная чума 1654 г., неудачи на фронтах военных действий: на Украине и в Белоруссии русские войска в 1659—1661 гг. потерпели ряд поражений, следствием которых были измена Юрия Хмельницкого в 1660 г., потеря некоторых завоеванных территорий (в частности, Гродно, Могилева, Вильно и др.). В этих серьезных неудачах не последнюю роль сыграл и назревавший хозяйственный и финансовый кризис, выражавшийся во все усиливавшейся «дороговизне» на хлеб и другие продукты, общем обнищании широких слоев населения. К концу 50-х — началу 60-х годов относится массовая подача челобитных служилыми людьми и посадскими жителями в московские приказы с жалобами на невыносимо тяжелое положение, материальные лишения и с просьбами о помощи. В 1662—1663 гг. в стране разразилась грандиозная финансовая катастрофа. Начался (несмотря на хороший урожай в 1661—1663 гг.) голод, цены на рынке были взвинчены до предела, медные деньги катастрофически обесценивались. Крестьяне отказывались про-

² К. В. Базилевич, стр. 9—14.

давать съестные припасы на медные деньги, не везли хлеб на городские рынки. Посадские люди, испытывая сильный недостаток в продуктах питания, направлялись за ними в окрестные уезды. Началась спекулятивная лихорадка. Среди ратных людей в полках нарастала настоящая деморализация, они бежали со службы по домам, а их представители подавали властям челобитные о своих нуждах, к весне 1662 г. назревает угроза военного бунта в войсках на западном фронте³.

Если во второй половине 50-х годов серебряные и медные деньги имели на рынке приблизительно одинаковую стоимость, то с конца 1658 г. начинается лаж на медные деньги. К началу 1660 г. в Москве соотношение между серебряными и медными деньгами равнялось 1 : 1,5, к концу 1661 г. — 1 : 4, в первой половине следующего года — 1 : 6, во второй половине — 1 : 8 и 1 : 9, в течение 1663 г. оно от 1 : 10 дошло до 1 : 15⁴.

Правительство с целью наметить мероприятия против роста цен провело в 1660—1662 гг. несколько совещаний с представителями торгово-посадского населения. После совещания 1660 г. правительство принимает меры по подвозу хлеба в город из деревень, направляя соответствующие указы на места. Стрелецкое хлебное жалование было указано собирать натурой, причем часть необходимого хлеба была конфискована у монастырей. В начале 1662 г. была объявлена государственная монополия на шесть «указных» товаров (пенька, поташ, смольчуг, говяжье сало, юфть и соболя). Эти товары в обязательном порядке предписывалось сдавать в казну за медные деньги. Предусматривалась их продажа иностранцам за серебряные деньги. Эта мера была принята по рекомендации совещания правительства с московскими торговыми и посадскими людьми в январе-феврале 1662 г. На совещании его участники прямо указали на медные деньги как на причину дороговизны, голода и расстройств всей хозяйственной жизни в стране, безвыходного положения народа. Представители черных сотен и слобод, в частности, говорили: «Великая нищета и гибель большая чинится хлебной цене и во всяких харчах дороговь великая, а та чинится дороговь от воровских

³ К. В. Базилевич, стр. 35—39.

⁴ Там же, стр. 45.

от медных денег»; «и мы, чернослободцы, от такой хлебной и всякой дороговли и от медной деньги вконец оскудели...»⁵. Совецание указало на необходимость возвращения к серебряным деньгам и созыва Земского собора для обсуждения создавшейся обстановки. Правительство, игнорируя вторую рекомендацию, объявило монополию на шесть «указных» товаров, от продажи которых предполагалось выручать немалые суммы серебром. Консультации правительства с торговыми и посадскими людьми велись вплоть до мая 1662 г.⁶. Одновременно правительство усиливает налоговый гнет. В начале июля 1662 г. был объявлен сбор «пятой деньги» с торговых и посадских людей (20% имущества); с остального населения взимался сбор в размере одной полтины с двора. На 1 октября того же 1662 г. был назначен второй сбор «пятой деньги» со всего населения (исключая стрельцов и пушкарей, находившихся на службе)⁷.

Вся тяжесть усиления налогового гнета, принудительной реквизиции «указных» товаров в 1662 г., кризиса денежного обращения из-за медных денег легла прежде всего на средние и низшие слои городского населения, в том числе столичного. Невыносимым было также положение служилых людей. Верхи торгово-посадского населения сравнительно легко перенесли все тяготы, обрушившиеся на страну, и, более того, извлекли большую выгоду из спекуляции на хлебе и других товарах и из махинаций с фальшивыми медными деньгами, огромное количество которых появилось в обращении. Чернослободцы говорили на совещании в январе 1662 г. о том, что «обогатели и домами пополнились те люди, которые промышляют будами и поташом, и смолчугом, и пенькою, и юхотными товары. Да обогатели и денежные мастера, которые воровские деньги делали»⁸.

⁵ А. Н. Зерцалов, стр. 252; К. В. Базилевич, стр. 56.

⁶ А. Н. Зерцалов, стр. 248—267; С. Ф. Платонов. Нечто о земских «сказках» 1662 года.— Соч., т. I. Статьи по русской истории (1883—1912), изд. 2. СПб., 1912, стр. 130—131; К. В. Базилевич, стр. 52—67.

⁷ «Собрание государственных грамот и договоров», т. 4, № 25; «Акты Археографической экспедиции», т. 4, № 137; К. В. Базилевич, стр. 74.

⁸ А. Н. Зерцалов, стр. 252.

Изготовление фальшивой медной монеты приняло в начале 1660-х годов, особенно в 1662 г., довольно широкие размеры. Если представители приказной и торговой верхушки использовали подделку медных денег с целью бешеной наживы, то со стороны социальных низов это было в известной степени формой протеста против антинародных действий властей. Сохранившиеся данные носят довольно отрывочный характер, но дают представление о размерах и характере деятельности фальшивомонетчиков.

В столбцах Приказа тайных дел сохранился список лиц, «которые сидят в тюрьме и за приставы» по делу о продаже и изготовлении фальшивых медных денег. Список («роспись») не датирован, он хранился в архиве среди бумаг 1659—1660 гг. Его составление относится к 1661 или к началу 1662 г., так как чеканка фальшивой монеты началась до 1662 г. 17 сентября 1661 г. был обнародован указ о наказаниях за изготовление матошников, чеканов, «воровских» денег⁹; в декабре 1661 г., по свидетельству А. Майерберга, в московских тюрьмах содержалось до 40 фальшивомонетчиков¹⁰. К концу 1661 или началу 1662 г., вероятно, и относится список фальшивомонетчиков. В нем перечисляются лица, обвинявшиеся в изготовлении медных денег при помощи чеканов и пойманные с медными деньгами; например, крестьянин боярина Петра Михайловича Салтыкова С. Никифоров «чеканы резал и деньги делал», плотник пороховой мельницы К. Прокофьев взял на мельнице медный оков и продал волочильщику денежного двора, сказав: «на воровское дело». В росписи называются фамилии других «денежных воров» — крестьян боярина П. М. Салтыкова, кн. М. В. Прозоровского, стольника М. Б. Пушкина, стрельцов, посадских людей московских слобод (Бронной, Новой Кузнецкой, Огородной, Кожевнической), посадских людей из Вологды, Романова, Галича, Нижнего Новгорода, наконец, мастеров денежных дворов¹¹. Роспись, хотя и отрывочно, показывает, таким образом, довольно широкий размах в изготовлении фальшивых медных денег. Им занимались крестьяне, стрельцы,

⁹ «Акты исторические», т. IV, № 158, стр. 305—306.

¹⁰ А. Майерберг. Путешествие, стр. 179.

¹¹ ЦГАДА, ф. 27 (Приказ тайных дел), д. 162, лл. 1—6

посадские люди Москвы и ряда городов на севере и северо-востоке государства. То же самое происходило, вероятно, и в других местах.

В описании Г. Н. Собакина приводится известие о челобитье царю «всего государства и всяких чинов людей на дворян и на дьяков, что оне... казну крадут и воровския денги делают и ими торгуют». Оно датировано явно ошибочно «161-м», т. е. 1652/53 г.¹² Сыск «про то денежное дело» был поручен И. Д. Милославскому, царскому тестю, главе правительства с конца 1648 г., начальнику Приказа Большой казны, ведавшего выпуском денег (при нем был монетный двор)¹³.

Боярин И. Д. Милославский «розыскивал всякими сыски накрепко и пытал розными пытками жестокими». По сыску было указано казнить дьяка В. Солохова (отсечь «на Пожаре», т. е. на Красной площади, левую руку и правую ногу), «бить на козле кнутом нещадно» дьяка В. Неферьева, их поместья и вотчины «отписать на... государя», а дьяка В. Неферьева сослать в пожизненную ссылку в Астрахань; других «денежных мастеров» указано «четвертовать, вешать и горло заливать, а иных, бив кнутом, в сылку ссылат з женами и з детми на вечное житье в... дальняя в сибирския города на Лену и в ыныя города»¹⁴. Другие источники подтверждают эти сообщения и позволяют их датировать первой половиной 1662 г. На совещании правительства с московскими торговыми людьми во второй половине января — начале февраля 1662 г. представители торговых и посадских людей указывали, что «учинилась в Московском государстве... великая безмерная дороговль хлебная и соляная.. от медных денег. .» Чернослободцы заявляли, что от медных денег «обогатели денежные мастера, которые воровские денги делали»¹⁵. В выпуске

¹² Чеканка медных монет началась в 1654 г. (К. В. Базилиевич, стр. 9—10, 12, 26).

¹³ И. Д. Милославский возглавлял приказы Большой казны, Стрелецкий, Рейтарский, Иноземский, Аптекарский (см. «Дополнения к т. III Дворцовых разрядов» (далее: ДР). СПб., 1854, стб. 340, 343; РИБ, т. X, стр. 407, 420, 433, 544, 545; ДРВ, ч. XX, стр. 278, 282, 315, 389, 403; К. В. Базилиевич, стр. 108—109).

¹⁴ ЦГАДА, ф. 181 (Рукописное собрание библиотеки МГАМИД), д. 115, лл. 17 об.—18 об.

¹⁵ А. Н. Зерцалов, стр. 249—252; К. В. Базилиевич, стр. 55.— Совещание правительства с торговыми людьми проводи-

фальшивых денег был замешан сам правитель И. Д. Милославский, выбивший для себя монет на 120 тыс. рублей¹⁶. П. Гордон сообщает о казнях фальшивомонетчиков; им отсекали руки, били кнутом, лишали состояния и ссылали в Сибирь¹⁷. По словам Г. Котошихина, имущество фальшивомонетчиков «имали на царя безденежно». Некоторые из их, «люди богатые», откупались «от своих бед» большими взятками царскому тестю И. Д. Милославскому, думному дворянину И. П. Матюшкину. «Посулы» получали не только руководители Приказа Большой казны, но и дьяки, подьячие, которых «допрашивали у пыток порознь», после чего они «винилися, что имали з боярином и з думным человеком вместе», т. е. с И. Д. Милославским и И. П. Матюшкиным¹⁸. Сыск производился в Приказе Большой казны, ведавшем всеми монетными операциями; недаром взятки давались именно его чиновникам. О финале следствия разряды сообщают, что 27 июня 1662 г. царь велел отставить из Приказа Большой казны думного дворянина И. П. Матюшкина и дьяков В. Нефедьева, И. Патрикева, М. Федорова¹⁹. Таким образом, дьяк В. Неферьев в описании Собакина есть, несомненно, дьяк Приказа Большой казны В. Нефедьев, отставленный, вероятно, за взятки и укрывательство фальшивомонетчиков и после наказания кнутом сосланный в Астрахань. Дьяк

лось также в 1660 г., но тогда представители купечества и чернослободцев не говорили о медных деньгах; «Собрание государственных грамот и договоров», ч. 4. М., 1828, № 18, стр. 69—72; К. В. Базилевич, стр. 46—48.

¹⁶ А. Майерберг. Путешествие, стр. 179.

¹⁷ П. Гордон. Дневник, ч. 2. М., 1892, стр. 20; см. также С. Коллинс. Нынешнее состояние России. М., 1846, стр. 23.

¹⁸ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. СПб., 1906, стр. 100—101.

¹⁹ В Большой казне «в товарищах» с боярином И. Д. Милославским приказано вместо них сидеть думному дворянину И. А. Прончищеву и дьякам Г. Дохтурову, И. Фомину («Дополнения к т. III, ДР», стб. 340). В записной книге 1661—1662 гг. царский указ датируется не 27-м, а 29 июня; кроме эго, вместо дьяка М. Федорова в ней называется дьяк М. Львов (см. ЦГАДА, ф. 210, записные книги Московского стола, д. 12, л. 156). 29 июня были отставлены от дел в Стрелецком приказе дьяки И. Степанов, С. Шарاپов. Они были, очевидно, взяты под стражу, так как 3 августа были отданы «за приставы» на дворы дьяка Сибирского приказа Г. Протопопова на Никитской улице и дворецкого А. С. Сытина на Покровке (там же, лл. 156, 258 об.).

В. Солохов повинен был, очевидно, в более серьезном преступлении. По указу от 17 сентября 1661 г. отсечением левой руки и одной ноги наказывались «денежные воры», которые «учнут чеканы резать, а иные с чужих матошников чеканы ж переводить и деньги делать»²⁰. Вероятно, В. Солохов вырезал чеканы или использовал для этого чужие «матошники», которые сам не делал. Об отставке И. П. Матюшкина и «гневе» царя на И. Д. Милославского²¹ Собакин умалчивает. Сыск и наказание виновных, о которых говорит Г. Н. Собакин, происходили весной — летом (февраль — июнь); закончилось следствие, вероятно, в конце июня — начале июля 1662 г., незадолго до восстания.

Неожиданные результаты сыска, в ходе которого выявились злоупотребления правящей верхушки, в том числе руководителя следствия и его помощника в Приказе Большой казны, не могли не взбудоражить жителей столицы. Следствие закончилось к началу июля; в это же время был объявлен сбор пятой деньги с посадских людей на жалованье ратным людям. Обесценение валюты, дороговизна, рост налогов, общее ухудшение положения народа, усиление крепостнической эксплуатации вызвали острое недовольство низших и средних слоев посадского населения Москвы, служилых людей московского гарнизона и армии²².

К. В. Базилевич не без основания полагал, что выступление 25 июня было подготовлено заранее. О возможности близкого взрыва написал в своем сочинении А. Майерберг, уехавший из Москвы незадолго до восстания. Дьячок Алексеевского девичьего монастыря показал на следствии, что он еще «вскоре» после «светлой недели» (пасхи), т. е. месяца за три до восстания, слышал разговоры следующего содержания: «Чернь де собирается и чаять от них быть погрому двору боя-

²⁰ АИ, т. IV, № 58, стр. 305.

²¹ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 101.

²² 13 августа 1662 г. смольнянин С. П. Румянцев от имени служилых людей «розных городов» подал челобитную о «служилых скудостях», от которых они «прибтели» в Москву за жалованьем и ждут государева указа «по се число»; служилые люди жаловались на воевод, которые не отпускают их из полков в Москву для подачи челобитных царю (ЦГАДА, ф. 210, записные книги Московского стола, д. 12, л. 186—186 об.).

рина Ильи Даниловича Милославского да гостя Василья Шорина и иных богатых людей за измену в денежном деле, будто он, Василий, да кадашевец, а как его зовут, того не ведает, деньги делали...»²³. Тот же Д. Филиппов слышал, что «до нынешнего смутного времени дня за два» И. Д. Милославский, Ф. М. Ртищев, В. Шорин были написаны в «воровских листех». Можно думать, что инициатива составления прокламаций и выступления 25 июля исходила от посадских людей, живших на Сретенке. Тот же Д. Филиппов слышал «от мирских людей», что «в том воровском заводе был Сретенския сотни тяглец Андрюшка, а чей, — того не ведает». Г. Н. Собакин, может быть, имеет в виду определенное лицо, когда говорит, что «воровской лист» написал и приклеил на Сретенских воротах «некоторой вор». В восстании довольно активную роль играл посадский человек Сретенской сотни Лука Жидкой, который показал, что рано утром (во втором часу) 25 июля «на Сретенской на большой улице был у них, у мирских людей меж собою совет о пятинной деньге». В то же время в первом часу на Сретенку пришел «из двора своего из-за Трубы» стрелец Кузьма Нагаев, тоже активно участвовавший в движении²⁴. Прокламации были заготовлены еще до 25 июля, так как они расклеивались по площадям, воротам, стенам и перекресткам в ночь с 24 на 25 июля. Г. Н. Собакин дополняет эти сведения ценным известием: «черные люди и розных слобот и всякия волныя люди... надеялись на приказы стрелетцкия и на боярских дворов людей и посылали их тайным обычаем наговаривать, чтоб оне были с ними заодно»²⁵, т. е. прямо говорит о попытке предварительной подготовки выступления; весьма вероятно, что агитация в пользу восстания велась и по отношению к солдатским и рейтарским полкам, расположенным в Москве. Утверждение Г. Н. Собакина, что стрельцы и холопы («боярские люди») «к воровству их и к бунту не пристали и во всем им отказали», неточно, так как в ходе следствия выявилась их некоторая причастность к восстанию. В части, касающейся стрельцов, автору в

²³ А. Н. Зерцалов, стр. 299—300.

²⁴ А. Н. Зерцалов, стр. 299—300; К. В. Базилевич, стр. 85—86.

²⁵ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 19 об.

целом можно доверять, так как они, действительно, в основном не приняли участия в восстании. Более того, они явились основной карательной силой. В подавлении «гиля» приняли участие и «боярские люди» (холопы). Едва ли можно полностью принять на веру сообщение Собакина о попытке предварительной агитации среди стрельцов. Более справедливо, можно полагать, сообщение автора Летописца 1624—1691 гг.: «Московский же стрельцы к ним (восставшим.— В. Б.) не присташа, понеже совета с ними не бысть»²⁶. Утверждение же Собакина объясняется тем, что его рассказ был составлен вскоре после восстания стрельцов в 1682 г. Он сознательно противопоставляет поведение стрельцов в 1662 г. их «буйству» двадцать лет спустя²⁷.

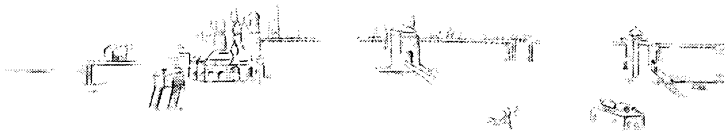
Следственные документы дают основание думать, что солдаты были заранее извещены о выступлении и даже месте сбора при выходе из Москвы. Так, поручик И. Грабленный показал, что солдаты разных рот (в том числе и его роты), бежавшие по московским улицам к Коломенскому, «не доходя Земляного города Серпуховских ворот, учили кричать... передним людям, солдатам же, и велели им стать, и учили говорить, чтоб им идти к Серпуховским воротам, там де полк собирается...»²⁸. Солдаты роты кн. Д. Кропоткина, несмотря на барабанный бой, сзывавший их к съезжему двору, не послушали своего начальника, «многие к съезжему двору не пошли, а пошли к Серпуховским воротам, а сказали ему, что у Серпуховских ворот полк собирается»²⁹. Этот настойчиво повторяющийся мотив в показаниях на следствии явно указывает на то, что среди солдат существовала накануне восстания договоренность о выступлении и сборе у Серпуховских ворот. О том же свидетельствуют их энергичные действия в самом начале восстания, когда, по словам кашашевца А. Семенова, «солдаты де Агеева полку Шепелева и иные многие люди из лавок

²⁶ «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.» М., 1962, стр. 453.

²⁷ В. И. Буганов. Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 годов.— «Археографический ежегодник за 1958 г.» М., 1960, стр. 105 и др.

²⁸ А. Н. Зерцалов, стр. 316—317.

²⁹ Там же, стр. 321.

Красная площадь. Из «Альбома Майерберга» 1661—1662 гг

(на Красной площади.— В. Б.) всех людей выбили, а говорили: кто не пойдет,— хотели побивать»³⁰.

Таким образом, активной силой в подготовке восстания выступают городские низы, солдаты, в меньшей степени стрельцы, хотя из их рядов вышел выдающийся агитатор в пользу выступления Кузьма Нагаев. Сюда же можно включить низшее духовенство, мелкий приказной люд. Это доказывается и анализом данных о главных предводителях и наиболее активных участниках восстания.

Непосредственным толчком к выступлению послужили прокламации («воровские листы»), расклеенные в столице в ночь перед восстанием и составленные заранее. Их прибивали и приклеивали в разных местах города, на площадях, на решетках, перегораживавших улицы на перекрестках, и т. д. Автор летописца 1624—1691 гг. говорит по этому поводу, что «возмутиша народ смутницы, написаша писмена воровски и по вратам градским, иныя же по крестцам и по улицам нощию тайно прибиша, написано же едино во всех тех писменех на бояр измена»³¹. Таким образом, было заранее заготовлено довольно значительное количество одинаковых по содержанию прокламаций, которые одновременно появились в разных концах Москвы (Сретенка, Лубянка,

³⁰ Там же, стр. 326.

³¹ «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.», стр. 453.

Покровка, Котельники). Это делает честь организованности и оперативности руководителей и их сподвижников, готовивших выступление.

Тексты прокламаций до нас не дошли, их содержание очень скупо пересказывается современниками и в материалах следствия. В литературе не раз говорилось о краткости и немудрености содержания прокламаций, только К. В. Базилевич предполагал, что их размер (они были написаны на двух листах каждая) был больше, чем это нужно для перечисления пяти-шести фамилий ненавистных лиц из окружения царя³².

Сопоставление различных данных источников показывает, что основной мотив прокламаций сводился к «измене» влиятельных лиц, ведавших управлением всеми государственными делами. С этого, несомненно, начиналась прокламация. Ее содержание ассоциировалось с обвинением по адресу «изменников»: на Красной площади восставшие кричали, что «нашли письмо, а написаны в нем изменники»³³. Наиболее полно излагается содержание прокламации в описании Г. Н. Собакина: в ней было написано, «будто великому государю изменяют» бояре И. Д. Милославский, И. А. Милославский, окольниковые Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, дьяк Приказа тайных дел Д. М. Башмаков, гости В. Шорин с сыном, С. Задорин «и иныя гости», далее — конкретные обвинения: «будто отпускают ево государеву казну х королю полскому в Литву пороховую и днежную многую и Московскому государству разорение делают большое»³⁴.

По Г. Котошихину в «листах» было написано, «будто те бояре ссылаются листами с польским королем, хотя Московское государство погубить и поддать польскому королю». В день восстания о В. Шорине восставшие говорили, что он «побежал в Польшу з боярскими листами»³⁵. Д. Филиппов говорил на следствии: «говорят де в миру..., что де присланы из Польши листы воровские про окольникового про Федора Михайловича Ртищева»; в «воровских листех», по его словам, были

³² К. В. Базилевич, стр. 86.

³³ А. Н. Зерцалов, стр. 309.

³⁴ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 19—19 об.; в Коломенском восставшие требовали выдачи тех же лиц — там же, л. 20—20 об.

³⁵ Г. Котошихин. Указ. соч. стр. 101, 103.

«написаны» И. Д. Милославский, Ф. М. Ртищев, В. Шорин. В день восстания 25 июля про гостя В. Шорина был пущен слух, что он бежал в Польшу «з боярскими листами». С. Ларионов говорил, что в «письме» был написан также И. М. Милославский³⁶. Шведский комиссар А. Эберс, во время восстания находившийся в Москве, писал о содержании «пасквильных воззваний»: в Москве мало войска и съестных припасов, солдаты умирают с голода из-за недостаточного жалованья, получаемого медными деньгами; полякам, с которыми ссылаются богатые господа и гости, легко будет взять Москву. В Коломенском восставшие показывали царю «экземпляры пасквилей» и требовали наказания «изменников» — И. Д. и И. А. Милославских, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово, думного разрядного дьяка С. Заборовского, гостей В. Шорина, С. Задорина, Облязова и В. Стоянова (ср. указание Г. Н. Собакина на «иных гостей» в прокламации) «и многих других богатых и знатных...» Объектом народного недовольства был и окольный Р. М. Стрешнев. В «Theatrum Europaeum» М. Меера говорится, что, согласно прокламациям, бояре продали Москву полякам и татарам³⁷. Слухи о военном предательстве были среди народа, по-видимому, устойчивыми. К тому же И. Д. Милославский, Ф. М. Ртищев и другие действительно имели непосредственное отношение к переговорам с польскими дипломатами. Они поддерживали с ними постоянный контакт и вели неоднократно неофициальные переговоры. Мотив «измены» был очень популярен среди московского населения. Так, 3 августа 1662 г. в Москве «перед бояры» дал показания В. Собакин: дня четыре назад (т. е. 30—31 июля) сказал ему в собольном ряду торговый человек В. Куприянов-Сиг, что он слышал о приезде в Москву стрелецкого головы «ис тех, которые на государеву службу (на театр военных действий.— В. Б.) посланы»; стрелецкий голова собирался бить челом о том, что порох, отпускаемый в армию, присылают «пополам с песком» (или, по другой версии, в бочках порох насыпан

³⁶ А. Н. Зерцалов, стр. 301, 303.

³⁷ Г. В. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в., стр. 95—96, 97; «Theatrum Europaeum», ч. IX, стр. 647.

только сверху, а под ним де лежит пенька) ³⁸. Слова прокламации о «большом разорении», причиняемом государству «изменниками», имеют в виду, вероятно, не только утверждение об отпуске в Литву пороховой и денежной казны, но и другое, о чем Г. Н. Собакин умалчивает. Об этом говорит П. Гордон: «Мятежники» требовали удовлетворения жалоб на медные деньги, соль и другие предметы и развесили по городу «воззвания такого содержания»; на Красной площади «перед Земским приказом какой-то дьяк прочитал бумагу, в которой перечислялись вышеупомянутые жалобы и имена некоторых злоупотреблявших лиц» ³⁹. Между прочим, во время следствия некоторые арестованные говорили, что они 25 июля в Коломенском били челом «о соли» ⁴⁰.

А. Майерберг в список «изменников», помимо И. Д. и И. А. Милославских, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово, включает боярина С. Л. Стрешнева, дядю царя; восставшие 25 июля принесли на них «бесчисленные жалобы» — «на их строптивость, нахальство, взяточничество, растрату казны, измену и требовали их смерти» ⁴¹. Во время восстания 25 июля за боярином С. Л. Стрешневым восставшие «гонялись» с палками, солдат полка А. Шепелева кричал: «те де люди им и надобны»; в их глазах он был одним из «изменников».

Прокламация состояла, таким образом, из двух частей; первая часть содержала список «изменников», в котором определенно упоминались восемь человек: И. Д. и И. А. Милославские, Ф. М. Ртищев, Б. М. Хитрово, Д. М. Башмаков, В. Г. Шорин, Б. В. Шорин, С. Задорин; пять фамилий — С. Л. и Р. М. Стрешневых, С. Заборовского, Облязова, В. Стоянова, — возможно, также упоминались в прокламации; по крайней мере, они тоже вызывали ненависть восставших, которые требовали расправы с ними. Все они составляли тот круг придворных деятелей и крупных торговцев, которые держали в своих руках управление государственными делами, крупные торговые операции и были виновны в различных злоупотреблениях (монетная операция, махинации с

³⁸ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 43—47.

³⁹ П. Гордон. Дневник, стр. 23.

⁴⁰ А. Н. Зерцалов, стр. 325.

⁴¹ А. Майерберг. Путешествие, стр. 200; А. Н. Зерцалов, стр. 296, 315, 417.

фальшивыми деньгами и т. д.), вызвавших справедливую ненависть городских низов и служилых людей⁴².

Во второй части характеризовалась «измена» бояр и гостей (сношения с Польшей), говорилось о бедствиях, связанных с введением медных денег, недостатком соли и других предметов первой необходимости. Лозунгом восставших был не только мотив боярской «измены», как полагает К. В. Базилевич, но и требование снижения налогов, прекращения злоупотреблений, вызванных медной реформой.

Восстание началось рано утром 25 июля. В первом часу дня, т. е. примерно с 4 ч. 30 м. до 5 ч. 30 м., в Москве было «тихо», на Сретенке еще не было народа. Но немного спустя появились первые признаки волнения. Во втором часу дня (между 5 ч. 30 м. и 6 ч. 30 м.) на Сретенке состоялся совет «мирских людей»; там же, около Лубянки, уже толпились у решетки, где была прилеплена прокламация, «многие люди». В третьем часу дня (с 6 ч. 30 м. до 7 ч. 30 м.) о прокламациях стало известно московским властям⁴³. В это же приблизительно время и позже разыгрались события на Лубянке и затем на Красной площади. Так, в третьем часу дня капитан кн. Д. Кропоткин велел барабанщику своей роты А. Гриневскому бить в барабан «для того, что учинился в людях шум»⁴⁴. Таким образом, чтение «письма» на Лубянке, поход толпы восставших к Красной площади, чтение прокламации у Земского приказа происходили примерно в 6—8 часов утра.

Ф. Манкиев говорит, что «оба бунта» (восстания 1648 и 1662 гг.) «начаток свой и сбор народный в Красном селе имели, и там чернь совокуплялася». Следственные источники сообщают только о двух красносельцах — участниках похода восставших в Коломенское, но они не играли сколько-нибудь заметной роли в

⁴² К. В. Базилевич, стр. 106—112.

⁴³ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, л. 258, см. также д. 327, лл. 5—6; С. А. Белокуров. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165—7183 гг.—«Чтения ОИДР», 1908, кн. 1 (224), стр. 147; А. Н. Зерцалов, стр. 298.

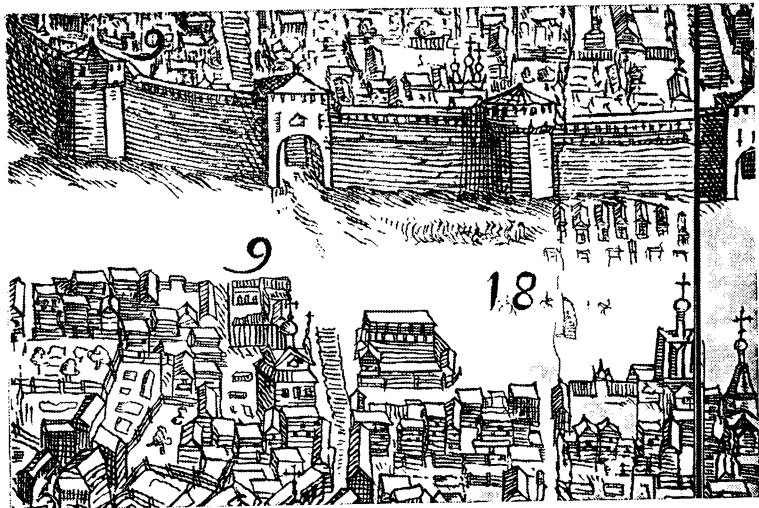
⁴⁴ А. Н. Зерцалов, стр. 323.

восстании. Более определенны показания источников на инициативу, исходившую из Сретенской сотни, расположенной, впрочем, недалеко от Красного села. «Совет» о пятинной деньге происходил именно в этом месте; там же, около Лубянки, собралась большая возбужденная толпа, слушавшая чтение прокламации стрельцом К. Нагаевым и его предшественником. Не случайно, что рано утром («на первом часу дня») К. Нагаев пришел со своего двора «из-за Трубы») (место между Трубной площадью и Петровскими воротами) на Сретенку, затем прошел по Сретенке к Лубянской площади. Активная роль К. Нагаева как энергичного агитатора в пользу восстания достаточно известна; возможно, он является одним из агитаторов, еще до 25 июля призывавших стрельцов и, возможно, солдат к выступлению. Вероятно, К. Нагаев был заранее посвящен другими руководителями в план восстания, в ходе которого он должен был сыграть определенную роль.

О начале восстания Г. Н. Собакин сообщает, что восставшие «лист воровской, вышетчи, многим людям и всему государству чли во многих местех и, четчи тот лист и бив в набаты и по церквам в колокола, и пошли бить челом великому государю в село Коломенское...». По словам автора летописца 1624—1691 гг., «...во царствующем же граде Москве внезапно возмутися народ и яко волны морския, волнующияся без ветров, тако и смущающияся человецы... Егда же дню наставшу, собирахуся везде к тем хартиям народи, яко полки, и сия чтуще всем вслух, и собравшеся отвсяду в соединении множество народа на Красную площадь и вси вкупе учиниша гиль и мятеж...»⁴⁵. Столь же кратко сообщает о начале восстания Г. Котошихин: «И наутрее всякого чину люди, идучи в город, те писма чли и взяли к себе, и, пришед на площадь к Лобному месту, у рядов, стали те писма честь вслух всем людем»⁴⁶. Из этих сообщений видно, что у прокламаций собралось рано утром большое количество людей («яко полки»), слушавших в разных местах столицы чтение «листов», содержащих обвинения против ненавистных народу лиц из правящей верхушки и богатеев-купцов.

⁴⁵ «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.», стр. 449—453.

⁴⁶ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 101.

Варварские ворота Китай-города.
 Деталь Сигизмундова плана Москвы 1610 г.

Наиболее подробная картина начала восстания вырисовывается из следственных материалов. Посадский человек Сретенской сотни Л. Жидкий показал, что прохожие, которые шли «часу в другом дня» от Никольских ворот Сретенкой, «говорили: на Лубянке де у столба письмо приклеено». У этой прокламации, прилепленной у решетки, по словам К. Нагаева, «толпятся многие люди и чтут письмо...». Прокламацию К. Нагаеву «дали... миром прочесть вслух». Последний читал ее у церкви Феодосии на Лубянке, причем «чел миру не в одном месте и говорил, чтоб стоять всем на изменников». В варианте допроса Л. Жидкого, сохранившемся в московском следственном деле, об этом сказано подробнее: «А стрелец де Куземко... письмо... в мир чол не в одном месте и имена бояр и гостей, про которых писано, всем рассказывал и говорил, что стоять всем на изменников». Таким образом, К. Нагаев давал «миру» характеристики перечисленных в прокламации лиц, агитируя в пользу выступления. По словам тяглеца Сретенской сотни Б. Лазарева, К. Нагаев в чтении прокламации на Лубянке имел какого-то предшественника. Сам Нагаев,

«отбив» этого «неведомого» человека, «учал то писмо честь всем вслух и кричал шумко, чтоб слушали все». По его собственным словам, он призывал к единству против богатых и власть имущих: «...во весь мир говорил, чтоб за то миром постоять заодно»⁴⁷.

Московские власти (боярская комиссия во главе с кн. Ф. Ф. Куракиным), находившиеся рано утром в Золотой палате Кремля, вскоре узнали о начавшихся волнениях. Сотский П. Григорьев «известил» их о чтении прокламации на Лубянке, другой сотский С. Шапочников — о том же «в Котельниках». Чтение происходило и в других местах (на Покровке и т. д.). Прокламацию, принесенную из Котельников, бояре срочно отослали царю в Коломенское. За «письмом» на Лубянку послали вместе с П. Григорьевым руководителей Земского приказа дворянина С. Ларионова и дьяка А. Башмакова. Их встретила возбужденная и решительно настроенная толпа, которая преследовала до Спасских ворот Кремля Ларионова и Башмакова, снявших прокламацию на Лубянке; их чуть было не стащили с лошадей. Кузьма Нагаев, участвовавший в этом преследовании, кричал в народ, «что того письма в город они не отвезут, а отвезут де то письмо к боярину к Илье Даниловичу Милославскому, и там де то дело так и изойдет, и за то де воровское дело вы, православные христиане, всем миром постоит»⁴⁸.

Прокламация была отнята и снова прочитана на Красной площади, где собралось большое количество народа (по Котошихину, до 4—5 тыс. чел.). Сохранились известия, что одним из читавших был тот же К. Нагаев, другим — неизвестный подьячий. Волнение охватило весь город, в том числе слободы, в которых были расквартированы солдаты полка А. Шепелева. Ударили в барабаны; солдаты, вероятно, по заранее достигнутой договоренности, шли к Серпуховским воротам, не слушая своих командиров (под тем предлогом, будто там собирается весь полк). Часть солдат «и иные многие люди» «выбивали» москвичей из торговых рядов, из лавок, «а говорили: кто не пойдет, — хотели побивать». Их начальник — полковник А. Шепелев — стоял в это вре-

⁴⁷ А. Н. Зерцалов, стр. 298—299, 303, 304, 307; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 14—15, 19а, 258—259.

⁴⁸ А. Н. Зерцалов, стр. 303, 304; ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 1.

мя у обедни в Благовещенском соборе. Весть о «гиле» принес ему майор Г Юшков; полковник побежал из собора в Золотую палату и стал просить бояр, чтобы его отпустили в Коломенское. Однако кн. Ф. Ф. Куракин «с товарыщи», очевидно испуганные и растерянные неожиданными событиями, не дали согласия. Полковник срочно послал в Коломенское капитана С. Воейкова к боярину С. Л. Стрешневу. Оттуда Воейков привез ему указание направиться в Коломенское с теми солдатами, которых удалось собрать (в Кожевниках, например, не было уже ни одного солдата). Шепелев подошел к Серпуховским воротам, где к этому времени оказался и боярин С. Л. Стрешнев, прибывший от царя из Коломенского. Большое количество восставших, среди которых были и солдаты полка Шепелева, направились к царской резиденции⁴⁹.

Все действия повстанцев утром 25 июля не сопровождались ответными мерами властей и боярской комиссии во главе с кн. Ф. Ф. Куракиным, в которую входили окольные В. А. Чеглоков, кн. Д. С. Великого-Гагин, кн. Т. И. Щербатый, Н. М. Боборыкин, М. С. Волынский, кн. И. П. Барятинский, думный дьяк Л. Лопухин⁵⁰.

В Москве был расквартирован ряд стрелецких, солдатских, рейтарских полков; в Кремле и по всем частям Москвы несли караульную службу тысячи стрельцов многих приказов⁵¹, но они соблюдали своеобразный нейтралитет. Народный сбор на Лубянке, чтение прокламации, преследование толпой руководителей Земского приказа С. Ларионова и А. Башмакова, которых едва не сбили с лошадей,— все это видели стрельцы приказа Я. Соловцова, не сделавшие ни малейшей попытки вмешаться в ход событий⁵², хотя стрелецкая караульная стояла в нескольких десятках саженей от церкви Феодосии

⁴⁹ А. Н. Зерцалов, стр. 309—310, 313—323, 326.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 210., записные книги Московского стола, № 12, л. 171—171 об.; «Дополнения к т. III ДР», стб. 342—343.

⁵¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 147 и сл. Представление об их количестве дают данные 1678 г.—из 22 504 стрельцов московских приказов на караулах стояло 5437 чел.—ЦГАДА, ф. 396, д. 48 874, лл. 1—12, см. также д. 8254, лл. 1—3. По Г. Котошихину, «на царском дворе и около казны» бывает по 500 стрельцов ежесуточно—Указ. соч., стр. 90.

⁵² ЦГАДА, ф. 210, д. 327, л. 7; А. Н. Зерцалов, стр. 299.

(у Никольских ворот на Лубянке), у которой читали прокламацию⁵³. Такую позицию занимали, очевидно, и другие полки, одни из которых были, возможно, смущены слухами об «измене» бояр, другие не знали о событиях, которые разразились с такой быстротой и неожиданностью. Московские власти явно растерялись и не принимали никаких мер против восставших, которые заполнили Красную площадь. Их собралось несколько тысяч человек, большая часть которых (4—5 тыс. чел.) направилась в Коломенское⁵⁴. Восставшие «мужики», «чернь», московские «всяких чинов люди» бежали в большом количестве «розными улицами» из Москвы по направлению к Коломенскому; они несли в Коломенское не только прокламацию («воровской лист»), но и челобитную. Восставшие были очень возбуждены и настроены весьма решительно. Капитан Д. Кудрявцев в Голутвенной слободе увидел, как «на улице бегают мужики и салдаты». Капитан П. Аншутин показал на допросе: «...бегут из города (в Коломенское.— В. Б.) многие люди, а говорят: рубить литва и сыскали изменников». В Москве били в набаты, по церквям звонили колокола, начались погромы дворов ненавистных народу лиц⁵⁵.

К восставшим присоединилось некоторое количество ратных людей, в первую очередь солдат полка А. Шепелева. Об их участии в восстании в литературе отсутствует определенное мнение. Вопрос о количестве и степени участия солдат, а также роли «начальных людей» в восстании не исследован. К. В. Базилевич, отдавая дань традиции, писал, что некоторые офицеры вызвали подозрение властей своим поведением во время восстания.

В полку А. Шепелева в 1661/62 (7170) г. насчитывалось в составе 21 роты около 2,5 тыс. солдат⁵⁶. Более одной пятой состава полка приняло участие в восстании.

⁵³ ЦГАДА, ф. 396, д. 1164, л. 226.

⁵⁴ П. Гордон. Дневник, стр. 23; Г. Котошин. Указ. соч., стр. 102.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, лл. 33, 69, 70; ф. 181, д. 115, л. 20—20 об; Г. Котошин. Указ. соч., стр. 102; А. Н. Зерцалов, стр. 313, 315 и др.

⁵⁶ В 7170 г. по смете соль получили 2461 чел. урядников и солдат полка А. Шепелева — ЦГАДА, ф. 141, д. 112, лл. 1—2; д. 113, л. 1. В начале 1663 г. полк насчитывал 2287 чел. — там же, д. 109, л. 124.

Г. Н. Собакин сообщает, что в Коломенское приходило 500 солдат с «начальными людьми», т. е. около 5 рот. Это подтверждается показанием солдата полка А. Шепелева — С. Вешнякова: «...пошли в Коломенское челобитчики, розных чинов люди, и они де, выборные солдаты, почели бить в барабаны, и отобралось де их человек с пятьсот, и пошли в Коломенское, и пристали к мужиком»⁵⁷. Утверждение А. Эберса о нескольких тысячах солдат, участвовавших в восстании, представляется преувеличенным⁵⁸. Сообщения русских источников, вероятно, ближе к действительности. Из 500 солдат в ходе подавления восстания было арестовано около 350 человек, известны фамилии более 280 солдат⁵⁹. Солдаты, несмотря на их утверждения во время розыска, что они пошли в Коломенское за начальными людьми, другие — «без дела», за «мужиками» и т. д., двинулись из Москвы по собственной инициативе (одни шли «с ружьем, а иные без ружья»).

Медная реформа, недостаточное жалованье, дороговизна, слухи о военной измене не могли не оказать своего влияния на полк, более половины которого в 1661 г. участвовало в сражениях⁶⁰. В Москве солдатские роты были расквартированы в десяти слободах (Кожевницкой, Голутвенной, Покровской и др.)⁶¹; рано утром там «учинился шум» среди «мужиков», т. е. посадских людей; на Покровке была прибита прокламация; солдаты выбегали из домов и, не слушая офицеров, присоединялись к восставшим. 26 июля в Никольско-Угрешском

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 20; ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 227—228.

⁵⁸ Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96, 97.

⁵⁹ А. Н. Зерцалов, стр. 296—297, 323—326, 343; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, лл. 37—39; д. 959, лл. 87—96а, 227—229; д. 384, лл. 408, 418; д. 975, лл. 56—57, 75—79, 98, 131—137, 82—83, 138—140, 52—55.

⁶⁰ В 1661 (7169 г.) половина полка во главе с полковником А. Шепелевым в составе армии боярина кн. Ю. А. Долгорукого билась с «литовскими людьми» на р. Басе; другая половина полка во главе с полуполковником В. Бюстом находилась в это время в Москве — ЦГАДА, ф. 141, д. 27, лл. 1—5.

⁶¹ Некоторые солдаты жили не в слободах, а квартировались у московских посадских людей. Сохранились известия (за 1663 г.) о том, что солдаты полка Шепелева жили в Ваганькове на пустых псарских дворах, но потом, возможно после «Медного бунта», их расселили по слободам — ЦГАДА, ф. 141, д. 164, лл. 1—2.

монастыре солдатам задавали вопросы: чернослободцам «говорили ль, чтобы они шли в село Коломенское гилем, и до нынешнего смутного времени не было ль у них промеж себя какова воровского умыслу и заводу?» Командиры, за которыми будто бы «пошли» солдаты, пытались их остановить, уговаривали не ходить в Коломенское, но солдаты им «учинились непослушны», направились в Коломенское. Они не были пассивными исполнителями приказаний командиров, а действовали вразрез с ними. Активная роль солдат не говорит об организующей, направляющей роли только «военного элемента»; такую роль играли в первую очередь московские посадские люди, служилые люди стоят на втором месте. В целом командиры, вероятнее всего, пошли в Коломенское отнюдь не из сочувствия к восставшим. В обстановке начавшегося восстания, когда приказа было получить не от кого, когда передавались слухи о сборе полка у Серпуховских ворот, о пребывании А. Шепелева в Коломенском (на самом деле он был в Кремле), а солдаты вместе с посадскими людьми направились к царской резиденции, начальные люди пошли вслед за ними, одни в надежде их остановить и вернуть в Москву, другие предполагали получить в Коломенском указания от начальников (боярина С. Л. Стрешнева, полковника А. Шепелева), хотели принять участие в подавлении восстания⁶². В то же время отдельные командиры низших званий принимали заметное участие в ходе самого восстания (см. ниже).

Потоки восставших, к которым присоединилось более 500 ратных людей, разными улицами через ворота Земляного города устремились («бежали») в Коломенское. Это было примерно между 8 и 9 часами утра. Московские власти не могли воспрепятствовать действиям восставших; они только послали в Коломенское весть, «что на Москве учинилась смута и начали дома грабить»⁶³. Восставшие, «многие люди», всем встречным сообщали, что нашли «письмо», в котором написаны «изменники». Тяглецу Покровской сотни Т. Андрееву, шедшему из Коломенского в Москву, восставшие

⁶² См. о солдатах и командирах полка А. Шепелева — ЦГАДА, ф. 210, д. 327, лл. 32—34, 66, 69—78, 92; д. 959, лл. 228—229; А. Н. Зерцалов, стр. 296—297, 313—323.

⁶³ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 102.

говорили, что в Москве «забывают всех ослопьем», в Коломенское идут «побить изменников, а будет кто учнет за изменников стоять, мы де и тех побьем, а самим всем стоять друг за друга и помереть всем заодно, и преслисты ему на изменников сказывали»⁶⁴. В Коломенское восставшие пришли, вероятно, между 9 и 10 часами утра. Холопы В. Юрьев и В. Щеколдин вышли из Москвы в Коломенское соответственно в первом и третьем часу дня, В. Юрьев пришел к третьему часу (между 6 ч. 30 м. и 7 ч. 30 м.), т. е. шел около двух часов. В. Щеколдин пришел, следовательно, после 9 часов, в это время в Коломенском был «самый гиль»⁶⁵.

*

Приход восставших был неожиданным для коломенского двора. В Коломенском находилось все царское семейство (всего 14 человек), собиравшееся в этот день праздновать именины царской сестры царевны Анны Михайловны. Его обслуживал целый штат придворных; так, с царицей ее детьми и золовками приехало более 100 человек⁶⁶. С царем, помимо штата слуг, были думные чины (бояре, окольнічие и т. д.), придворные (спальники, стряпчие, стольники и т. д.), при которых были для услуг и охраны холопы. Охрана дворца состояла из стрельцов. Г. Н. Собакин сообщает, что в Коломенском «государев двор» охраняли «головы стрельцкие». В ночь с 24 на 25 июля охрану несли стрельцы приказа головы Я. Соловцова⁶⁷, с которым была, очевидно, половина приказа (примерно 400—500 стрельцов), так как другая половина во главе с полуголовой В. Баранчевым находилась в Москве. В царской резиденции было, несомненно, более 1000 человек, способных оказать сопротивление. Это подтверждают слова Г. Котошихина, что в Коломенском «было чем противиться» восставшим; мнение некоторых исследователей об отсутствии войска в Коломенском не совсем правиль-

⁶⁴ А. Н. Зерцалов, стр. 326.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, л. 258; А. Н. Зерцалов, стр. 325.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 396, д. 8122, лл. 1—10.

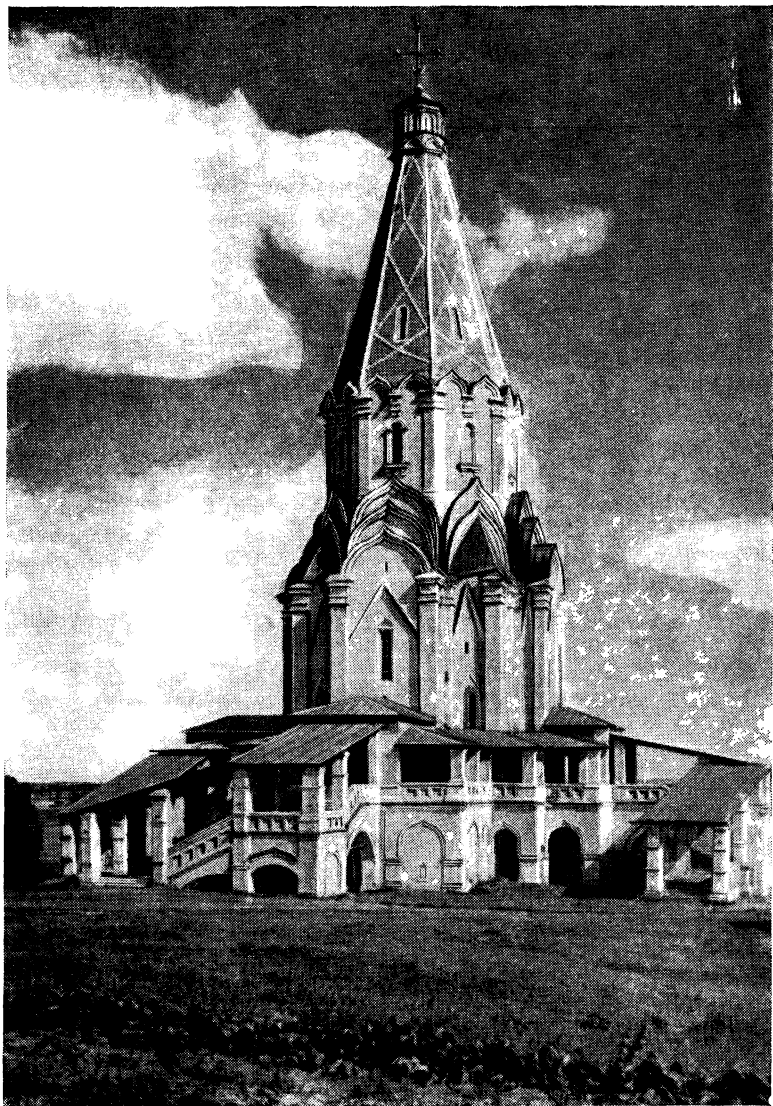
⁶⁷ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 20; А. Н. Зерцалов, стр. 327, 329.

но⁶⁸. Более прав К. В. Базилевич, отмечающий, что охрана коломенского дворца была более слабой, чем охрана Кремля в Москве⁶⁹. Но не только этим объясняется растерянность царя и властей. Сильная охрана Кремля не помешала восставшим безнаказанно, на виду у московских властей, собираться на Красной площади и громить дворы в Китай-городе. Все это и в том и другом случае объясняется количеством и решительным настроением восставших. 4—5 тыс. восставших, пришедших в Коломенское, хотели идти на царский двор, но их не пустили стрельцы; стрелецкие головы докладывали царю, что восставшие «на двор великого государя насилством идут и ворота ломают», (здесь и далее разрядка моя.— В. Б.) бьют челом, чтобы царь принял челобитную и прокламацию («лист»), выдал бояр «за их измену» и «велел казнить смертною казнию». Царь, бывший в церкви у обедни, выслал для переговоров бояр кн. Я. К. Черкасского, Н. И. Одоевского, кн. Ю. А. Долгорукого, окольных Р. М. Стрешнева, И. А. Гавренева, думного дьяка С. Заборовского с указом взять у восставших «лист и челобитную», а повстанцам — идти в Москву; туда обещал направиться и сам царь. Но восставшие «боярам отказали и листа и челобитной не дали и учинились великого государя указу силны и били челом с великим невежеством». П. Гордон подтверждает слова Г. Н. Собакина: в Коломенском мятежники «бурно потребовали у некоторых бояр и придворных, чтобы те доложили о них царю» Алексею Михайловичу, вышедшему из церкви. Попытки бояр уговорить восставших оказались безуспешными. Восставшие «били челом з болшим невежеством и лист воровской и челобитную подносили». Сильно теснясь вокруг царя, они громкими «непристойными криками требовали уменьшения налогов». Солдат полка А. Шепелева В. Порецкий показал, что он «бил челом великому государю о соли с иными людьми с гилевщиками».

«Письма» (прокламацию и челобитную) царю «подносили» два человека — Л. Жидкий и нижегородец

⁶⁸ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 102; ср. С. К. Богоявленский. Московские смуты в XVII в., стр. 134; М. Снегирев. Московские слободы. М., 1947, стр. 117

⁶⁹ К. В. Базилевич, стр. 86.

Церковь Вознесения в селе Коломенском

М. Т. Жедринский. Л. Жидкий подал «письмо» в «шапке», затем его вместе с шапкой поднес царю М. Б. Жедринский. По признанию Жедринского, «он говорил, чтоб государь изволил то письмо вычесть перед миром и изменников привести перед себя, великого государя, и в тем де он перед великим государем виноват». По сообщению Собакина, царь «лист у них изволил принять и челобитную сам и изволил им сказать, что им ево, великого государя, указ по их челобитной будет и по листу». Автор летописца 1624—1691 гг. говорит, что восставшие в Коломенском «начаша гилем кричати великим собранием», требуя выдачи бояр — «изменников». Царь, пославший сначала к ним «от своего царского сигкиту с милостивым словом», вынужден был после неудачи своих сановников выйти сам. Он спрашивал у повстанцев: «Кто есть изменники?» и времени просяше у них до Москвы, хотяше управу им дати,— кто им надобен и что измена».

События в Коломенском продолжались, несомненно, более часа: красносельцы Ф. Иванов, С. Прокофьев, «постояв... с час» с восставшими, ушли из села Коломенского. Восставшие оставались во дворе коломенского дворца, который находился почти в осадном положении. П. Гордон, посланный полковником Кравфуирдом для получения инструкций в Коломенское, не смог туда проехать, так как «мятежники так тщательно преградили всякий доступ ко дворцу, что Гордон не мог туда пройти и с трудом избежал их рук». В «Theatrum Eugo-raeum» говорится, что восставшие окружили дворец. Во дворе коломенского дворца восставшие стояли плотной толпой; солдаты полка Д. Кравфуирда М. Пурский и Р. Локстанов «прижались от тех гилевщиков конюшенного двора к забору».

Вели себя восставшие «с шумом», «с воплем и многим безчинием». Солдат полка А. Шепелева, стоявших недалеко от «государева двора», уговаривали отстать от восставших их начальные люди, в том числе те, поведение которых вызвало подозрение властей (капитан Д. Кудрявцев, поручик И. Грабленный и др.), и окольный Р. М. Стрешнев, но «...солдаты их не послушали, от государева двора прочь не пошли».

Решительными действиями и требованиями восставших и объясняется миролюбивый тон царя Алексея

Михайловича, уговаривавшего повстанцев «тихим обычаем». Царь и бояре «упрекали» их за «мятежное» поведение, уговаривали быть терпеливее, обещая уменьшение налогов и расследование вины «изменников»-бояр, которые в это время тряслись от страха в царских хоромах, так как восставшие «просили у него (царя.— В. Б.) тех бояр на убиение». Члены царского семейства, по словам Котошихина, «запершись, сидели в хоромах в великом страхе и в боязни». Восставшие, с минуту назад с недоверием спрашивавшие царя: «Чему де верить?», поверили его обещаниям; один из них (фамилия его неизвестна) «с царем бил по рукам». По-видимому, он выступал представителем восставших, может быть, одним из их предводителей. Вряд ли им мог быть нижегородец М. Т. Жедринский или Л. Жидкий. Последний, вручив прокламацию, сразу ушел в Москву; считать его главой восставших (как это делают В. А. Никольский, С. К. Богоявленский) неправильно. Упомянутый выше М. Т. Жедринский, не называя имени, указывает на человека, который вел переговоры с царем: «...В Коломенском же перед великим государем говорил с ним в однорядке вишневой, и тот де человек великому государю сказался рейтаром». Очевидно, между царем и этим человеком происходит какой-то разговор, в ходе которого в ответ на вопрос Алексея Михайловича он отрекомендовался рейтаром.

По словам Гордона, царь и бояре уговаривали повстанцев «быть терпеливее», обещая уменьшение налогов и даже созыв «Совета» для обсуждения этого вопроса. По Майербергу, Алексей Михайлович обещал разыскать и строго наказать «уличенных» бояр, но сказал им, что требовать их выдачи «несправедливо». После «договора» с царем восставшие, разделявшие со многими своими предшественниками царистские иллюзии, направились в Москву, где, согласно обещаниям царя и бояр, должно было начаться расследование боярской «измены». Это было, вероятно, между 10 и 11 часами утра⁷⁰.

* * *

⁷⁰ О приходе первой группы восставших в Коломенское см. — ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 20—21; ф. 210, д. 959, лл. 228—229; А. Н. Зерцалов, стр. 297, 298, 309—310, 317, 325, 327, 329; Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 102; П. Гордон. Дневник, стр. 23—24; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 95—96, 97 (прим.):

В Москве события развивались еще более бурно. Ход восстания в Москве почти совсем не освещен в литературе, имеются лишь беглые упоминания о погроме дворов гостей В. Шорина, собиравшего со всего государства пятую деньгу, и С. Задорина. Погромы начались утром (часов около 8), вероятно, до ухода первой партии восставших в Коломенское. П. Гордон говорит, что часть восставших разграбила дом В. Шорина, большая же часть направилась в Коломенское. Очевидец событий шведский комиссар А. Эберс рассказывает, что народ ворвался в дома В. Шорина, С. Задорина; все в них было разграблено; восставшие (в погроме участвовало несколько тысяч человек) наводили ужас в городе; этим объяснялось продолжавшееся бездействие московских властей. Эберс добавляет, что у домов всех «знатных», против которых был направлен гнев восставших, поставили стражу⁷¹.

Алексей Михайлович, вероятно вскоре после прихода повстанцев в Коломенское, послал в столицу боярина кн. И. А. Хованского «и велел на Москве уговаривать, чтоб они (москвичи.— В. Б.) смуты не чинили и домов ничьих не грабили». Царь обещал приехать в город с тем, чтобы «сыскать» вину («измену») бояр и думных людей. Однако царские обещания не удовлетворили повстанцев в Москве. Они, правда, не тронули царского посланца, которого называли «человеком добрым» (за многую службу «к царю» в войне с Польшей), но потребовали выдачи головой «изменников бояр»⁷². Миссия Хованского закончилась полным провалом, в столице в это время громили дома ненавистных народу лиц.

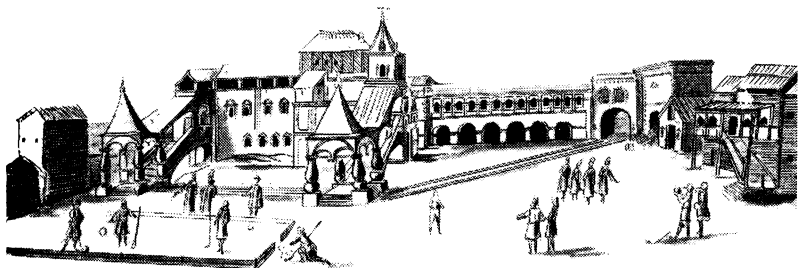
Из следственных материалов известно, что было арестовано более 225 «грабельщиков», часть поймали без поличного; другие утверждали, что они подняли или отняли «грабленную рухлядь». Из них 18 человек были повешены 26 июля⁷³. Это, несомненно, наиболее актив-

«Theatrum Europaeum», ч. IX, стр. 647; «Древняя Российская Вивлиофика», ч. V—VI. Мышкин, 1895, стр. 26 (житие Ф. Ртищева); см. также В. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича, стр. 153; К. В. Базилевич, стр. 89—90.

⁷¹ П. Гордон. Дневник, стр. 23; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96, 97 (прим.).

⁷² Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 102.

⁷³ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 114—115.

Посольский двор в Москве на Ильинке (ул. Куйбышева).
Из «Альбома Майерберга» 1661—1662 гг.

ные участники погромов в Москве. Среди них — восемь посадских людей (трубник К. Оборин, тяглецы Казенной слободы М. Деев, Ярославской Спасской слободы В. Седов, гулящий человек Г. Григорьев, подьячий А. Пестриков и др.), пять служилых людей (драгун полка В. Змеева П. Ряполов, пушкарь Ф. Стоянов и др.), два холопа (Л. Чекан, Г. Софронов) и др. Во время допросов в московской розыскной комиссии (они производились между 27 июля и 1 августа) были выявлены другие активные повстанцы.

Двор В. Шорина, громить который побежали восставшие, находился в Китай-городе около Варварских ворот⁷⁴. Двор С. Задорина стоял в Посольской улице, около двора И. Безобразова, недалеко от Большого Посольского двора на Ильинке⁷⁵. Со двора В. Шорина несли различное имущество, многое было брошено на улицах и перекрестках во время погромов и арестов. Дьячок В. Иванов поднял около двора В. Шорина «книгу „Минею“, сентябрь-месяц». «Человек» В. Чанчикова (из Гостиной сотни) М. Еремеев показал: «как грабили Васильев двор Шорина, и он де в то время на Василь-

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 396, д. 1163 (переписная книга церквей в Кремле и Китай-городе 1657 г.), лл. 64 об., 66, 68—70.

⁷⁵ См. ЦГАДА, ф. 396, д. 13 107, лл. 1—8 (Опись 1670 г. двора гостя С. Задорина, «что был Юдиных»); С. А. Белокуров. Планы г. Москвы XVII века. М., 1898, стр. 24—25 (план Ильинки).

еве дворе был и винился, что взял две пары соболей». Холоп Б. Языкова И. Григорьев увидел с двора как «каменщики несут грабленную рухлядь человек з дватцать», часть рухляди — волошскую попону, два песцовых лоскута и др.—они «покинули», остальное унесли с собой. Холоп В. Голохвастова И. Анисимов взял «запасу и рухляди, да ему же дал выборного Агеева полку Шепелева солдат Ивашко Смыслов грабежные с Васильева же двора два образа окладных». Гулящий человек С. Федоров взял «круп немного блиско Васильева двора Шорина на улице». Крестьянин с. Пахрина Московского уезда Г. Астафьев приехал с овсом на Большой Посольский двор на Ильинку; «как де он съехал с Посольского двора, и ухватили де ево грабельщики и наметали в телегу рыбы, и сами сели и поехали за Никольские ворота». Речь идет о восставших, громивших двор гостя С. Задорина.

Со двора В. Шорина были вынесены деловые бумаги, их поднял за Никольскими воротами Китай-города на Лубянке холоп П. Иванов. В бумагах оказались «записка товаром и росписи черные с ценою. А гость Василей Шорин сказал: те письма ево товарные».

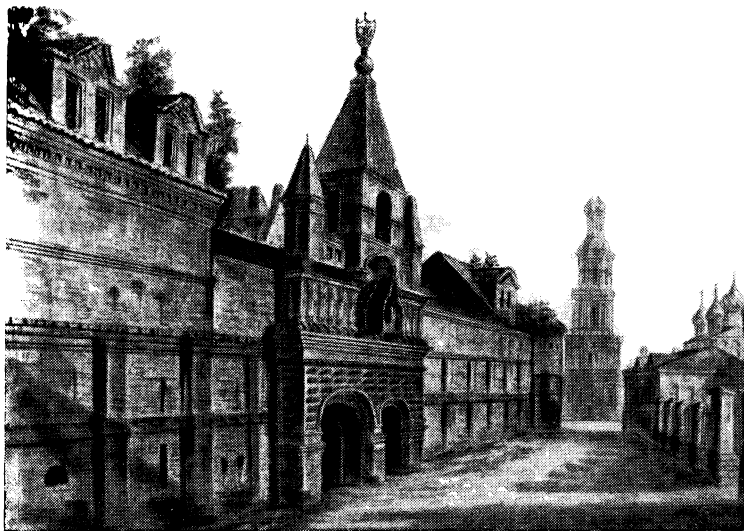
В погроме участвовали служилые люди. Стрелецкий сотник С. Копьев по извету человека В. Шорина — Ивана Казанца арестовал 19 рейтар полка В. Змеева из служек Ипатьевского монастыря, они были взяты с «грабежными животами» В. Шорина (рыба, медные и оловянные сосуды и др.)⁷⁶.

Погромы продолжались до ухода новой партии восставших из Москвы в Коломенское с сыном В. Шорина. Эпизод с Б. В. Шориным⁷⁷ приобретает новый смысл благодаря известию, что он значился в числе «изменников», перечисленных в прокламации. Ненависть к В. Шорину была перенесена и на его сына Бориса, который тоже был гостем и вел торговые операции несомненно вместе с отцом⁷⁸. Во время погрома их

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 64—65, 135—136, 140—141, 155, 194—203, 230—231, 236—237, 241—242, 248, 253, 266.

⁷⁷ См. о нем: К. В. Базилович, стр. 91.

⁷⁸ См. ЦГАДА, ф. 141, д. 58, лл. 18—19 (апрель — май 1662 г. — судное дело гостя Б. В. Шорина с колыванским бурмистром М. Пательсеном).

Кадашевский полотняный двор. Акварель Ф. А. Алексева
конца XVIII в.

двора восставшие, очевидно, искали обоих «изменников» — отца и сына. Но В. Шорин спрятался в Кремле на дворе Черкасских. Борис, переодевшись в крестьянское платье, «побежал с Москвы в телеге»; его поймали в четвертом часу дня, т. е. между 7.30 и 8.30 часами утра, вскоре после ухода первой партии восставших в Коломенское. Б. Шорина привели в Кремль «ко Мстиславскому двору», где восставшие, не встречая противодействия властей, очевидно допрашивали молодого Шорина и «научили говорить, чтоб он сказывал, что отец его побежал в Польшу вчерашнего дня з боярскими листами». Восставшие после чтения прокламации были уверены в «измене» В. Шорина и его бегстве в Польшу, так как его не было дома во время погрома, а сын собирался бежать неизвестно куда. В Кремле собралось «воров болши 5000 человек», они вместе с Б. Шориным, свидетелем «измены» отца, направились в Коломенское. Восставшие, возбужденные «подтверждением» слухов об «измене», «бежали в Коломенское и говорили: повели де Васильева сына Шорина и с ним де сказывали письмо воровское». В городе снова начали бить в набаты.

У Варварских ворот (т. е. около дома Шориных) Бориса Шорина посадили в телегу крестьянина М. Т. Бардакова «неведомо какие люди, а на них де бандалеры», т. е. военные перевязи⁷⁹; следовательно, в эпизоде с Б. Шориным не последнюю роль сыграли служилые люди⁸⁰.

Лишь после ухода из Москвы в Коломенское второй 5-тысячной толпы московские власти смогли принять меры против восставших. По «присылке» (приказа) из Коломенского боярин Ф. Ф. Куракин посылал для «уимки» восстания своих «товарищей», в частности окольного Н. М. Боборыкина, с ними — стрелецких голов с приказами. Восставших арестовывали стрельцы полковника и головы А. Лопухина, срочно вызванные из Яузской слободы в Кремль, полуголовы В. Баранчеева (командовал половиной стрелецкого приказа Я. Соловцова) и др.

Стрельцы с дворов В. Шорина и С. Задорина «тех воров... почали згонять и животы, что оне с тех дворов несли, учали у них отбивать»; хватали иногда невиновных без поличного, не успевая даже записать о них нужные сведения (где и с чем поймали и т. д.). Полуголова В. Баранчеев объяснил это кратко и выразительно: «написать не успели, в то время было смутно». По словам Котошихина, было арестовано более 200 человек.

После прекращения погромов «бояре Москву велели запереть по всем воротам кругом», чтобы никого не впускать и не выпускать из города⁸¹. На дворы И. А. Милославского, окольных Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово и др. были направлены стрельцы «для всякого бережения и грабежу»⁸².

⁷⁹ См. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 44.

⁸⁰ Об эпизоде с Б. Шориным см. — ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, л. 184; А. Н. Зерцалов, стр. 302, 326; С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 147; Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 102—103.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 7, 20—21, 49, 129—131, 225—226; С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 147, а также стр. 110—111, 125—126, 148—150; Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 103.

⁸² ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 26. А. Эберс говорит, что стража была поставлена у домов «всех знатных» — Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96.

Встреча двух партий восставших (одна шла в Коломенское из Москвы, другая из Коломенского в Москву) произошла где-то на полпути между столицей и царской резиденцией, очевидно, уже после 11 часов утра. В Коломенское обе толпы пришли, вероятно, около 12 часов дня; общая численность восставших почти удвоилась, хотя часть из первой партии уже отстала от движения и возвратилась в Москву (например, Л. Жидкий и др.). Огромная толпа снова заполнила площадь коломенского дворца, среди них по-прежнему были солдаты полка А. Шепелева.

* * *

Показания источников об общем количестве участников «Медного бунта» позволяют довольно точно представить размеры восстания. Правда, К. В. Базилевич, опиравшийся на неправильный анализ следственных материалов, сомневался в достоверности сообщений современников об общем количестве повстанцев. Но от следственных материалов, которые сохранились далеко не полностью, нельзя требовать ответа на этот вопрос. Показания современников (большинство из них являются очевидцами) на этот счет на редкость единодушны: Г. Котошихин говорит о двух партиях восставших, примерно по 5000 человек в каждой, итого 10 тыс. человек; П. Гордон упоминает только первую партию (4—5 тыс. чел.), вторую он не видел; у А. Майерберга — 9 тыс., в «*Theatrum Eurgoraеum*» — 10 тыс., у А. Эберса — «несколько тысяч» (подразумевается первая партия, о второй не говорится)⁸³. В итоге получается 9—10 тыс. участников восстания — цифра, может быть, несколько преувеличенная, но все же весьма близкая к действительности. После ухода из Москвы двух потоков там еще оставались участники восстания, принимавшие участие в разгроме дворов В. Шорина и С. Задорина.

Предположение К. В. Базилевича о двух-трех тысячах участников восстания⁸⁴ опровергается, таким обра-

⁸³ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 102, 103; П. Гордон. Дневник, стр. 23; А. Майерберг. Путешествие, стр. 200; «*Theatrum Eurgoraеum*», ч. IX, стр. 647; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 95, 97, прим.

⁸⁴ К. В. Базилевич, стр. 99, 102.

Портной. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского»
конца XVI в. (ГБЛ, Отдел рукописей)

зом, показаниями источников. Если при подавлении восстания было убито и арестовано во всяком случае 2,5—3 тыс. человек (см. ниже), то общее количество восставших было, конечно, в несколько раз выше. Безусловно, среди них находились и «невинные смотрельщики», но это не меняет общей картины восстания, в котором приняло участие до 10 тыс. человек. Основными движущими силами восстания являлись представители социальных низов столицы — посадские жители, гулящие люди, а также солдаты, отчасти рейтары, стрельцы.

Лавка башмачника в Москве.
Рисунок из «Путешествия» А. Олеария

В нашем распоряжении сохранились весьма отрывочные данные об участниках восстания, по которым имеется возможность судить об их социальном положении.

Большинство исследователей, изучавших московское восстание 1662 г., о социальном составе его участников судило, основываясь на показаниях Г. Котошихина. Они отмечали, что в восстании принимали участие прежде всего торгово-ремесленный люд московских слобод и сотен и служилые люди, затем холопы, гулящие люди, церковнослужители и др. В противоположность этим иссле-

дователям Н. И. Костомаров поддерживал официальную версию правительственных грамот 26—27 июля 1662 г. о неучастии московских торговых и служилых людей в восстании. В. О. Ключевский, характеризуя социальный состав восставших, не отделял последних от фальшивомонетчиков. К. В. Базилевич не удовлетворился такими общими характеристиками и попытался произвести более конкретный анализ социального состава участников восстания 1662 г. С этой целью он использовал из следственных материалов четыре списка лиц, обвиненных в участии в восстании: 1) роспись лиц, бежавших из Коломенского и пойманных около Москвы; 2—3) две росписи арестованных за грабежи в Москве; 4) роспись приведенных с поличным и без поличного. В первых трех росписях перечислено 195 человек, в четвертой, повторяющей показания других росписей, — 122 человека. Наиболее многочисленную группу арестованных составили, по подсчетам К. В. Базилевича, служилые люди по прибору (рейтары, солдаты, драгуны и др.), дав по трем спискам 40,7 31,2 и 28,6%, за ними следуют посадские люди — 31,5, 19,8 и 24,6%. Холопы и крестьяне составили 27,6 и 26,2% (по второму и третьему спискам) и т. д. К. В. Базилевич считал эти данные вполне достаточными для суждения о социальном составе восставших в целом, так как они охватывали, по его мнению, 30—40% всех участников восстания, задержанных в ходе его подавления (450—500 чел.), из которых сослано 400 человек⁸⁵.

Все эти цифры К. В. Базилевича нельзя признать достаточно полными, так как он не изучил допросы арестованных в Москве и под Москвой, ограничившись неполными сведениями росписей о 195 повстанцах. Всего в ходе следствия в Москве было допрошено не 195, а 209 человек. Учитывая 18 повешенных 26 июля, общее количество участников восстания и лиц, подвергнутых допросам (хотя не все они участвовали в восстании), возрастает до 227 человек. Кроме того, в московском следственном деле упоминаются многие арестованные, содержащиеся в Никольско-Угрешском монастыре.

⁸⁵ К. В. Базилевич, стр. 93—102. К. В. Базилевич неправильно ссылается на дело 990 из фонда 210 (ЦГАДА), откуда якобы взяты списки арестованных; на самом деле списки взяты из дела 959 того же фонда (Приказной стол Разрядного приказа).

Работа каменщиков. Миниатюра из рукописи XVII в.
(Госуд. исторический музей)

Показания коломенского следственного дела совсем не использованы К. В. Базилевичем. Между тем в нем сохранились допросы арестованных, привлеченных к следствию в Приказе сыскных дел; упоминаются также многие участники движения, заключенные в Угрешском монастыре. Не использованы также материалы сыска участников восстания 1662 г., бежавших из мест ссылки, и другие упоминания о них, отсутствующие в известных сыскных делах 1662 г. Эти материалы относятся к 1663—1671 гг.⁸⁶ Все эти данные, сведенные в таблицу, выглядят следующим образом⁸⁷ (см. таблицу на ст. 71—72).

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 384, лл. 407—408; д. 990, лл. 1—60; столбцы Моск. стола, д. 398, лл. 126—131; столбцы Белгор. стола, д. 563, лл. 127—129, 131—134; ф. 396, д. 981, лл. 45, 57, 64, 68, 85 об; д. 43 236, лл. 1—9.

⁸⁷ В таблицу включены участники восстания, упоминаемые в допросах, но не пойманные во время арестов. Например, холоп И. Григорьев рассказал следствию о каменщиках — участниках восстания (их было «человек з дватцать»), которые несли «грабленую рухлядь» (ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 140). Часть лиц, привлеченных к следствию, попала в ряды участников движения случайно (во время арестов хватали всех попавших под руку). В таблицу не включены многочисленные свидетели, упоминающиеся в следственных делах.

Всего в архивных источниках упоминается, таким образом, 826 прямых и возможных участников восстания. Эта цифра в 4,2 раза больше цифры, приведенной К. В. Базилевицем.

Первой по численности группой, как видно из таблицы, являются служилые люди по прибору — 518 человек, или 62,8%, затем — посадские люди (17,3%), холопы (6%), крестьяне (2,6%), церковнослужители (2%). Среди служилых людей насчитывается 366 солдат, из них 350 из полка А. Шепелева. Остальные были из полков Д. Крафорта, И. Кирилова, И. Перента, М. Кровкова, М. Вестова. Из 98 рейтар 27 принадлежали к полку В. Змеева, 20 служили в полку Г. Тарбеева, 11 — в полку И. Полуектова. Другие были из полков Д. Зыбина, Х. Мингауса, В. Челюсткина, Д. Ердана, Т. Шала, Д. фон Визина, Сейболта, Ф. Зыкова. В сыскных делах упоминаются также 33 стрельца. Из них 16 были из приказа И. Монастырева, восемь — из приказа А. Лопухина, другие — из приказов Б. Бухвостова, А. С. Матвеева, Г. Астафьева, Г. Аладына, М. Ознобишина, Я. Соловцова. Среди посадских людей наибольшее число составляют тяглецы и чернослободцы московских слобод и сотен — Екатерининской, Сретенской, Казенной, Огородной, Барашской, Кадашевской, Хамовнической, Никитской и др.

В росписях, использованных К. В. Базилевицем, упоминаются 12 детей боярских (пойманных во время грабежей в Москве и при бегстве восставших из Коломенского); в росписи приведенных с поличным и без поличного обозначены (суммарно) 19 городских дворян и детей боярских⁸⁸. Таким образом, по московскому следствию было допрошено от 12 до 19 городских дворян и детей боярских, в нашей таблице таких только два человека; некоторые из них, очевидно, находятся среди приезжих.

Несмотря на относительно бóльшую полноту нашей таблицы по сравнению с данными К. В. Базилевица, она все же не дает достаточного представления о социальном составе участников восстания. Довольно полно

⁸⁸ К. В. Базилевиц, стр. 97; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 117—118, 211—212.

Социальный состав привлеченных к следствию участников
Московского восстания 1662 г.

Социальная принадлежность	Коломенское сыскное дело 1662 г.	Московское сыскное дело 1662 г.	Сыскные дела 1663—1671 гг. и другие документы	Всего
Посадские люди				
торговцы и ремесленники	281*	592*	268*	113
гулящие люди	24*	9	—	11
вольные люди	2	2	—	4
мелкие служилые люди (подьячие, сторожа, конюхи, земские ярыжки и др.)	2	14	—	16
Итого	34	84	26	144
Крестьяне	105*	126*	—	22
Холопы	27*	468*	2	50
Служилые люди по прибору				
солдаты	3509*	610*	10	366
рейтары	4911*	49	—	98
драгуны	—	1	—	1
стрельцы	1	32	—	33
пушкари	—	5	—	5
командиры	8	7	—	15
Итого	408	100	10	518
Церковники				
попы	1	3	—	4
дьяконы, дьячки	2	4	—	6
монастырские служки	—	2	—	2
прочие (трудники, конюхи и т. д.)	1	4	—	5
Итого	4	13	—	17
Нерусские				
татары, черемисы, мордва	—	8	—	8
поляки	—	2	—	2
Итого	—	10	—	10

Социальная принадлежность	Коломенское сыскное дело 1662 г.	Московское сыскное дело 1662 г.	Сыскные дела 1663 — 1671 гг. и другие документы	Всего
Дворяне				
жилыцы	112*	2	—	3
городовые дворяне	—	?	—	—
дети боярские	—	2	—	2
Итого	1	4	—	5
Прочие				
приезжие	213*	1714*	3715*	56
невьясненные	—	416*	—	4
Итого	2	21	37	60
Всего	461	290	75	826

^{1*} Три человека были освобождены после розыска.

^{2*} В том числе 20 каменщиков, четыре сидельца в торговых рядах, работник у холопа боярина М. М. Салтыкова, подмастерье зеленой («зеленой») мельницы, три ученика (один — лекарский, два — у портного мастера), двое «робят» — сыновей тяглецов московских слобод, садовник.

^{3*} 18 кашашевцев, четыре хамовника, четыре бронника.

^{4*} Один человек был освобожден после розыска.

Шесть человек были освобождены после следствия; трое приговорены к ссылке (братья крестьянина М. Т Бардакова), хотя в восстании не участвовали.

^{6*} Крестьяне — монастырские и помещичьи, том числе каменщик боярина М. М. Салтыкова.

^{7*} Один человек освобожден после следствия.

^{8*} В том числе два холопа торговых людей.

^{9*} Повторные данные о группах солдат полка А. Шепелева в 135, 21, 19, 16 человек и т. д. не учитываются, так как все они входят в число 343 солдат этого полка, заключенных в Угрешском монастыре. Три солдата были освобождены после следствия.

^{10*} Не учтены 244 солдата полка А. Шепелева, так как они входят в число 343 солдат, упоминаемых в коломенском сыском деле.

^{11*} Шесть человек освобождены после следствия.

^{12*} Освобожден после следствия.

Оба нижегородцы, вероятно, из городских дворян или детей бояр-

^{14*} В том числе по два человека смолян и вятчан, затем нижегородец, вологжанин, калужанин, осколелин, мецнянин, галичанин, дмитровец, ярославец, один из Серебряных Прудов — всего 13 человек, вероятно, из дворян и детей боярских.

^{15*} В том числе 22 белозерца, девять вологжан, два ростовца, два ярославец, галичанин, суздалец.

^{16*} А. Щербак, И. Григорьев, «малой неведомой какой», «мужик».

в ней учтены служилые люди. Так, упоминаемые в ходе следствия 350 солдат полка А. Шепелева исчерпывают, по-видимому, всех или почти всех солдат этого полка, захваченных во время арестов. Так же, вероятно, обстоит дело с рейтарами, стрельцами и др., хотя в самом восстании принимало участие большее количество служилых людей. Имеются, например, точные данные об участии в движении 500 солдат полка А. Шепелева⁸⁹. 150 из них избежали ареста или же были убиты во время подавления восстания. Можно думать, что в следственных материалах не упоминаются также и некоторые другие рейтары, стрельцы и прочие служилые люди. Во всяком случае 25 июля было арестовано не 518 служилых людей, а, несомненно, несколько больше. В восстании же, надо полагать, принимали участие не 500 человек с лишним, а на несколько сот человек больше. По Эберсу, их было даже несколько тысяч человек, но его сообщение нельзя не признать преувеличенным.

Относительно посадских людей можно с полной определенностью сказать, что их удельный вес в таблице намного ниже степени их действительного участия в событиях 25 июля. Необходимо иметь в виду, что в ходе следствия главное внимание уделялось наиболее активным участникам движения, особенно из служилых людей. Правительство было явно обеспокоено выступлением на стороне восставших сравнительно большого количества солдат и рейтар. Этим объясняются допросы многих из них. О значительном же числе посадских людей в сохранившихся следственных источниках не говорится. После окончания следствия, по имеющимся материалам, из Никольско-Угрешского монастыря было сослано около 1200 человек, из Москвы — около 250 человек, всего примерно 1450 человек; в действительности их было, вероятно, больше (см. ниже). Можно думать, что большая часть сосланных состояла из посадских людей, а меньшая — из служилых. В общем же количестве восставших, число которых приближается к 9—10 тыс. человек, служилые люди занимали еще меньшее место, хотя и заметное. Одни солдаты полка А. Шепелева (правда, более всех остальных служилых людей замешанные в восстании) составили 5—5,5% участников;

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 227—228; ф. 181, д. 115, л. 20.

все служилые люди дали, очевидно, не менее 10% восставших. Большинство среди участников движения принадлежало, несомненно, посадским людям Москвы; можно предполагать, что их было не менее, если не более 70—80%. Остальные 10—15% падают на холопов, крестьян, мелких церковнослужителей и др.

Участие в восстании или привлечение к следствию ряда лиц носит случайный характер. Это в первую очередь относится к дворянам, а из служилых людей — к командирам, упоминаемым в следственных материалах. Так, после розыска к ссылке и наказанию батогами были приговорены «начальные люди» полка А Шепелева: капитаны князь Д. Кропоткин, П. Аншутин, поручики И. Грабленный, Д. А. Зайцев, прапорщик Ф. Полозов; к наказанию батогами — капитан Д. Кудрявцев. Все они без приказа начальства пошли вслед за солдатами в село Коломенское. Между тем в ходе следствия выяснилось, что они не только не выступали вместе с солдатами против царской власти, а, наоборот, противодействовали им, за что некоторые из этих командиров были избиты солдатами и «мужиками» и загнаны в Москву-реку⁹⁰. Случайно попал в число привлеченных к следствию и жилец Л. Редриков, впоследствии освобожденный⁹¹. Жилец Ф. К. Жохов у Спасских ворот Кремля поднял сукно, «спроста, не ведая того, что те сукна грабленные», жилец А. Д. Обухов взял у Лобного места лошадь и повел «на Земский двор записывать»; прапорщика полка Г. Тарбеева И. Митницкого «ополишили» (т. е. поймали с поличным) стрельцы, принесли с ним «отласу золотнова с половина ожерелья», капитана полка Т. Бея В. М. Козлова привели стрельцы с его же кафтаном и т. д.⁹² Впрочем некоторые из командиров низших рангов могли принимать участие в движении; о некоторых из них сохранились определенные известия (например, об Н. Ломовцове и др.).

Непричастными к восстанию оказались более 20 человек, привлеченных к следствию в Приказе сыскных дел в Коломенском и освобожденных после розыска⁹³. Были среди осужденных и лица, присланные в Коло-

⁹⁰ А. Н. Зерцалов, стр. 313—323, 357.

⁹¹ А. Н. Зерцалов, стр. 328, 359.

⁹² ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 162—164, 166, 190, 220, 266.

⁹³ А. Н. Зерцалов, стр. 359—360.

Плотники. Постройка церкви в Москве.
Миниатюра из лицевого свода XVI в.

менское для различных услуг на царский двор,—кадашевцы, басманники, лица, пришедшие туда до восстания для челобитий, покупок и продаж. Среди арестованных без поличного и даже с поличным в столице также имеются невинные, но большинство лиц, привлеченных к следствию и подвергнутых наказаниям, было в той или иной степени замешано в восстании.

Современники характеризуют участников восстания как «чернь», «подонки». В следственных материалах

они именуется «мужиками», в официальных грамотах от 26—27 июля — «ворами, разных чинов худыми людишками»⁹⁴. Более подробно характеризует их Г Котошихин: «А были в том смятении люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди»⁹⁵. То же самое более кратко говорит Летописец 1624—1691 гг.: «...Харчевники, пирожники, квасники и всякие деревенские бродящие люди и христиане, воставшия на господов своих»⁹⁶. В другом летописце еще более кратко: «Чернь и посацкие всякие и гулящие люди»⁹⁷. Показания источников подтверждают, что основную массу восставших составляли низшие слои посада и всякие гулящие люди (москвичи и иногородние), затем служилые люди московского гарнизона. На это указывается и в заголовке коломенского сыскного дела, в котором говорится, что в Приказе сыскных дел допрашивались «воры бунтовщики москвичи и городовые всяких чинов люди и рейтарского и пешего салдацкого строю начальные люди и рейтары и салдаты»⁹⁸. В заголовке намечены те же две основные категории повстанцев — посадские и гулящие люди, служилые люди (нужно, конечно, исключить начальных людей, хотя отдельные представители этой группы служилых людей, как будет показано, были замешаны в восстании).

* * *

Из этих двух категорий вышли наиболее активные участники движения и его руководители. Выше уже указывалось на особо активную роль в начале восстания стрельца полка А. С. Матвеева — Кузьмы Нагаева. Он был, вероятно, одним из вдохновителей и руководителей «Медного бунта», готовивших заранее это выступление. Но Нагаев не был его единственным и главным вожаком.

Нельзя, конечно, доверять утверждению «Theatrum Europaeum», что составителем прокламаций и, следо-

⁹⁴ А. Н. Зерцалов, стр. 294.

⁹⁵ Г. Котошихин, стр. 104.

⁹⁶ «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.», стр. 453.

⁹⁷ ГПБ, Q. IV, л. 58 об. Приношу глубокую благодарность И. А. Жаркову за сообщение данных из этой рукописи.

⁹⁸ А. Н. Зерцалов, стр. 296.

вательно, вождем восстания был какой-то дворянин (Moscowiter von Adel). Столь же несправедливо утверждение Г Котошихина, что зачинщиками восстания и авторами прокламаций выступали «товарищи» денежных «воров», пострадавших за изготовление фальшивой монеты⁹⁹.

В ходе следствия большинство арестованных утверждало, что они ничего не знают о «воровском заводе», о «заводчиках», только дьячок Д. Филиппов рассказал 26 июля: «он же де, Демка, слышал от мирских людей... что в том воровском заводе был Сретенская сотни тяглец Андрюшка, а чей,— того не ведает». Следствие упорно выясняло имена главных «заводчиков»; между тем, несмотря на признание Д. Филиппова, во время его допроса 29 июля о «заводчиках» его не спрашивали¹⁰⁰. Это молчание не может, очевидно, означать, что следствие не заинтересовалось «заводчиками». Можно предположить, что розыск об Андрее — тяглеце Сретенской сотни — после показания Д. Филиппова 26 июля был выделен в особое дело ввиду его чрезвычайной важности.

В московском следственном деле сохранилось указание на «дело Ондрюшки Щербака», по которому в Челобитный приказ 13 августа были посланы его жена Марфа, сергеевский поп с Дмитровки И. Кирилов, подьячий Каменного приказа И. Дмитриев, стрелец приказа М. Ознобишина Б. Назарьев и другие, всего девять человек (шесть мужчин, три женщины)¹⁰¹. Среди присланных в Челобитный приказ упоминается вдова иноземца К. Арпова Алена Ивановна; она, как и две другие женщины, была, очевидно, привлечена к делу после выяснения вины мужа; поэтому вполне возможно, что иноземец К. Арпов был казнен до 13 августа или же умер от пыток в ходе розыска. Вина А. Щербака (как и других), именем которого было названо специальное «дело», неизвестна; несомненно, она была немаловажной. Возможно, он тоже был казнен до 13 августа, поскольку не

⁹⁹ «Theatrum Europaeum», IX, стр. 647; Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 101. Этому показанию доверяли В. О. Ключевский и в известной степени В. А. Никольский.

¹⁰⁰ А. Н. Зерцалов, стр. 300, 306—307.

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 298—299, на л. 299 об. заголовок: «Столпик о сыску воров мятежников 170-го году».

говорится о его присылке в Челобитный приказ. Андрей Щербак, может быть, и является одним из главных предводителей («заводчиков») восстания 25 июля 1662 г., возможно, его вождем, хотя окончательно об этом судить еще не представляется возможным, ввиду недостаточности ясных показаний источников.

Народная молва, отразившаяся в показании Д. Филиппова, связывала инициативу выступления 25 июля прежде всего с именем одного человека — сретенского посадского тяглеца Андрея. То же как будто подразумевает Г. Н. Собакин, когда говорит, что «некоторой вор приклеил лист на Устретенских воротах воровский и написал в том листу...». Место действия здесь — тоже Сретенские ворота (хотя прокламации висели и в других местах города). О «некотором воре» говорится после слов о «смуте от черных людей», представителем которых и выступает здесь этот неизвестный предводитель, имя которого сообщил Д. Филиппов, а фамилию, возможно, раскрывает загадочное «дело Ондрюшки Щербака». «Theatrum Europaeum» сообщает, между прочим, что при разгроме восстания 25 июля в Коломенском был схвачен и предводитель¹⁰².

Конечно, помимо какого-то одного, главного предводителя, роль активных организаторов и вдохновителей играло еще несколько человек; одним из них был К. Нагаев. О другом сообщает П. Гордон: один дьяк (по показаниям П. Григорьева и Л. Жидкого — «подъячий, попов сын») прочел перед Земским двором «бумагу» и приглашал всех идти с ним к царю и требовать прекращения злоупотреблений и голов злых царских советников¹⁰³. Он выступает, как и стрелец К. Нагаев, в роли одного из организаторов восстания. Возможно, им был подъячий Каменного приказа И. Дмитриев, привлеченный по «делу Ондрюшки Щербака». По этому же делу привлекался поп И. Кирилов «с Дмитровки»;

¹⁰² ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 19; «Theatrum Europaeum», ч. IX, стр. 647; В. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича..., ч. I. СПб., 1830, стр. 153.

¹⁰³ П. Гордон. Дневник, стр. 23; ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 327, лл. 8, 9; Г. Котошинн подтверждает, что после чтения писем восставшие «умыслили» идти в Коломенское и просить царя выдать бояр «головою на убиение» — Г. Котошинн. Указ. соч., стр. 101—102.

может быть, он был в какой-то связи с «подъячим, поповым сыном». Если это так, то по делу А. Щербака рассматривалась вина наиболее важных участников движения, его возможных предводителей и организаторов. Стрелец Б. Назарьев, присылка которого говорит о его тяжелой вине в глазах руководителей розыска, мог быть одним из тех, кто «тайным обычаем наговаривал», призывал к выступлению стрельцов, солдат и рейтар. Обращает на себя внимание то, что арестованные по делу А. Щербака допрашивались в Челобитном приказе. Челобитный приказ занимался рассмотрением жалоб (челобитий), докладывая о результатах самому царю. По словам авторитетного исследователя истории этого учреждения Н. Н. Оглоблина, приказ рассматривал по указанию царя дела «особой важности»¹⁰⁴.

В данном случае сыск об участниках и тем более предводителях восстания, вне всякого сомнения, мог быть отнесен к категории дел чрезвычайной важности, поскольку дело шло, с точки зрения властей, об одном из серьезнейших политических преступлений, которому было уделено большое внимание в Соборном уложении 1649 г. В представлениях современников события 25 июля 1662 г. связывались именно с челобитной царю Алексею Михайловичу. В официальной записи по этому поводу отмечено, что 25 июля в Коломенском «к обедне государю выходу не было и имянинными пирогами государь не жаловал» и далее написано и зачеркнуто: «потому: в то время приходили бить челом с Москвы чернь»¹⁰⁵. Руководителю Челобитного приказа околичному В. С. Волынскому 18 августа 1662 г. была послана роспись активных участников движения (К. Нагаев, Л. Жидкий и др.). Помощник В. С. Волынского — дьяк Челобитного приказа А. Козлов — был введен в состав Приказа сыскных дел, заседавшего в Коломенском¹⁰⁶. Согласно отпискам из Приказа сыскных дел от 29 июля и 4 августа, штат коломенской розыскной комиссии

¹⁰⁴ Н. Н. Оглоблин. К истории Челобитного приказа. — ЖМНП, 1892, июнь, стр. 282.

¹⁰⁵ «Выход государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексиевича всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год)». М., 1844, стр. 382.

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 327, л. 294; А. Н. Зерцалов, стр. 244, 295.

состоял из бояр кн. И. А. Хованского, кн. Ф. Ф. Волконского и дьяка Т. Маркова. В отписках от 6 и 8 августа появляется дьяк А. Козлов, его фамилия стоит перед фамилией дьяка Т. Маркова¹⁰⁷. Возможно, он был введен в Приказ сыскных дел после того, как провел следствие в Челобитном приказе.

К числу «заводчиков» восстания можно отнести также и некоторых других лиц, упоминаемых в следственных делах. Выше уже говорилось о неизвестном рейтаре, который вел переговоры с царем в Коломенском от имени восставших. Явную причастность к «заводу» обнаруживает и дьячок Алексеевского девичьего монастыря Д. Филиппов, так неосторожно выдавший имя другого, может быть, главного предводителя — стретенского тяглеца Андрея — во время допроса от 26 июля. Он утверждал также, что разговоры о предполагавшемся выступлении он слышал от попов того же монастыря Андрея, Феокиста и Павла и дьякона Семиона. Однако ему не удалось ввести в заблуждение следователей. 29 июля на допросе в Коломенском он был избличен попами и дьяконом, показавшими, что «де их дьячок Демка поклепал, затеяв ложно». По их рассказу, в начале восстания 25 июля дьячок пел на клиросе во время литургии, которую служил поп Андрей. Когда «шум учинился», Д. Филиппов «в литоргию из церкви побежал», участвовал в восстании и был пойман в Коломенском вместе «с воровскими людьми». На очной ставке дьячок признался, что в прежнем допросе (26 июля) он на попов и дьякона «сказывал... ложно, хотя тем своим изветом от нынешнего дела... свободиться». После пытки и двукратного «сжения» огнем дьякон сделал еще более важное признание: «с бунтовщики де он в Коломенском был и в мысли у него о бунтовстве и о грабеже дворов было». В конце допроса имеется интересная запись о том, что после очередной пытки у Д. Филиппова спрашивали: «Кто в Алексеевском монастыре на камне писал?»¹⁰⁸ Правда, он отрицал свою причастность к этому, однако трудно не связать факт появления каких-то надписей в монастыре накануне восстания (можно почти не сомневаться, что они перекликались по содержанию с про-

¹⁰⁷ А. Н. Зерцалов, стр. 308, 309, 312, 313, 332, 336, 337, 341 и др.

¹⁰⁸ А. Н. Зерцалов, стр. 299—300, 306—307.

кламациями, расклеенными в городе в ночь на 25 июля) с поведением дьячка утром в день «мятежа». Его признание в том, что он по существу был посвящен в план восстания и, очевидно, принимал участие в его подготовке, хотя и было вырвано после страшных истязаний, тем не менее не может вызывать сомнений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он знал того человека, который был, вероятно, главным предводителем «Медного бунта». Возможно, Д. Филиппова (а может быть, И. Дмитриева) имеют в виду источники, когда говорят о подьячем, читавшем пракламацию на Красной площади.

Довольно активную роль в восстании играли М. Б. Жедринский, рейтар Ф. П. Поливкин, который «шел... перед бунтовщиками и кричал с ними вместе». По словам избличившего его стрелецкого пятидесятника М. Кузьмина, Поливкин «кричал и говорил: время де ныне побить изменников». Хотя рейтар и отпирался, однако сам признал, что он «меж ними (восставшими в Коломенском.— В. Б.) ходил», но тут же с подозрительной поспешностью утверждал, что «заводчиков у них не было», как бы желая отвести подозрение членов сыскающей комиссии в том, что он сам мог принадлежать к их числу¹⁰⁹. Во всяком случае, Ф. П. Поливкина можно отнести предположительно к числу «заводчиков» восстания. В связи с этим возникает вопрос,— не был ли Поливкин тем рейтаром, который вел переговоры с Алексеем Михайловичем и бил с ним по рукам, скрепляя тем самым «договоренность» царя с восставшим народом?

В Коломенском перед царем «говорил... непристойные слова и кричал» солдат полка А. Шепелева Н. К. Кобылкин. Другой солдат — Т. Обрезков — «бранил» боярина С. Л. Стрешнева и кричал: «те де люди им и надобны». В этом их избличали начальные люди их полка; оба упорно отказывались от обвинений в их адрес¹¹⁰. Гулящий человек кашинец М. Титов (кузнец) «кричал» и хотел убить стрелецкого сотника Г. Теглева.

Менее заметную роль в восстании играл десятский Сретенской сотни Лука Жидкий. Хотя он и вручал царю прокламацию в Коломенском, свидетели (сотский

¹⁰⁹ А. И. Зерцалов, стр. 301.

¹¹⁰ Там же, стр. 296.

Сретенской сотни П. Григорьев, сторож Приказа денежного сбора К. Данилов) говорили, что Л. Жидкого в Коломенское «с тем письмом отвели неволею». 26 июля «розных чинов люди» говорили на Лубянке: «Житково де взяли в Коломенское с письмом сильно». Вручив «письмо» царю, он тотчас же ушел в Москву. Правда, он участвовал в мирском «совете» на Сретенке утром 25 июля, на Красной площади не отказался пойти с «письмом» в Коломенское, в то время как сотский П. Григорьев, «убояси... смерти, отпросился на сторону, а то писмо у подъячего приказал взять своей сотни десятцкому Лучке Житкому»¹¹¹. Но Л. Жидкий не играл такой организующей роли в истории восстания, как стрелец К. Нагаев и, возможно, А. Щербак, И. Дмитриев, Б. Назарьев и др. Во всяком случае роль Л. Жидкого в восстании 25 июля в исторической литературе несколько преувеличивается.

В ряде случаев к предводителям восстания относят наиболее активных участников движения (Л. Жидкого, М. Титова и др.). Это сопровождается ошибками, путаницей¹¹². А. Н. Зерцалов считает «главными виновниками мятежа» всех лиц, приговоренных в ходе следствия к различным казням и даже «начальных людей» полка А. Шепелева¹¹³. Конечно, большинство этих лиц не принадлежит к «заводчикам», отнесение же к ним командиров полка А. Шепелева является не только научным курьезом, но и грубой ошибкой.

Из рассмотренных показаний выясняется круг лиц, принадлежавших к руководящему ядру восстания. Это представители тех же двух основных слоев — участников движения: во-первых, посадских людей, а также приказных чиновников и церковнослужителей мелких рангов; во-вторых, низших разрядов служилых людей (рейтар, солдат, стрельцов).

* * *

¹¹¹ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, л. 8; А. Н. Зерцалов, стр. 298; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, л. 8.

¹¹² В материалах, изданных под редакцией проф. А. В. Шестакова, среди предводителей первыми названы Лучкин и Житкин (Лука Жидкий превращен в двух «предводителей») — «Материалы к теме: Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII в.» Ростов на Дону, 1938, стр. 42.

¹¹³ А. Н. Зерцалов, стр. 244—245.

По свидетельству источников, повстанцы во время второго прихода в Коломенское снова пришли «к царю на двор силно». Здесь снова происходили какие-то переговоры бояр с восставшими («бояре выходили на улицу»). Однако переговоры не дали результатов, участники «гиля» «сердито и невежливо» разговаривали с Алексеем Михайловичем. Перепуганный Б. В. Шорин подтвердил слова восставших, будто его отец «побежал в Польшу с боярскими листами». Восставшие решительно потребовали выдать бояр «для убийства», царь «отговаривался» тем, что он едет для сыска в Москву. В ответ из толпы раздались крики, грозившие самочинной расправой с «изменниками», не считаясь с волей царя: «Будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами по своему обычаю». Восставшие, очевидно, собирались перейти к действиям. Поп Иван из Гончарной слободы кричал восставшим: «Тепере де и пора, не робейте». Автор жития Ф. М. Ртищева выразительно говорит, что его герой был «в велицем страсе близ самыя смерти».

Огромная толпа возбужденно гудела, требуя расправы с боярами и приказной верхушкой. Солдаты полка А. Шепелева в это время расправлялись со своими начальными людьми, некоторых из них «били» и «в воду вогнали». Обстановка становилась крайне напряженной для царя и его окружения. Однако к этому времени их положение кардинально изменилось, так как к царской резиденции были стянуты войска. По приказу Алексея Михайловича началась жестокая расправа. Царь «закричал и велел» стрельцам, придворным и дворовым людям «побивать» восставших до смерти, «сечь и рубить без милости, имавши их, вешать... и в реках топить и в болотах». Арестованных приказано было сажать в столовую избу; «многих черных людей и бунтовщиков и всяких вольных людей в селе Коломенском побили и перевешали»¹¹⁴.

В исторической литературе утвердилась версия, согласно которой подавление восстания в Коломенском

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, л. 46; «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.», стр. 450; ДРВ, ч. V—VI, стр. 26; А. Н. Зерцалов, стр. 303; Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 103.

было совершено в основном двумя стрелецкими приказами — А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева, но это не соответствует действительности. Эта версия опирается на показание П. Гордона, который описал не все события восстания, а только то, что он сам видел.

В Коломенском были собраны более значительные силы. Охрану дворца несли, возможно, несколько стрелецких приказов, в том числе половина приказа Я. Соловцова. По А. Эберсу, при царе было 2 тыс. стрельцов; из Москвы было прислано еще 2000. По Г. Котошихину, из Москвы бояре послали все стрелецкие полки (это, конечно, неточно) и надворный полк солдат, всего 3 тыс. человек. На помощь Коломенскому пришли стрелецкий приказ Б. Бухвостова (помимо приказов А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева), солдатские полки Д. Крафорта (1200 человек, полк стоял под Кожуховом), А. А. Шепелева (1000—1500 человек, стоял под Новинками) ¹¹⁵. Полковник Д. Крафорт (Кравфуирд) 29 декабря 1662 г. за то, что «был в прошлом во 170 году июля в 25 числе в селе Коломенском для обереганья бунтовщиков», получил в награду серебряный ковш и 40 соболей. За такую же «службу» были пожалованы (по паре соболей) 29 полковников (в том числе командиры полков Г. Тарбеев, единственный из русских, А. Траурнихт, Т. Крафорт, Т. Шел, Х. Мингаус и др.), 22 полуполковника (4—русских, 18—иностранцев), 24 майора (7—русских, 17—иностранцев), всего 75 человек. 19 августа 1662 г. «за службы» получили серебряные ковши девять голов московских стрелецких приказов ¹¹⁶.

В Москве при подавлении восстания находились стрелецкие приказы В. Пушечникова, М. Ознобишина, Г. Аладьина, В. Философова, Т. Полтева, И. Монастырева, А. Лопухина, И. Полтева, половина приказа Я. Соловцова во главе с полуголовой В. Баранчевым

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 22 об; Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 103; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 97, прим. (немецкий текст; перевод Г. В. Форстена в данном случае, как и в ряде других, неточен: он говорит о 200 стрельцах в Коломенском — там же. стр. 96); А. Н. Зерцалов, стр. 313—314, 319, 324, 326, 327 и др.; П. Гордон. Дневник, стр. 23—25

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 396, д. 8140, л. 1; д. 8266, лл. 1—3; д. 8283, лл. 2—41; д. 8308, л. 1; А. Н. Зерцалов, стр. 360—361.

Московский стрелец.
Рисунок из альбома Пальмквиста 1674 г.

(съезжая стрелецкая изба находилась на Лубянке)¹¹⁷. Стрельцы из некоторых приказов были арестованы 25 июля в Коломенском (приказы Г. Г. Аладьина, Г. Астафьева, И. Монастырева)¹¹⁸. В подавлении восстания в Москве принимали участие стрельцы приказов А. Лопухина, М. Ознобишина, Г. Аладьина, В. Баранчеева и, вероятно, других; приказы Т. Полтева, В. Пушечникова, Г. Аладьина и других охраняли арестованных повстан-

¹¹⁷ С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 102—150.

¹¹⁸ В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Указ. соч., стр. 150.

цев в Москве, приказ Б. Бухвостова — в Николо-Угрешском монастыре ¹¹⁹.

В подавлении восстания принимали участие придворные; 25 июля в Коломенском их было около 400 человек ¹²⁰. Из них после восстания приехало 64 человека, до и в момент восстания — 187 человек, время приезда остальных 142 не известно, но, вероятно, большая часть приехала до и во время разгрома восстания; всего из них в подавлении «бунта» принимало участие, вероятно, 200—300 человек. О «дворовых людях», которые за участие в расправе получили в награду по киндяку ¹²¹, известно, что 28 сентября 1662 г. по именному указу Алексея Михайловича в Конюшенный приказ было дано 118 киндяков, которые взял дьяк Т. Марков, один из членов Приказа сыскных дел в Коломенском; ему было велено «дать те киндяки государева жалованья людям боярским» ¹²². Награды, возможно, получили не только эти 118 холопов, но и другие.

Войска, придворные, иностранцы из Немецкой слободы стягивались очень поспешно, некоторые полки и приказы не удалось собрать полностью; стрелецкие приказы А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева были «в слабом составе», полк А. А. Шепелева — «очень немногочисленным, так как многие из солдат присоединились к мятежникам» ¹²³. «Наспех вооруженные» стрелецкие полки, «укрываясь буэраками и по загорью туда (в Коломенское.— В. Б.) пришли» ¹²⁴. Помощь из Москвы была выслана вслед за уходом в Коломенское второй группы восставших; сначала ушли стрелецкие полки, затем со своим полком А. А. Шепелев, которсго боярин Ф. Ф. Куракин сначала «не отпустил» в Коломенское вместе со стрелецкими головами. По приказу боярина С. Л. Стрешнева, встретившего его у Серпуховских ворот, Шепелев оставил в Даниловском монасты-

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 31, 57, 59, 136—137, 195, 226 и др.

¹²⁰ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 497, л. 96.

¹²¹ Киндяк — кусок хлопчатобумажной ткани, см. Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. Под редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1937, стр. 142.

¹²² ЦГАДА, ф. 396, д. 317 (расходные книги товаров и вещей на жалованье), лл. 6 об.—7.

¹²³ П. Гордон. Дневник, стр. 24.

¹²⁴ А. Я. Хилков. Ядро российской истории. М., 1770, стр. 362.

Представители феодальной знати.
Рисунок из «Путешествия» А. Оллария

ре роту солдат, затем пришел под Коломенское. С. Л. Стрешнев поехал в коломенский дворец, захватив с собой встретившихся ему по дороге десять капитанов и поручиков полка А. Шепелева (в том числе И. Грабленого), сделавших незадолго до этого вместе с околичничим Р. М. Стрешневым неудачную попытку «солдат отбивать» от восставших. В Коломенском за боярином С. Л. Стрешневым, капитанами и поручиками «солдаты (полка А. Шепелева.— В. Б.) и всяких чинов люди бунтовщики учили гонять с палками». Некоторых «начальных людей» (Д. Кудрявцева, И. Грабленого) «мужики и солдаты в Коломенском били и в воду вогнали», И. Грабленого «сбили с лошади». С. Л. Стрешнев сделал попытку уговорить солдат; капитан Д. Кудрявцев показал, что «солдаты учинились боярину непослушны, учили за ним гонять». С. Л. Стрешнев снова приехал в полк А. Шепелева (под Новинки). Затем, вероятно, состоялась третья попытка уговорить восставших солдат. Алексей Михайлович послал к солдатам боярина

С. Л. Стрешнева и полковника А. Шепелева с указом, «чтоб оне к их (восставших.— В. Б.) воровству не приставали и к бунту и вину свою к нему, великому государю, принесли». Г. Н. Собакин утверждает, что царский указ «послушали человек с триста» солдат, которые «пошли к Москве»¹²⁵, но это не подтверждается другими источниками.

В Коломенское и вокруг него стянули большое количество войск, придворных и их холопов; их общее число составляло не менее 6—7 тыс. человек, возможно, даже больше, до 8—10 тыс. Собранных сил было вполне достаточно для расправы с повстанцами. Алексей Михайлович резко изменил тон и вместо продолжения разговоров с ними «тихим обычаем» дал сигнал начать резню.

Восставших убивали и ловили в Коломенском, его окрестностях, на всех дорогах между селом и столицей, под стенами Земляного города¹²⁶.

Атмосфера расправы хорошо передается в сообщениях современников. По Котошихину, «царь, видя их злой умысел, что пришли не по добро и говорят невежливо, з грозами, и проведав, что стрелцы к нему на помощь в село пришли, закричал и велел... тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити. И как почали их бить,... почали бегать и топиться в Москву реку...», Собакин говорит, что после того, как восставшие «указу великого государя учинились непослушны», Алексей Михайлович велел их «имать и вязать и сажать в столовую избу, а иных велел побивать до смерти», «сечь и рубить их без милости, имавши их, вешать». В результате расправы «многих черных людей и бунтовщиков и всяких вольных людей в селе Коломенском побили и перевешали». Солдат полка А. Шепелева, участвовавших в восстании, царь «велел тоже рубить до смерти и, имавши, вешать и в реках топить и в болотах безо всякия милости и пощады». Царь-каратель потом «милостиво похвалял» службу ближних людей, стольников и

¹²⁵ «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.», стр. 451: ЦГАДА, ф. 210, д. 327, лл. 30, 71, 92; А. Н. Зерцалов, стр. 313—315, 317.

¹²⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, л. 47; д. 959, лл. 49, 131, 258; столбцы Московского стола, д. 398, лл. 127—128, 130; А. Н. Зерцалов, стр. 324—326, 329—331, 333—334, 337, 348, 350—353; П. Гордон. Дневник, стр. 24—25.

стряпчих за то, что они «воров и бунтовщиков многих побили до смерти своим доротством».

П. Гордон пишет в своем дневнике, что прибывшие из Москвы в Коломенское два стрелецких полка были впущены через задние ворота коломенского дворца и вместе с придворными (и, вероятно, их холопами) напали на восставших из главных ворот. Повстанцы были «отбиты» «без особого сопротивления»; это как будто говорит о том, что какое-то сопротивление восставшие оказывали, а до этого по существу осаждали царский дворец, поскольку пришлось их «отбивать». «Многие из них,— продолжает Гордон,— были убиты и захвачены, другие загнаны в реку».

Известия, аналогичные показаниям современников, разобранным выше, имеются в летописных источниках. В прибавлениях к Новгородской III летописи сообщается, что царь велел «воров» казнить, вешать и топить в Москве-реке; «тогда не точию чернь погубляху, но и всяк народ, смотрелщиков, множество разного народа погибло... А после многих невинных яша мужей и жен (по Котошихину, «пущих воров», что ближе к истине.— В. Б.), в струги садиша и дны прорубаше и тако топиша». В летописце из Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина говорится, что «бунтовщиков московские стрелцы побили и в Москве реке потопили». По словам автора летописца 1624—1691 гг., московские стрелецкие полки (на самом деле не одни они, но и другие) «объедоша мятежников кругом и повелением царевым всех мечю предаша, овых в поле бежащих, иных же чрез реку плывущих конницею, боярскими людьми побиени и утоплени быша»; расправа была столь массовой и жестокой, что автор, сильно преувеличивая, заканчивает: «и ни един от них убеже, вси погибоша». Таким образом, современники говорят именно о массовой резне и диком погроме, учиненном властями в Коломенском, Москве и их окрестностях¹²⁷, на что по сути дела не обратил внимания К. В. Базилевич.

События, начиная со второго прихода восставших и кончая расправой, разыгрались, вероятно, между 12—14

¹²⁷ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 103; П. Гордон. Дневник, стр. 25; «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.», стр. 450—451, 454; ГБЛ, Музейное собрание, д. 1841, л. 164 об.; ГПБ. Q, IV 132, л. 58 об.

часами или немного позже. Рейтар П. Гребенкин пошел из Москвы в Коломенское на Потешный двор в 8-м часу дня (между 11 ч. 30 м. и 12 ч. 30 м.) «и, не допустя его к Потешному двору, на дороге поймали»; арестовали его, по-видимому, около двух часов дня. Рейтары полков Г. Тарбеева и других, вышедшие из своих станов в разное время — в 4—7-м часу дня, «в обед» были схвачены около Москвы «на дороге», вероятно, вскоре после обеда¹²⁸. Восстание было подавлено в середине дня 25 июля, примерно в 13—14 часов или несколько позже; продолжалось оно не более 7—9 часов.

Показания источников о жертвах во время расправы с восставшими и после розыска весьма разноречивы. Одни авторы говорят о «многих» убитых, повешенных, утонувших и потопленных (П. Гордон, Г. Н. Собакин); другие — о нескольких сотнях или тысячах убитых, казненных и т. д.¹²⁹

Наиболее точны сведения у Г. Котошихина, сообщającego об аресте более 200 повстанцев в Москве, более 7 тыс. убитых и арестованных и более 100 утонувших в Коломенском; там же было повешено «со 150 человек»; в ночь с 25 на 26 июля «пущих воров» потопили в Москве-реке с «больших судов» (следовательно, «пущих воров» было немало)¹³⁰. Г. Котошихин не говорит, сколько человек было убито, вероятно, их было несколько сот человек (по А. Эберсу — 400 человек). В одной из работ автор настоящего исследования высказал предположение, что количество убитых, утонувших, потопленных и повешенных во время подавления восстания было во всяком случае несколько сот человек, не менее 500 человек, а может быть и больше¹³¹. Эта цифра впоследствии была подтверждена и уточнена найденным

¹²⁸ А. Н. Зерцалов, стр. 325, 329—331, 354—347, 351.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 21 об., 22 об.; П. Гордон. Дневник, стр. 25; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96, 97, прим.: А. Майерберг. Путешествие, стр. 201; «Theatrum Europaeum», ч. IX, стр. 647; А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

¹³⁰ Г. Котошихин. Указ. соч., изд. 3. СПб., 1884, стр. 115, 116; изд. 4. СПб., 1906, стр. 103, 104. Мы принимаем правильный, с нашей точки зрения, перевод: «со 150 человек» повешенных, данный в 3-м издании; перевод в 4-м издании 1906 г. — «со 108 человек» — является ошибочным.

¹³¹ В. И. Буганов. К вопросу о Московском восстании 1662 г. — «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 173.

В. А. Кучкиным документом, современным, вероятно, событиям восстания. В нем говорится: «В поле под Коломенском государеве селе посекали москвичь черных сотен и иных всяких чинов людей сот з девять и более свои же московсти люди, стрельцы Стремянново приказу (вероятно, приказа Я. Соловцова.— В. Б.) и государевы всякие чины за то, что стали было бить челом великому государю на бояр. Да того ж месяца июля в 26 день повесили пятьдесят человек в том же челобитье всяких чинов людей»¹³².

7 тыс. посеченных и переловленных — цифра, возможно, преувеличенная Г. Котошихиным, но преувеличенная не в таких размерах, как полагает К. В. Базилиевич. В результате неполного и неточного анализа материалов следствия К. В. Базилиевич, основываясь на данных о 1200 ссыльных, пришел к выводу, что число восставших из них не превышает 400 человек, так как средний размер семьи (предусматривалась ссылка повстанцев с женами и детьми) был не меньше трех человек; кроме того, для перевозки «колодников» было выделено 10 стругов и 400 кандалов. Общее количество арестованных К. В. Базилиевич устанавливает в 450—500 человек (т. е. в 14—15 раз меньше, чем у Г. Котошихина, которому автор не доверяет)¹³³. Но цифра Котошихина (7000) включает, наряду с арестованными, убитых, так что арестованных было меньше. К. В. Базилиевич не учел, что известия о 1200 ссыльных относятся только к тем восставшим, которые были заключены в Никольско-Угрешском монастыре, их отсюда и вывозили к местам ссылки. Помимо них, более 250 человек было сослано через Москву¹³⁴. Кроме того, никакими источниками не подтверждается, что сосланные из Угрешского монастыря были направлены в Сибирь, Астрахань и другие места сразу же вместе со своими семьями. Это и нелегко было сделать, так как у многих семьи были далеко от Москвы и не могли быть сразу привезены в столицу; многие семьи восставших не были сосланы вообще. Так, солдаты полка А. Шепелева, бежавшие впоследствии из мест ссылки, возвращались к

¹³² В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Указ. соч., стр. 145.

¹³³ К. В. Базилиевич, стр. 101.

¹³⁴ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 267; А. Н. Зерцалов, стр. 352—354.

своим семьям (в Курский, Черньский, Рыльский и другие уезды)¹³⁵. «Заповедный вор Коломенского бунту ссыльной человек» С. Самсонов, фамилия которого отсутствует в следственных источниках, прибежал «к жене своей» в село Мокеево Рязанского уезда. В грамоте из Разрядного приказа в Нижний Новгород в 1665 г. сообщались фамилии бежавших 38 участников восстания (ростовцев, суздальцев, ярославцев, галичан, белоозерцев), их предписывалось снова сослать «з женами и з детьми», к которым они прибежала из ссылки. Сохранились известия о 26 сосланных за восстание бронниках, кадашевцах, хамовниках, о солдатах полков М. Кровкова, М. Вестова; все они не упоминаются в разыскных делах¹³⁶. Таким образом, ряд фамилий восставших не отражен в сохранившихся следственных делах; многие из них были сосланы без семей. В отписке из Приказа сыскных дел от 3 августа 1662 г. московским властям предписывалось в крайне спешном порядке готовить струги и кандалы для 1200 ссыльных, «а ково имяны колодников в ссылку послать и для сыску жон их и детей роспись прислана будет впреть». Здесь предусматривается ссылка только участников восстания, их семьи предстояло еще «сыскать» и потом сослать. Это полностью подтверждает Г Котошихин: «бунтовщиков» «розослали всех в далные города... и после их по скаскам их, где кто жил и чей кто был, и жен их и детей по тому же за ними розослали». Участников восстания выслали, вероятно, в августе. К этому времени их семьи нельзя было, конечно, собрать. 5 августа из Москвы в Угрешский монастырь были высланы 10 стругов «водою», а кандалы «для поспешенья на подводах». Для охраны ссыльных было выделено 500 стрельцов во главе с А. Бестужевым¹³⁷. 1200 ссыльных или подавляющее большинство из них, несомненно, являются участниками восстания 1662 г

¹³⁵ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 384, лл. 407—408; д. 975, лл. 52—57, 75—79, 82—83, 138—140; Столбцы Белгородского стола, д. 563, лл. 131—134.

¹³⁶ Там же, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 398, лл. 126—131; столбцы Белгородского стола, д. 563, лл. 127—129; столбцы Приказного стола, д. 990, лл. 1—60; ф. 396, д. 981, лл. 45, 57, 64, 68, 85 об.; д. 43236, лл. 1—9.

¹³⁷ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 54—57, 63, 270, 273—274, 279; Г Котошихин Указ. соч., стр. 104

Это подтверждается недавно найденным документом о ссылке участников «Медного бунта»¹³⁸. В нем говорится о ссылке тех же арестованных, содержащихся в Николо-Угрешском монастыре («А которые на Москве,— и те в то число не положены»); сопровождать в ссылку их должны были 500 стрельцов во главе со стрелецким головой А. Бестужевым. Об этих же стрельцах и голове Бестужеве идет речь в сыском деле, когда говорится о ссылке 1200 человек. В этом же документе называется цифра в 1500 человек «ссылных людей и их жон и детей». Можно думать, что это те же 1200 участников восстания, остальные 300— члены их семей. Об этом свидетельствует дальнейшее содержание документа. Говорится о ссылке в Астрахань 371 москвича — участников восстания вместе с женами и детьми и 192 «городовых (т. е. не москвичей.— В. Б.), oprичь жон и детей». В Сибирь к ссылке предназначалось 277 человек без жен и детей. Всего, таким образом, говорится о 840 ссылных, из которых «мужска полу в совершенных летах» (т. е. взрослых мужчин) было 663 человека. Следовательно, женщин и детей насчитывалось только 177 человек. Поскольку с семьями ссылали только москвичей, которых насчитывалось в целом 371 человек, то из них участников восстания было 194 человека, а членов их семей—177 человек. Следовательно, пропорция 1:2 (один участник восстания на двух членов его семьи), выведенная К. В. Базилевичем на основании общих соображений, противоречит данным источникам. Таким образом, вместе с высланными непосредственно из Москвы (примерно 250 чел.) насчитывается около 1450 участников восстания. Но их было, вероятно, больше, так как не все сведения о них известны.

Результатом сыска, принявшего большие размеры, была ссылка большего числа восставших, чем это можно заключить на основании имеющихся данных. Всего в результате подавления восстания было убито, потоплено, повешено и арестовано не менее 2,5—3 тыс. человек (в пять-шесть раз больше, чем полагал К. В. Базилевич), весьма вероятно, что их было еще больше.

¹³⁸ В. И. Буганов. Новый документ о ссылке участников «Медного бунта» 1662 г.— «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 234.

В свете разобранных выше данных показания Г Котошихина представляются близкими к действительности.

Сведения о 7 тыс. казненных и 15 тыс., подвергнутых другим наказаниям, приводимые некоторыми историками, основаны на неправильном понимании того же Г Котошихина, который имеет в виду не участников восстания 1662 г., а фальшивомонетчиков¹³⁹.

Недоверие К. В. Базилевича к сообщению Г Котошихина о повешенных около Коломенского 150 участников восстания (у К. В. Базилевича — 108) и потопленных «пущих заводчиках» столь же необоснованно. К. В. Базилевич опирается на то, что в материалах следствия нет указаний, подтверждающих сообщения Г Котошихина. По его словам, не было никакого смысла сооружать «устрашающие орудия казни на полях в стороне от столицы», такая массовая казнь нанесла бы большой ущерб следствию¹⁴⁰. Но упоминаемые в следственных делах 18 восставших, повешенные в Москве 26 июля, тоже принадлежали к числу наиболее активных участников восстания, тем не менее их умертвили с такой поспешностью, которая говорит о тех чувствах классовой ненависти и страха, которые испытывали в эти дни царь и его приближенные. Именно этими чувствами руководствовались царь и придворная верхушка, учиняя жестокую расправу в Коломенском: беспощадный приказ царя (рубить, вешать, топить «безо всякия пощады») был выполнен с большой жестокостью и поспешностью; подавление восстания было похоже на резню. В обстановке погрома, господствовавшей в эти часы в Коломенском, у карателей не было времени думать о будущем следствии; они рубили и вешали без пощады, не разбирая активных и неактивных участников движения, убивая, по выражению Манкиева, «и невинных смотрельщиков, зане разбирать было некогда»¹⁴¹. Чувство страха царь испытывал и после разгрома восстания; по его приказу к дворам И. А. Милославского, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово охрану из стрельцов должен был выслать боярин кн. А. Н. Трубецкой, срочно посланный из Коломенского в Москву для сыска и руководства всеми делами во вто-

¹³⁹ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 105.

¹⁴⁰ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 100—101.

¹⁴¹ А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

рой половине дня 25 июля¹⁴². Замена кн. Ф. Ф. Куракина кн. А. Н. Трубецким объясняется, очевидно, недовольством царя и придворных медлительностью и нерасторопностью Куракина. Московская власть, несмотря на наличие в столице и ее окрестностях большого гарнизона, была фактически парализована действиями восставших, «наводивших ужас» на знатных и богатых. Ф. Ф. Куракин и его «товарищи», дрожавшие от страха в Золотой палате Кремля, не решились даже отпустить А. Шепелева с его полком на помощь царю в Коломенское, что, конечно, не могло не вызвать неудовольствия Алексея Михайловича, пославшего боярина С. Л. Стрешнева к Москве с указанием ускорить приход солдат.

Разгромив восстание, его усмирители — царская власть, все феодалы-крепостники — торжествовали победу. На второй и третий день после «мятежа» (26—27 июля) из Москвы рассылались грамоты о его подавлении в полки на фронты военных действий и в города по всему государству. Грамоту составляли в Разрядном приказе, «чернил» ее, т. е. редактировал, думный дьяк Ларион Лопухин, тексты грамоты рассылались из Посольского приказа с приписью дьяка Е. Юрьева. Рассказывая о событиях 25 июля, авторы этой своеобразной контр-прокламации называют повстанцев «ворами, разных чинов худыми людишками», которые в Москве «учали было дома грабить», а другие пришли в Коломенское «и учали бить челом с большим невежеством». Далее следует целая серия фальсификаций и инсинуаций: оказывается, «наши великого государя всяких чинов ратные и торговые и земские люди к тому их воровству никто не пристали» и, более того, всякие служилые, торговые люди, представители черных слобод (т. е. тяглых посадских людей), вместе с боярами и дворянами били челом, чтобы «мы, великий государь, пожаловали их, указали тех воров и мятежников переимать, чтоб те воры большого дурна не учинили». Разгром восстания выглядит по этой грамоте как своеобразное удовлетворение этого чуть ли не «всенародного» челобитья. Весь документ пронизан страхом перед возможностью повторения событий,

¹⁴² ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 23 об., 25 об.—26; ф. 210, д. 959, лл. 2—3; «Дополнения к т. III. ДР», стб. 344—345.

подобных тем, которые произошли в столице и Коломенском 25 июля. Этим вызвана и поспешность, с которой грамота рассыралась во все концы страны, и откровенная фальсификация смысла и характера событий восстания, и настойчивые указания местным властям принять соответствующие меры (объявить всем людям о беспощадном подавлении «бунта» — казнях, ссылках и т. д.)¹⁴³.

Как водится в таких случаях, местные власти, со своей стороны, не замедлили изъявить верноподданические чувства. Так, в отписке из Севска, где стояли ратные люди, боярин П. В. Шереметев «с товарищи» сообщал, что грамоту из Москвы прочитали во всех полках: «И слыша мы, холопи твои, и твои великого государя ратные служивые всяких чинов люди устрашились и прослезились, что такие крестопреступники, худые людишки учинили такое воровство и в царствующем граде Москве мятеж и к тебе, великому государю, невежливое челобитье и безстрашие. Достойно нам всем к тебе, великому государю, приступать, аки к богу со страхом, а не только, государь, с таким воровским заводом и безстрашием и с невежеством таким худым людишкам приходить». Выслушав же сообщение царской грамоты о казнях и ссылках участников «бунта», ратные люди, по лизоблюдскому донесению царских воевод, «обрадовались»¹⁴⁴. Можно не сомневаться, что подобное холопское усердие шло не от массы служилых людей, страдавших вместе со всем народом от введения медных денег, дороговизны и голода и посылавших в Москву своих представителей с жалобами на свое плачевное положение, а от их командиров — представителей тех же феодалов-крепостников, господству которых угрожали народные выступления, подобные знаменитому «Медному бунту» 25 июля 1662 г.

¹⁴³ А. Н. Зерцалов, стр. 294—295. I ПСЗ, т. I, стр. 568—569; ЦГАДА, ф. 159, д. 1213, лл. 239—244; ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 465, лл. 278—280; ф. 141, д. 91, л. 1.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 540, лл. 122—123.

Ход следствия, его размах, характерные особенности остались в литературе совсем незатронутыми. До сих пор бытует сложившееся со времен С. М. Соловьева представление, что существовала одна следственная комиссия, одно следственное дело. С. М. Соловьев, а впоследствии В. А. Никольский, С. К. Богоявленский и другие считали, что следствие велось в Никольско-Угрешском монастыре; большинство же исследователей совсем не касалось этого вопроса, чему способствовала недостаточная изученность источников о московском восстании 1662 г.

Следствие об участниках московского восстания 1662 г. производилось в нескольких местах. В селе Коломенском розыском ведал Приказ сыскных дел, штат которого составляли бояре кн. И. А. Хованский (Тараруй), кн. Ф. Ф. Волконский и дьяки А. Козлов, Т. Марков¹. Следствие в Москве вела боярская комиссия, поставленная во главе всей центральной московской администрации после отъезда царя Алексея Михайловича в Коломенское 16 августа. Главой комиссии был боярин князь Ф. Ф. Куракин, его «товарищами» — окольничие князь Д. С. Великого-Гагин, М. С. Волинский, В. А. Чеголоков, князь Т. И. Щербатый, Н. М. Боборыкин, князь И. П. Барятинский, думный дьяк Л. Лопухин². Во время восстания 25 июля московская комиссия действовала в перечисленном составе, и поэтому первые показания свидетелей были даны Ф. Ф. Куракину «с товарищи». Но того же 25 июля, сразу же после подавления восстания, из Коломенского в Москву экстренно был послан боярин князь А. Н. Трубецкой «для розыску про

¹ А. Н. Зерцалов, стр. 295—296.

² «Дополнения к т. III ДР». СПб., 1854, стб. 342—343.

бунтовщиков, которые приходили к государю в село Коломенское; и велено ему и Москва ведать». Помимо выполнения специального поручения — вести следствие о восстании, А. Н. Трубецкой должен был возглавить московскую администрацию в целом; Ф. Ф. Куракин и остальные оставались членами комиссии и тем самым становились «товарищами» Трубецкого³.

По словам Г. Н. Собакина, «товарищами» А. Н. Трубецкого были боярин кн. Г. С. Куракин, окольные кн. Д. С. Великого-Гагин, В. С. Волынский, кн. И. П. Барятинский, Ф. К. Елизаров, думные дворяне П. К. Елизаров, И. А. Прончищев, думные дьяки А. Дуров, Г. Дохтуров и Л. Лопухин. Вместо Ф. Ф. Куракина здесь ошибочно называется Г. С. Куракин, служивший в это время воеводой в Казани; однако список, возможно не без основания, называет новых лиц, принявших участие в следствии. Так, В. С. Волынский возглавлял Челобитный приказ, ведавший разбором наиболее важных дел. Вместе с В. С. Волынским служил дьяк А. Козлов⁴, введенный в состав коломенской следственной комиссии. Окольный Ф. К. Елизаров был начальником Поместного приказа, окольный П. К. Елизаров — начальником Земского приказа. Думный дворянин И. А. Прончищев и дьяк Г. Дохтуров с 27 июня 1662 г. стали служить в Приказе Большой казны вместо уволенных думного дворянина И. П. Матюшкина и дьяков. Дьяк А. Дуров работал в Стрелецком приказе⁵.

Руководителю следствия А. Н. Трубецкому царь Алексей Михайлович «указал розыскивать на Москве и расспрашивать, и пытать всякими розными пытками жестокими накрепко; и ково с чем поймают,— казнить, вешать безо всякия милости и пощады». Ему предписывалось «прислать с отпискою гонца нарочно: сколько

³ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 959, лл. 1—2, 38; ф. 181, д. 115, лл. 23—24; «Дополнения к т. III ДР», стб. 344—345.

⁴ Окольный В. С. Волынский был назначен начальником Челобитного приказа 6 июля 1662 г. вместо отставленного окольного И. М. Милославского — «Дополнения к т. III ДР», стб. 341; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 220.

⁵ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., стр. 26, 49, 123, 166.

человек по его великого государя указу смертную казнию казнят и перевешают для сметы»⁶.

Третьим местом следствия был Никольско-Угрешский монастырь. Г. Н. Собакин сообщает, что, помимо допросов арестованных в Коломенском, «иных велел (царь.—В. Б.) отсылать к Николе на Угрешу к боярину, к Петру Михайловичю Салтыкову с товарищи и велел их тоже спрашивать и пытать всякими пытками розными и жестокими накрепко и казнить смертною казнию всякими казнями розными, четвертовать и вешать»⁷. Кроме боярина П. М. Салтыкова, в допросах в Угрешском монастыре участвовал дьяк Приказа тайных дел Д. М. Башмаков⁸; кто подразумевается под другими «товарищами» П. М. Салтыкова,— неизвестно.

Все три комиссии работали под наблюдением и руководством бояр и царя Алексея Михайловича.

* * *

Следствие началось 25 июля 1662 г. и было закончено в основном в первой половине августа, т. е. длилось более двух недель; окончательные приговоры некоторым арестованным были вынесены во второй половине сентября. Несмотря на то, что 25 июля было арестовано много участников восстания, наиболее активные из них были выявлены лишь в ходе следствия.

25 июля московским властям в Золотой палате сотские П. Григорьев и С. Шапочников сообщили о «письмах», расклеенных на Сретенке и в Котельниках. По приказу Ф. Ф. Куракина С. Шапочников принес одно из этих «писем»; в тот же день оно было послано в Коломенское⁹.

В Коломенском 25 июля допросы еще не начинались. Здесь было получено известие о поимке в Москве 98 «розных чинов людей», грабивших дворы гостей В. Шорина и С. Задорина. Думный дворянин И. А. Прончищев передал в Москву устный царский указ о повешении «ис

⁶ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 23—24.

⁷ ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 21 об.

⁸ Там же, ф. 210, д. 959, лл. 57, 58, 59; А. Н. Зерцалов, стр. 334, 350.

⁹ Там же, столбцы Приказного стола, д. 327, лл. 61—62, д. 959, л. 1.

тех воров» 10 или 20 человек¹⁰. Того же числа в Коломенское сообщили, что в Москве поймана новая группа участников восстания «з грабежными животы», которых охраняли стрельцы полуголовы В. Баранчеева.

Из Коломенского 25 июля указали «розыскать накрепко» вину арестованных, а «пущих воров, заводчиков и людей боярских по своему розсмотрению по прежнему нашему великого государя указу... вершить около Москвы по всем дорогам».

В Москве у головы А. Лопухина и полуголовы В. Баранчеева уже находились под охраной 60 «приводных людей», пойманных в разных местах Москвы; 54 человека были арестованы у Земляного города, около Серпуховских и Таганских ворот. Московские власти доносили, что они велят «розыскать» и «вершить» арестованных. Списки пойманных в столице с поличным и без поличного участников похода в Коломенское были посланы в Приказ сыскных дел 27 июля¹¹.

26 июля в Москве было казнено 18 человек, принадлежавших, несомненно, к числу наиболее активных участников погромов в Москве¹².

Показания С. Шапочникова и П. Григорьева, переписка Москвы с Коломенским об арестах в Москве 25 июля, казнь 18 участников восстания представляют собой предысторию следствия. Для нее характерна отрывочность и единичность показаний.

Следствие в Коломенском началось 26 июля, когда были допрошены красносельцы Ф. Прокофьев (Ф. Иванов), С. Прокофьев и гулящий человек И. Н. Никифоров. Их расспрашивали, с кем у них был «завод», от кого они слышали о «мятежном заводе». Первые двое «в роспросе и с пытки» показали, что пришли на Потешный двор получить деньги за мясо и увидели, что из Москвы в Коломенское идут «многие люди». Взяв по палке, они к ним присоединились, полагая, «что де тут черных сотен земские люди и сотские к великому государю для челобитья идут»; в Коломенском они постояли «с час» и возвратились на Потешный двор, а затем в Красное село.

¹⁰ Об этом упоминается в отписке московских властей, посланной в Коломенское 27 июля (там же, д. 959, л. 3).

¹¹ Там же, лл. 2—6.

¹² Там же, л. 114.

29 июля допросы троих подследственных слушал царь Алексей Михайлович «с бояры». По царскому указу и боярскому приговору у Ф. Прокофьева (Ф. Иванова) велено было отсечь левую руку и обе ноги, у С. Прокофьева — отсечь левую руку. После приведения приговора в исполнение им позволялось быть дома, «пока места они от той казни выздоровеют». Очевидно, впоследствии им предстояла ссылка. Их племянников, Г. Иванова и Д. Романова, и гулящего человека И. Н. Никифорова велено было освободить¹³. Розыск о двух красносельцах и гулящем человеке, оконченный 29 июля, вошел в состав «четвертого дела»; по нему было привлечено пять человек¹⁴.

26 июля в Никольско-Угрешском монастыре при расспросе и переписи 343 солдатам полка А. Шепелева, участвовавшим в восстании, задавались следующие вопросы: высылали ли они московских чернослободцев из дворов и лавок в Коломенское и говорили ли им, чтобы они шли туда «гилем»? Не было ли у них такого воровского «умыслу и заводу» до «нынешняго смутного времени»? Знают ли они, кто писал и в Москве к решетке приклеивал «воровское письмо»? Кто его подносил царю в Коломенском? Солдаты, которых допрашивали «с пристрастьем по ротам порознь, чтоб сказали правду», все отрицали, утверждая, что пошли в Коломенское за своими «начальными людьми», «а иные собою с москвичи разных чинов с людьми спроста, смотря на люди».

135 солдат, стоявших в Кожевнической слободе, 23 солдата роты Д. Дурова и 16 солдат разных рот показали, что в день восстания из Москвы в Коломенское с солдатами своих рот пошли капитаны князь Д. Кропоткин, П. Аншутин, Д. Кудрявцев, поручики И. Грабленый, Д. А. Зайцев, прапорщик Ф. Полозов. Солдаты других рот пошли «с ними же вместе, а иные и после». При выходе из Москвы они присоединились к москвичам — «многим людям».

26 же июля майор Г. Юшков, капитаны Ф. Маматов, С. Калинин сказали, что солдат их полка Н. Кобылка «говорил перед великим государем непристойные слова и кричал», другой солдат, Т. Обрезков, «бранил» бояри-

¹³ А. Н. Зерцалов, стр. 297—298.

¹⁴ Там же, стр. 360.

на С. Л. Стрешнева и кричал: «те де люди им и надобны». Оба солдата отрицали свою вину. Их приговорили к повторной пытке, после же, если они ничего не прибавят,— к ссылке. Этот приговор был, вероятно, одним из первых результатов розыска среди солдат полка А. Шепелева. Он вызван наличием явных улик против обоих солдат.

Для выяснения вины командиров 19 солдат и допросы всех других солдат были взяты из Угрешского монастыря в Коломенское¹⁵, следствие о «начальных людях» полка А. Шепелева, замешанных в событиях 25 июля, перешло в Приказ сыскных дел.

26 июля, помимо служилых людей полка А. Шепелева, в Угрешском монастыре были допрошены «бунтовщики всяких чинов люди». Они расспрашивались «во всяком воровском заводе, а иные по уликам; и которые из них довелись, те и пытаны». В коломенском деле приводится один из допросов 26 июля — дьячка Алексеевского девичьего монастыря Д. Филиппова, показавшего, что слышал от попов и дьякона своего монастыря разговоры о подготовлявшемся восстании вскоре после светлой недели (пасхи), т. е. месяца за три-четыре до 25 июля. Дня за два до 25 июля ходили слухи о «воровских листах» (прокламациях).

В воскресенье 27 июля в Угрешском монастыре были допрошены гулящий человек кашинец М. Титов, кузнец по профессии, подпрапорщик Н. Ломовцов (из полка А. Шепелева), рейтар Ф. П. Поливкин (из полка Г. Тарбеева), поп Иван из церкви, «что в Гончарех», пестредильник И. Иванов, а также, вероятно, чернослободец Бронной слободы Б. Иванов¹⁶. Большинство допрошенных обвинялось по уликам, М. Титова, Н. Ломовцова, Ф. П. Поливкина и попа Ивана узнали «у переписки и у распросу» стрельцы приказа Я. Соловцова, которые свидетельствовали, что М. Титов в Коломенском «кричал» и хотел убить стрелецкого сотника Г. Теглева; Н. Ломовцов «в гилю был и кричал, и чеканом размахивал»; Ф. П. Поливкин шел перед восставшими, «кричал с ними вместе», говорил: «время де ныне побить измен-

¹⁵ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, лл. 27—29, 31—42; А. Н. Зерцалов, стр. 296—297

¹⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, лл. 30, 42—52; А. Н. Зерцалов, стр. 299—301.

пиков»; поп Иван был вместе с восставшими и говорил им: «тепере де и пора, не робейте». М. Титов признал, что в Коломенском кричал вместе с другими восставшими, палку поднимал (на кого, не знает), «а говорил, чтоб великий государь не дал им погинуть напрасно»; Н. Ломовцов в Коломенском был, стоял «с гилевщичи вместе», а как их начали хватать, «он чеканом от себя отмахивался и боронился». Ф. П. Поливкин и поп Иван от всего отказывались и говорили, что приходили в Коломенское бить челом о своих нуждах. Всех арестованных допрашивали вторично и пытали, за исключением попа Ивана, но они повторяли «прежние речи».

По допросу Д. Филиппова приговора вынесено не было, допросы остальных подследственных сопровождаются пометы: «казнить» (М. Титова, Н. Ломовцова); «бив кнутом, сослать» (Ф. П. Поливкина), «сослать» (Б. Иванова, И. Иванова). Попа Ивана приговорили к вечной ссылке на Байкалово (оз. Байкал).

Всего 26—27 июля в Угрешском монастыре, по сохранившимся данным, было допрошено 343 солдата, девять других арестованных (в том числе два солдата и один подпрапорщик из полка А. Шепелева) и восемь свидетелей, итого 358 человек¹⁷. Но если считать число допросов, то их было более 540¹⁸.

Показания, записанные в Угрешском монастыре, послужили в Коломенском основой для последующего розыска по второму и третьему делу.

Допросы 26—27 июля в Коломенском и Никольско-Угрешском монастыре не дали следствию ощутимых результатов.

Сказки свидетелей и допросы арестованных 26—27 июля относятся к первому этапу следствия над участниками похода восставших из Москвы в Коломенское. Для него характерно, что основная розыскная работа в течение этих дней была сосредоточена в Никольско-Угрешском монастыре. Следствие велось весьма интенсивно. Оно выявило нескольких активных участников восстания из посадских людей, военных чинов и церков-

¹⁷ Два солдата не включены в общий итог, так как они, несомненно, входят в роспись 343 солдат полка А. Шепелева.

¹⁸ Все солдаты и другие арестованные давали сказки во время «смотра и переписки» 26—27 июля в Угрешском монастыре (А. Н. Зерцалов, стр. 296—297).

послужителей, но наиболее видных участников установить не удалось.

Второй этап следствия начался 27 июля, когда было положено начало розыску над главными участниками движения из числа арестованных. В этот день стольник Г. Тарбеев привез московским властям из Коломенского письмо, посланное по указу Алексея Михайловича главой правительства боярином И. Д. Милославским. В письме приводилось показание («сказка») сторожа Приказа денежного сбора К. Данилова. По его словам, десятский Сретенской сотни Л. Жидкий 25 июля отнял «воровское письмо» у дьяка А. Башмакова, посланного за ним из Земского приказа, носил то «письмо» в Коломенское и оттуда возвратился в Москву. «...Как его (Л. Жидкого.— В. Б.) сыщут,— говорил К. Данилов,— и он про то письмо скажет, и иные ево воровства объявятца». В конце К. Данилов добавил, что 26 июля он слышал на Лубянке разговор о том, что Л. Жидкого взяли с «письмом» в Коломенское насильно¹⁹.

В Москве сразу же был сыскан и допрошен Л. Жидкий, который показал, что 25 июля в «другом часу дня» на большой Сретенской улице «был у них у мирских людей меж собою совет о пятинной деньге»²⁰. В это время люди, шедшие от Никольских ворот по Сретенке, сообщали, что на Лубянке «на столбе» приклеено «письмо» Л. Жидкого, «миром де ухватя», с письмом, которое передал ему сотский П. Григорьев, «отвели в Коломенское», где он подносил его царю в шапке, а как отдали ему шапку,— пошел в Москву²¹. Вызванный в Кремль сотский П. Григорьев сказал, что у присланных за прокламацией С. Ларионова и дьяка А. Башмакова восставшие начали отнимать «письмо» и говорили ему, чтобы он взял «письмо» у С. Ларионова, иначе «его прибьют камнем». П. Григорьев, «убоясь от миру», взял письмо, и с ним его привели на Лубянку; вел его, взяв за ворот, стрелец приказа А. Матвеева К. Нагаев.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 7—8; д. 327, лл. 2—3. В коломенском деле не сохранилось начало письма И. Д. Милославского, у А. Н. Зерцалова оно не напечатано.

²⁰ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 74.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 8—10; д. 327, лл. 3—5. У А. Н. Зерцалова допрос опубликован с пропусками и неверно датирован 26 июля (стр. 298).

Письмо читал, «став на лавке», тот же К. Нагаев. Затем К. Нагаев и неизвестный подьячий прокламацию читали на Красной площади у Земского приказа. По приказу П. Григорьева у подьячего прокламацию взял Л. Жидкий, которого отвели с нею в Коломенское «неволею». На очной ставке с П. Григорьевым Л. Жидкий сначала сказал, что не знает, у кого взял прокламацию — «в шуму не рассмотрел», но потом «вспомнил», что взял у подьячего²².

27 июля был арестован стрелец К. Нагаев, показавший, что читал письмо на Лубянке «всем вслух и говорил, чтоб за то постоять для того, чтоб про то воровское письмо сыскать, а не для дурна». Он понес письмо «в город», т. е. в Кремль, к боярам, но по дороге у церкви Казанской богородицы его «миром» заставили читать второй раз. После чтения письмо у него отняли, он же, прибежав в «город», сказал о нем боярам. К. Нагаев утверждал, что письмо у С. Ларионова он не отнимал и сотского П. Григорьева за ворот не водил, старался отвести от себя все обвинения, говорившие об его активном участии в восстании.

Отказ от предъявлявшихся обвинений был, конечно, естественным приемом, широко применявшимся и другими арестованными. Поэтому не всем показаниям можно доверять полностью. Например, Л. Жидкий принимал, конечно, менее активное участие в восстании, чем К. Нагаев, но это не говорит о его полной невинности. Он участвовал в сходке «мирских людей» утром 25 июля на Сретенской улице, был в толпе, слушавшей чтение прокламации на Лубянке и на Красной площади. В то время как сотский П. Григорьев отказался читать прокламацию на Красной площади и скрылся, Л. Жидкий не отказался пойти с прокламацией в Коломенское и подать ее царю.

Участие в восстании стрельца К. Нагаева было более активным, хотя сам он это всячески отрицал. Это подтвердилось на допросах Л. Жидкого и К. Нагаева 28 июля. Л. Жидкий, получивший во время пытки шесть ударов, повторил свое показание от 27 июля. О К. Нагаеве он сказал, что тот «воровское письмо чел миру не

²² ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 10—12; д. 327, лл. 5—9. У А. Зерцалова сказка П. Григорьева и его очная ставка с Л. Жидким 27 июля не опубликованы.

в одном месте и говорил, чтоб стоять всем на изменников», т. е. на лиц. обозначенных в прокламации,— И. Д. Милославского, Ф. М. Ртищева, В. Шорина и др. В московском следственном деле, передающем более полный, чем в коломенском деле, текст показания Л. Жидкого, говорится, что К. Нагаев «сотцкого Павла Григорьева за ворот водил и письмо, взяв у него (П. Григорьева.— В. Б.), в мир чол не в одном месте и имена бояр и гостей, про которых писано, всем розказывал и говорил, что стоять всем на изменников».

К. Нагаев, уличенный Л. Жидким, вновь повторял, что он призывал «миром постоять за изменниче письмо, а таких слов, чтоб стоять на изменников, не говаривал». 27 июля К. Нагаев утверждал, что он призывал сыскать «про воровское письмо» (т. е. сыскать виновных в его составлении), но это было явно неубедительно, как и ссылка на то, что он сказал про письмо боярам. 28 июля он уже говорит о своем призыве постоять за «изменниче письмо», т. е. о предложении учинить розыск по письму, хотя тут же опять настаивает, что не призывал «стоять на изменников». К. Нагаеву во время пытки было дано 14 ударов, его жгли огнем. Л. Жидкий и К. Нагаев ссылались в подтверждение своих слов на стрельцов приказа Я. Соловцова, которые во время чтения письма на Лубянке стояли у своей приказной избы. Но поскольку их вина для следователей была слишком явной, то указанные стрельцы не допрашивались. Арестованные «по присылке» из Коломенского 28 июля были посланы туда со стряпчим М. Головиным²³. В Коломенское их самих и их допросы доставили 29 июля. Туда же был прислан из Москвы тяглец Дмитровской сотни Ф. О. Квасник с его допросом, тоже, вероятно, от 27 или 28 июля. Следовательно, в Москве, помимо Л. Жидкого и К. Нагаева, допрашивался и Ф. О. Квасник, допрос которого не сохранился.

В Коломенское были присланы из Москвы также записанные 29 июля сказки дворянина С. Ларионова, говорившего об устном заявлении сотского П. Григорьева в Земском приказе 25 июля и неудачной попытке отобрать письмо у восставших; думного дворянина П. К. Елизарова, который показал, что «речи» К. Нагаева

²³ Допросы К. Нагаева от 27 июля и Л. Жидкого и К. Нагаева от 28 июля см. ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 13—15; д. 327, лл. 10—12

на Лубянке слышал тяглец Сретенской сотни Б. Лазарев, и Б. Лазарева, заявившего о чтении письма на Лубянке и призывах К. Нагаева²⁴.

Постепенно розыск сосредоточивался в Приказе сыскных дел в Коломенском. Здесь до начала основных допросов (30 июля) в течение 28—29 июля было допрошено несколько человек. 28 июля крестьянин дворцового села Быкова М. Т. Бардаков «в роспросе и с пытки» (30 ударов и две «встряски») показал, что в Варварских воротах его остановили «неведомо какие люди», посадили к нему в телегу сына В. Шорина, которого он довез до Болота. В Коломенское Шорина вез другой извозчик, он же пошел вместе с восставшими в Коломенское. В Коломенском М. Т. Бардаков сказал дворцовому дьяку А. Селину, что его привели туда «по неволе», и А. Селин «из круга (восставших.— В. Б.) его вывел», после чего он сразу ушел в Москву²⁵.

29 июля допрашивались дьякон и попы Алексеевского девичьего монастыря Андрей, Феоктист и Павел, на которых ссылался дьячок Д. Филиппов во время допроса 26 июля. Они сообщили, что разговоров о подготавливаемом «бунте», о «воровских листах» с Д. Филипповым не вели и ни от кого об этом не слыхали. На очной ставке Д. Филиппов признал, что говорил 26 июля на попов и дьякона «ложно, хотя тем своим изветом от нынешнего дела, что он в селе Коломенском с воровскими людьми пойман, свободиться». После двукратных пыток и прижигания огнем дьячок сказал, что разговоры о предполагавшемся восстании слышал после светлой недели, а от кого — не помнит. На допросе Д. Филиппова стоит помета: «казнить»²⁶. 29 июля заканчивается второй этап следствия.

Третий этап, самый насыщенный и напряженный, начался 30 июля, когда в Коломенском допрашивались арестованные, присланные из Москвы и Угрешского монастыря. Л. Жидкий, которому дали 45 ударов и дважды жгли на огне, существенно изменил свои показания. Он показал, что сотский П. Григорьев «лист» в Коло-

²⁴ См. ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 16—17 (сказка С. Ларионова отсутствует); д. 327, лл. 13—17; А. Н. Зерцалов, стр. 303—304.

²⁵ А. Н. Зерцалов, стр. 301—302.

²⁶ Там же, стр. 306—307.

менское носить ему «не веливал», он же с «листом» пошел и подал его царю; под руки держал его староста дворцового денежного двора тяглец Дмитровской сотни Ф. О. Квасник. Далее он заявил, что «лист» на Москве К. Нагаев прочитал «трижды». К. Нагаев, которому дали 33 удара и жгли огнем, полностью признал свою вину: «...он перед великим государем виноват, что он воровской лист прочитал и во весь мир говорил, чтоб за то миром постоять заодно». Ф. О. Квасник после 40 ударов и пытки огнем признал, что был в толпе во время подачи «листа» царю, но под руки никого не держал²⁷.

По приговору 30 июля К. Нагаеву и Л. Жидкому было указано отсечь по левой руке и обе ноги, Ф. О. Кваснику— отсечь руку и сослать. Розыск о К. Нагаеве, Л. Жидком, Ф. О. Кваснике в Коломенском сопровождался более сильными, чем для других арестованных, пытками и был закончен в один день. Все трое были отнесены к категории наиболее важных преступников и значатся осужденными по первому делу²⁸, хотя до них в Коломенском допрашивались другие арестованные (красносельцы), дело которых (четвертое) было закончено 29 июля, т. е. на день раньше.

По первому делу осужден и крестьянин М. Т. Бардаков, которого 30 июля снова допрашивали и дали 20 ударов. Он дал новые показания: в Коломенском держал за ворот сына В. Шорина и стоял в толпе в то время, «как де бояре выходили на улицу». М. Т. Бардакова приговорили к повешению по Гжельской дороге, а его троих братьев — Андрея, Ивана и Елисея, живших в дер. Хрипане по той же дороге, велено было сыскать и сослать²⁹.

30 июля К. Нагаев, Л. Жидкий, М. Т. Бардаков, а также рейтар полка Г. Тарбеева Р. Самойлов были посланы в Москву для приведения приговоров в исполнение. Последний был пойман в Коломенском и там же допрошен 30 июля. На допросе показал, что пришел в Коломенское «за всеми... спроста». Ф. О. Квасник был оставлен в Коломенском для дальнейшего розыска. Было

²⁷ Допросы Л. Жидкого, К. Нагаева, Ф. О. Квасника от 30 июля. См. А. Н. Зерцалов, стр. 304—305, 307.

²⁸ Там же, стр. 357.

²⁹ Допросы Л. Жидкого, К. Нагаева, Ф. О. Квасника от 30 июля. См. А. Н. Зерцалов, стр. 302—303.

указано сыскать торгового человека Холщевого ряда Е. Аристов, на которого ссылался Ф. О. Квасник. Московские власти 31 июля сообщили об исполнении этих указаний³⁰. 31 июля под наблюдением дворянина С. Ларионова и дьяка А. Башмакова был исполнен приговор над К. Нагаевым, Л. Жидким и М. Т. Бардаковым. Первые два после наказания были отпущены домой; К. Нагаев 12 августа умер. Л. Жидкий остался жив, дальнейшая его судьба неизвестна. Братья М. Т. Бардакова с семьями были привезены в Москву 1 августа и в тот же день посланы в Сибирский приказ для ссылки в сибирские города. Рейтар Р. Самойлов 1 августа был снова отослан в Коломенское³¹.

Розыск о Ф. О. Кваснике затянулся, так как Е. Аристов не был сыскан. 20 сентября, по личному указанию Алексея Михайловича, Ф. О. Квасника с семьей было велено через Земский приказ сослать в Астрахань, «а руки у него, Федотка, не сечь»³².

Допросы «начальных людей» и солдат начались в Коломенском также 30 июля, но закончились гораздо позже. Это объясняется большим количеством привлеченных к розыску. Все они были отнесены ко второму делу³³. Кроме того, следствие о командирах полка А. Шепелева только начиналось.

Полк А. Шепелева сильно скомпрометировал себя в глазах правительства участием нескольких рот солдат в выступлении городских низов 25 июля. Понятно поэтому выделение розыска над «начальными людьми» во второй разряд дела, уступающий по значению только розыску над главными участниками восстания.

30 июля были «допрашиваны порознь» капитаны кн. Д. Кропоткин, П. Аншутин, Д. Кудрявцев, поручики И. Грабленный, Д. А. Зайцев, прапорщик Ф. Полозов «против роспросных речей того же Агеева полку Шепелева солдат розных рот» (от 26 июля в Никольско-Угрешском монастыре). Им задавались вопросы: велели ли они бить в барабаны барабанщикам своих рот, а солдатам идти в Коломенское, если велели, то «по какому государеву указу» и были ли сами с солдатами в Коломен-

³⁰ Там же, стр. 307—309.

³¹ ЦГАДА. ф. 210, д. 959, лл. 30—34, 291, 40, 42.

³² А. Н. Зерцалов, стр. 355—356.

³³ Там же, стр. 357.

ском? ³⁴ Все командиры говорили, что солдаты их не слушали и бежали в Коломенское, а они их «уговаривали» и сами шли в Коломенское без солдат искать полковника и т. д. В подтверждение своих слов «начальные люди» ссылались на полковника, капитанов и поручиков, а солдаты, с которыми им были сделаны очные ставки (они повторяли свои показания от 26 июля), ссылались на других солдат своего полка ³⁵.

1 августа был допрошен «порознь» ряд свидетелей — «начальных людей» и солдат. Допросы полковника А. Шепелева, полуполковника В. Бюста, капитанов, поручиков, барабанщиков и других показали, что «начальные люди» шли в Коломенское не из сочувствия к восставшим. Одни из них хотели удержать солдат от выступления, другие надеялись, очевидно, получить указания от начальства в Коломенском и принять участие в подавлении восстания. Решению идти в Коломенское способствовали растерянность в начале восстания, неопределенность обстановки, неизвестность местонахождения полковника. «Начальные люди», в том числе те, которые обвинялись по второму делу, пытались «отбить» солдат своего полка от восстания, но солдаты их «не послушали», гонялись с палками за ними и за боярином С. Л. Стрешневым; некоторых командиров «били», сбили с лошади и «вогнали» в воду (например, поручика И. Грабленого). В барабаны раньше всех начали бить в роте капитана князя Д. Кропоткина, который пошел в Коломенское вслед за солдатами, отказавшимися ему повиноваться ³⁶.

В ходе допросов и очных ставок выяснилось, с одной стороны, что начальные люди не играли той роли в восстании, которую им приписывали солдаты. С другой стороны, оказалось, что роль солдат в восстании не была такой пассивной, как они сами утверждали. В действительности часть их выступала довольно активно на стороне восставших. Часть же была увлечена общим потоком устремившихся в Коломенское, а потом или с дороги, или вскоре из Коломенского вернулась в Москву.

³⁴ ЦГАДА, ф. 210, д. 327, л. 66.

³⁵ Там же, лл. 66—78; А. Н. Зерцалов, стр. 321.

³⁶ ЦГАДА, ф. 210, д. 327, лл. 85—95, 96, 97—101; А. Н. Зерцалов, стр. 313—314.

Следствие по второму делу длилось с 26 июля по 3 августа. Всего по нему в качестве обвиняемых было привлечено шесть командиров. Свидетелями выступали 18 начальных людей и солдат полка А. Шепелева, а также упомянутые 343 солдата того же полка, арестованные за участие в восстании. Таким образом, в целом было привлечено 367 человек. Если же считать количество допрошенных на разных этапах следствия (некоторые допрашивались по нескольку раз), то допросов будет 587.

По приговору 4 августа все шестеро «начальных людей», несмотря на ряд оправдывающих свидетельских показаний, были приговорены к наказанию батогами, пять из них — к ссылке. Лишь один капитан Д. Кудрявцев был освобожден. Правда, некоторые обстоятельства говорили не в пользу обвиняемых, как, например, приказ Д. Кропоткина бить в барабаны за час до того, как это было сделано в роте полуполковника В. Бюста. Некоторые обстоятельства остались невыясненными: приказывали ли, например, командиры солдатам идти из слобод к Серпуховским воротам, шли ли они впереди солдат и т. д. Солдаты же в один голос заявляли, что в Коломенское их вели «начальные люди». Однако не в этом заключалось главное основание для осуждения. Оно состояло в том, что все пятеро осужденных с точки зрения властей нарушили свой воинский долг, пойдя без «государева указа» и приказа своего начальника полковника А. Шепелева и без полковых знамен из Москвы с толпой своих солдат, смешавшихся в свою очередь с московской «чернью». Другие командиры того же полка — майор Ф. Сухотин, капитаны Ф. Игнатъев, Ф. Маматов и др. — тоже приехали в Коломенское, но отдельно от солдат и после их ухода из Москвы, причем для того, чтобы сообщить властям о солдатском непослушании. Поэтому в розыске они выступают в качестве свидетелей, а не обвиняемых.

В итоговом приговоре в конце следственного дела приговоренными к ссылке обозначены, кроме пяти «начальных людей», всего 19 солдат, присланных для розыска из Угрешского монастыря. 4 августа они были снова отосланы в Угрешский монастырь³⁷. Это не озна-

³⁷ А. Н. Зерцалов, стр. 343, 357—358.

чает, конечно, что из 343 солдат были осуждены только эти 19.

В московском следственном деле приводится роспись заключенных в Угрешском монастыре солдат, которые перед ссылкой сдали свои солдатские кафтаны или же показали, что оставили их у своих знакомых или не получали, как, например, новички, не успевшие еще получить военную форму³⁸. Всего в этой росписи перечислено 244 солдата, в том числе и ряд солдат, которые были на розыске в Коломенском. К тому же роспись дефектна (часть текста не сохранилась) и, следовательно, неполна. Многие солдаты в ней вообще не упоминаются: так, в росписи говорится, что солдатам 19 и 21-й рот «государева жалованья кафтаны не даваны»³⁹, фамилии же этих солдат не названы. Между тем в коломенском деле говорится о 23 солдатах 21-й роты майора Д. Дурова, давших показания 26 июля в Угрешском монастыре. Из сказанного следует, что все 343 солдата, несомненно, были приговорены к ссылке.

В течение 30 июля — 4 августа были допрошены и вынесены приговоры ряду лиц, привлеченных к розыску по третьему делу⁴⁰. 1 августа трижды допрашивался нижегородец М. Б. Жедринский, сознавшийся, что в Коломенском подносил царю «письмо», взяв его у неизвестного человека, и говорил, чтобы царь «изволил то письмо вычесть перед миром и изменников привесть перед себя, великого государя». Во время второго и третьего допросов ему было дано по 30 ударов. Приговор гласил: «велеть руку отсечь да сослать в ссылку»⁴¹.

2 августа по царскому указу бояре слушали расспросные речи и вынесли приговоры 10 арестованным, которых допрашивали 26—27 июля в Никольско-Угрешском монастыре. Это были два солдата полка А. Шепелева — Н. Кобылка и Т. Обрезков; Б. Иванов, М. Титов, Д. Филиппов, М. Б. Жедринский и др. Приговор 2 августа в основном подтвердил и санкционировал те наказания, которые были ранее (26—27, 29 июля и 1 августа) назначены арестованным в Угрешском монастыре и Коломен-

³⁸ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 87—90, 19, 91, 90, 92—96а.

³⁹ Там же, л. 96а.

⁴⁰ Перечень лиц, осужденных по третьему делу, см. А. Н. Зерцалов, стр. 358—360.

⁴¹ А. Н. Зерцалов, стр. 309—310.

ском. Всего к различным казням было приговорено пять человек, к ссылке — также пять человек⁴².

4 августа М. Титов, Ф. П. Поливкин, Н. Ломовцов, Д. Филиппов, М. Б. Жедринский были посланы в Москву с повелением привести над ними в исполнение приговор и затем сослать всех пятерых в ссылку⁴³. Всех «колодников» подвергли наказанию того же 4 августа, затем послали в Приказ Казанского дворца, откуда «велено их сослать в разные города» (по двое в Санчурск и Уржум и одного в Яранск)⁴⁴.

Итак, в течение 30 июля — 4 августа в Коломенском были допрошены и выявлены наиболее активные участники движения, отнесенные прежде всего к первому делу: К. Нагаев, Л. Жидкий и др., всего пять человек. К ним примыкают еще десять человек, в том числе Н. Кобылка, М. Титов и Б. М. Жедринский, осужденные по третьему делу. Это была самая деятельная группа восставших из арестованных 25 июля и позднее, которую удалось установить следствию. Все они допрашивались в застенках с особым «пристрастьем», их по нескольку раз пытали. Наиболее суровые приговоры были вынесены также этой группе. Розыск по второму делу важен в двух отношениях: из него выясняется довольно активная роль солдат в восстании и, наоборот, непричастность к нему «начальных людей».

4 августа начинается четвертый, заключительный этап следствия, тянувшегося свыше двух недель. В этот день в Коломенском было допрошено 89 арестованных, отнесенных к третьему делу, и один свидетель⁴⁵. Большая часть из них (около 70 чел.) была послана в Коломенское из Угрешского монастыря. Остальные, возможно, содержались под стражей в Коломенском. Допрошены были не все арестованные, содержащиеся в Угрешском монастыре. Так, четверо тяглецов Басманной слободы — Т. Устинов, М. Васильев, Т. Исаев, Д. Меркурьев — сказали, что «их здесь, в Коломенском, 4 человека, а пятый человек, товарищ их Гришка Степанов,

⁴² О приговоре 2 августа см. А. Н. Зерцалов, стр. 310—311 (ошибочно говорится о ссылке шести и казни четырех человек).

⁴³ Там же, стр. 311—312.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 61, 71—72, 290, 293.

⁴⁵ А. Н. Зерцалов, стр. 323—331, 333, 334—335, 337.

в Угрешском монастыре»⁴⁶. Самую многочисленную группу из 90 допрошенных составляют солдаты и рейтары разных полков — 54 человека; затем идут посадские люди, в том числе приезжие — 22 человека, шесть крестьян из с. Коломенского, по два человека холопов, церковнослужителей и приказных подьячих; жилец, а также свидетель Павлов — десятник полка Я. Соловцова.

Из 89 арестованных к казни был присужден только один тяглец Покровской сотни Т. Андреев. Он показал, что пришел в Коломенское купить огурцов и на обратной дороге его поворотили «многие люди», шедшие в Коломенское: «На Москве де забивают всех ослопьем, в село Коломенское [пошли] для того, чтоб побить изменников, а будет кто учнет за изменников стоять, мы де и тех побьем»⁴⁷. Тяжелый приговор, вынесенный Т. Андрееву, объясняется именно тем, что он присоединился к восставшим. Этот приговор явно выделяется из других, вынесенных в этот же день по третьему делу. Из допросов остальных обвиняемых выяснилось, что одни из них пришли в Коломенское вместе с восставшими «смотреть», другие — бить челом о различных нуждах. Третьи заявляли, что были присланы в Коломенское для услуг, пришли для найма на работу или в Москву для различных покупок и т. д. 32 человека были приговорены к ссылке, о 41 человеке приказано произвести дополнительное расследование. 13 человек было освобождено, два — отданы на поруки. Пыткам подвергли 22 человека, 18 из них получили в общей сложности 331 удар.

4—5 августа из Коломенского в Угрешский монастырь было послано из числа приговоренных 4 августа 33 человека, из них один, солдат М. Агеев, был приговорен не к ссылке, а к дополнительному розыску⁴⁸.

6 августа в Москву для исполнения приговора отослали Т. Андреева и для розыска — дьячка Д. Иванова⁴⁹. В тот же день приговор над Т. Андреевым был приведен в исполнение⁵⁰. О розыске по делу дьячка Д. Иванова ничего не известно. Последний входил в число указан-

⁴⁶ Там же, стр. 337.

⁴⁷ Там же, стр. 326.

⁴⁸ Там же, стр. 343—344.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 78—79; А. Н. Зерцалов, стр. 311—312, 326.

⁵⁰ Там же, л. 294.

ных 41 из допрошенных 4 августа. Сюда же входил и упомянутый М. Агеев. О розыске по его делу, который, возможно, производился в монастыре, также сведений не сохранилось. В итоговом приговоре он находится в списке приговоренных к ссылке⁵¹.

Остальных 39 человек снова допрашивали, показания сверяли с допросами от 26—27 июля, присланными из Угрешского монастыря; было привлечено много свидетелей, в розыске приняли участие приказы Большого дворца, Царицыной мастерской палаты и т. д.⁵² Дополнительный розыск продолжался почти до середины августа. Большинство арестованных было приговорено к ссылке. Из Коломенского приговоренные посылались в Москву и в Угрешский монастырь.

Всего по третьему делу, начиная с 26 июля, был допрошен 101 участник восстания (исключение составлял Г. Степанов, находившийся в Угрешском монастыре) и 209 свидетелей, всего 310 человек. Всего допросов, с учетом повторности показаний, было 325.

Во время допросов 32 арестованных подверглись пыткам, двое из них (Д. Филиппов, М. Б. Жедринский) — дважды; 19 арестованных получили в общем 391 удар. После вынесения приговоров 10 арестованных были биты кнутом и батогами.

Из 102 арестованных шесть были приговорены к различным казням, 76 — к ссылке, 20 — освобождены.

8 августа вместе с приговоренными по третьему делу в Угрешский монастырь были посланы восемь «гилевщиков», не подвергшихся допросу в Коломенском. Несомненно, они должны были привлекаться к следствию по третьему делу и в дальнейшем, вероятно, были сосланы (из Угрешского монастыря).

Четвертый этап следствия, длившийся в Коломенском с 4 по 20 августа, беднее по установлению наиболее активных участников восстания, которые в основном были выявлены на третьем этапе, в том числе и обвиняемые по третьему делу. К активным участникам был отнесен только один Т. Андреев. Для четвертого этапа характерно также относительно большое количество освобожденных — пятая часть всех обвиняемых (20 человек). Иными словами, к следствию было привлечено

⁵¹ А. Н. Зерцалов, стр. 359.

⁵² Там же, стр. 330—360.

немало людей, явно случайно оказавшихся на месте событий. К таковым надо отнести не только освобожденных, но и часть приговоренных к ссылке, например, некоторых рейтар из татар, пойманных около Москвы, а также кадашевцев, огородников и басманников, пришедших в Коломенское работать по найму или для услуг на царский двор.

Всего по четырем делам коломенского следствия был допрошен 461 арестованный (с учетом повторности показаний — 698 допросов). Дали показания 232 свидетеля, с учетом повторности показаний — 235. Итого было допрошено 693 человека (933 допроса). Кроме того, к следствию были привлечены, но не допрошены еще 14 человек, таким образом, общее количество привлеченных к следствию составило 707 человек. Но и эти цифры не исчерпывают всех привлеченных к следствию обвиняемых и свидетелей во время розыска в июле-августе 1662 г. Так, во время розыска о Ф. О. Кваснике допрашивались сидельцы Холщового ряда, при розыске о рейтаре М. Дмитриеве стрельцам «сказывали многие рейтары, котсрые в той слобсде (Рогожский.— В. Б.) стоят...»⁵³ и т. д., но сказки этих сидельцев и рейтар не были записаны, а сами они в документах не названы.

Во время допросов 39 человек было пытано, из них один — Л. Жидкий — трижды, 5 человек — К. Нагаев, М. Б. Жедринский, М. Т. Бардаков, Ф. О. Квасник, Д. Филиппов — дважды. О 23 арестованных из 39 известно, что они получили во время пыток в общем 589 ударов, в среднем по 25 ударов на человека. Ряд участников восстания, осужденных по первому и третьему делам, получили наибольшее количество ударов, намного превышавшее среднюю цифру: так, М. Б. Жедринский получил 60 ударов, Л. Жидкий — 51, М. Т. Бардаков — 50, К. Нагаев — 47, Ф. О. Квасник — 40, Т. Андреев — 30.

Из 139 арестованных, привлеченных к коломенскому следствию в качестве обвиняемых, 11 человек были приговорены к различным казням, 104 к ссылке, 24 было освобождено⁵⁴. Приговоры восьми арестованным неиз-

⁵³ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 31; А. Н. Зерцалов, стр. 309, 333.

⁵⁴ Итоговые данные о приговорах в конце коломенского следственного дела не совсем точны: всего было привлечено к следствию не 138 обвиняемых, как сказано в нем, а 139 (не учтен

вестны, но, так как они были отосланы из Коломенского в Угрешский монастырь, можно заключить, что их сослали. Из 11 казненных один — М. Т. Бардаков — был повешен 31 июля, второй — К. Нагаев — умер 12 августа. Шесть человек — М. Б. Жедринский, Ф. П. Поливкин, М. Титов, Н. Ломовцов, Д. Филиппов и Т. Андреев — приговорены после наказания к ссылке. Три человека — Л. Жидкий и красносельцы Ф. Иванов и С. Прокофьев — были отпущены после наказания домой, их дальнейшая судьба неизвестна. Всего сосланных по коломенскому делу числилось 110 человек.

В Москву были отосланы все приговоренные к казням и ссылкам по первому и четвертому делам (9 человек), пять командиров из полка А. Шепелева и 34 человека, приговоренных к ссылке из осужденных по второму и третьему делам. Всего, таким образом, было отослано 54 человека.

В Угрешский монастырь было отправлено 67 человек (в том числе 25 солдат полка А. Шепелева). Всего из Коломенского был отослан 121 человек.

Работа следственных комиссий была весьма насыщенной, особенно в Угрешском монастыре и в Коломенском. В Москве и в Угрешском монастыре велась подготовительная работа (допросы, составление расспросных и пыточных речей, обобщение их и т. д.), затем арестованные вместе с допросами посылались в Коломенское. Приказ сыскных дел, работавший в непосредственной близости и под наблюдением царя Алексея Михайловича, вел основные допросы арестованных. Допросы в Коломенском отличались особой жестокостью, пытки здесь были намного сильнее, чем, например, в Москве⁵⁵. Здесь же выносились или утверждались окончательные приговоры арестованным.

Следствию как будто не удалось найти явных «заводчиков» восстания — авторов прокламаций, расклеенных по Москве в ночь на 25 июля. Но допросы дьячка

Р. Самойлов), казнено не 12, а 11 человек (не учтено, что приговор Ф. О. Кваснику от 30 июля был заменен 20 сентября ссылкой), сослано было не 104, а 103 человека; освобождено не 22, а 24 человека (А. Н. Зерцалов, стр. 360).

⁵⁵ В Москве Л. Жидкому во время допроса 28 июля было дано шесть и К. Нагаеву — 14 ударов; В Коломенском 30 июля первому дали 45 и второму — 33 (А. Н. Зерцалов, стр. 299, 305, 307).

Д. Филиппова приводят к выявлению «заводчика» восстания Андрея Шербака, на которого было заведено специальное «дело», и его «товарищей» (см. выше) Между прочим, ни на кого из других арестованных, даже на таких активных участников восстания, как К. Нагаев, М. Т. Жедринский и другие, специального дела заведено не было.

Ход следствия отражен в коломенском следственном деле далеко не полностью. Так, в нем не говорится о том, что в Коломенском допрашивали 393 стольников, стряпчих, дворян и жильцов. У них, по указу Алексея Михайловича, были взяты «скаски, кто в каково время в село Коломенское приехал». Оказалось, что «до бунту» приехало 29 человек, «в бунт» — 158, «после бунта» — 64, всего 251 человек; об остальных сведения, по видимому, собраны не были⁵⁶. Около 400 человек были опрошены, вероятно, вскоре после восстания 25 июля. Сыск приобрел весьма широкий размах; по словам Г. Котошихина, он охватил также многих москвичей, знавших грамоту: у них собирали образцы почерков для сверки с почерками прокламаций⁵⁷ (см. выше о подписях около 400 московских подьячих в связи с этим).

* * *

Розыск, производившийся в Москве, охватил большей частью лиц, пойманных в городе во время грабежей 25 июля, и некоторое количество участников похода в Коломенское, задержанных на окраинах Москвы. Первые показания свидетелей 25 июля — С. Шапочникова и П. Григорьева — носили предварительный характер. Допросы арестованных К. Нагаева, Л. Жидкого и других (первое дело коломенского следствия) и сказки свидетелей 27—29 июля были отправлены в Коломенское, где производилось основное следствие по первому делу. Московская розыскная комиссия занималась в основном разбором дел арестованных в Москве и на окраинах.

Следствие началось, вероятно, уже 25 июля, но в основном производилось уже после 27 июля: в этот день московские власти в отписке доносили о посылке роспи-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, л. 497, л. 96

⁵⁷ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 104.

сей имен арестованных. Допросы не посылались, так как задержанные еще не были допрошены. В отписке от 1 августа сообщалось, что «приводные люди», пойманные при грабеже дворов В. Шорина, С. Задорина и в других местах с «грабежными животами и без грабежных животов», а также пойманные за Земляным городом (за Серпуховскими и Таганскими воротами и в воротах), допрашиваны и пытаны. В первой группе «объявилось» два жильца, капитан, прапорщик, 13 рейтар, шесть городских детей боярских, всего 23 человека. Их не пытали, но запросили инструкции⁵⁸. Сообщалось о посылке в Коломенское допросов «приводных людей», пойманных на дворах В. Шорина и др. Эти допросы, таким образом, производились между 27 июля и 1 августа. «Приводных людей», пойманных за Серпуховскими и Таганскими воротами и в воротах, расспрашивали и пытали 1 августа, их допросы также были посланы в Коломенское. «Роспросные черные речи» хранились у дьяка И. Пескова⁵⁹.

Сохранились черновики росписей «приводных людей», пойманных в разных местах и охранявшихся стрельцами полуголовы В. Баранчеева. В них перечисляются 45 человек (без фамилий). На арестованных при грабеже дворов В. Шорина и других составлен такой же перечень на 96 человек (в росписи ошибочный общий итог в 98 чел.). Обе эти росписи, «подлинные», были отданы окольному князю Д. С. Великого-Гагину и дьяку Алмазу Чистому «для того, что им тех людей расспрашивать велено». Третья роспись на 54 человека была составлена на лиц, пойманных у Земляного города в воротах при возвращении из Коломенского и заключенных во Владимирском судном приказе. С той же целью, что и первые две, она была отдана окольному М. С. Волынскому и дьяку И. Горяинову. Записью допросов ведал дьяк И. Песков⁶⁰.

Таким образом, всего по трем росписям надо было допросить 195 человек. Между тем в отписке от 27 июля говорилось о 212 арестованных, из которых 20 (на самом деле 18) было повешено. Оставалось, следовательно, 194 человека — на одного человека меньше, чем в трех

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 5—6, 38—39, 129—131.

⁵⁹ Там же, лл. 49—51, 263.

⁶⁰ Там же, лл. 116—118.

росписях. Количество же допросов, имеющих в следственном деле, превышает оба эти числа. Группа допросов «приводных людей», пойманных у Земляного города, составляет не 54, а 64 допроса и одну сказку свидетеля⁶¹. В двух группах допросов лиц, пойманных с поличным и охранявшихся стрельцами В. Баранчеева, приводится 45 допросов⁶², т. е. столько, сколько значится в первой росписи, данной окольничему князю Д. С. Великого-Гагину и дьяку А. Чистому. В четырех группах допросов лиц, пойманных с поличным и без поличного на дворах В. Шорина, С. Задорина «и в ыных местах», приводится 78 допросов арестованных и две сказки свидетелей⁶³. В двух группах допросов лиц, арестованных с поличным стрельцами приказа А. Лопухина, имеются допросы 18 человек и одна сказка свидетеля⁶⁴. Несомненно, вторая роспись, врученная Гагину и А. Чистому, имеет в виду эти 78 и 18 (в итоге 96) допросов. Всего во время розыска было допрошено 205 арестованных и четыре свидетеля. Разумеется, число арестованных превышало эту цифру, так как в нее не вошли, во-первых, 18 человек, повешенных 26 июля, во-вторых, некоторые лица, которые были допрошены вне этих групп, о чем будет сказано ниже.

Все арестованные были сразу разделены на две большие группы: в одну входил 141 человек, пойманный с поличным и без поличного на дворах В. Шорина и других, в другую — 64 человека, пойманных у Земляного города и «в ыных местех», также с поличными и без поличного. В первом случае в особую группу хотели выделить участников грабежей в Москве, во втором — участников похода в Коломенское, но строгого разграничения проведено не было, так как во вторую группу попало много случайных людей, не ходивших в Коломенское и пойманных «з грабежную рухледью и без рухледи». В первой же группе попадают участники похода в Коломенское.

«Приводным людям» задавались вопросы: кто из них «такое великое воровство и мятеж и письма воровские

⁶¹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 175—210.

⁶² Там же, лл. 213—220, 240—256.

⁶³ Там же, лл. 132—174, 227—232.

⁶⁴ Там же, лл. 220—226, 233—240.

заводили и писали, по чьему заводу и умыслу такое воровство и грабеж учинили», кто ходил «гилем» в Коломенское⁶⁵.

Допросы «приводных людей», пойманных на дворах В. Шорина, С. Задорина и в других местах, распределены по четырем отдельным группам. Заголовки к ним содержат вопросы к арестованным, сведения о месте их поимки, о наличии или отсутствии «грабежной рухляди». В заголовке четвертой группы допросов арестованных добавляется, что последние «иманы» во Владимирский судный приказ⁶⁶. Возможно, сами арестованные были разделены на четыре или на три группы (вторая группа допросов прямо продолжает первую) и допрашивались отдельно, в разное время и в разных местах. По первой группе было допрошено 14 человек (с «грабежной рухлядью»), по второй (без «грабежной рухляди») — 32 арестованных и два свидетеля, по третьей (с «грабежной рухлядью») — 25 и по четвертой (с «грабежной рухлядью» и без нее) — восемь человек.

Наибольшую группу среди допрошенных составляют военные — солдаты, рейтары, стрельцы — всего 75 человек, в том числе три командира. Затем идут посадские люди — 47 человек, в том числе гулящие, вольные люди и т. д. Холопов было 42, крестьян — 13, церковнослужителей — семь, дворян — четыре, приезжих — 14 и т. д.

Из 205 допрошенных с поличным были приведены 124 человека, без поличного — 46. Пойманы в разных местах без поличного (в том числе восемь арестованных около Земляного города при возвращении из Коломенского) 35 человек. Во время допросов было пытано 157 человек, которые в общей сложности получили 3307 ударов, — в среднем по 21 удару на человека. Наибольшее количество ударов получили непосредственно участники грабежей на дворах В. Шорина и С. Задорина. М. Еремеев, человек торговца из Гостиной сотни В. Чанчикова, получил 33 удара; участники похода в Коломенское, солдаты полка А. Шепелева, С. Вешняков, К. А. Сумин, И. И. Лапин — по 30 ударов; посадский человек И. Кузьмин — 34, гуляющий работный человек Е. Воскобойников — 32 удара и т. д.

⁶⁵ Там же, лл. 132, 213, 227.

⁶⁶ Там же, лл. 132, 143, 161, 227.

Большинство арестованных с поличным (64 человека) показало, что «грабежную рухлядь», с которой их привели, они подняли или отняли. Другие (21 человек) заявили, что были взяты со своим имуществом, с покупками. Третьи (7 человек) утверждали, что их «ополщили» (поймали с поличным) стрельцы во время арестов. Четверо арестованных были схвачены вместе с «грабельщиками» (за разговор с ними и помощь). К трем человекам «грабельщики» принесли грабленное имущество или заставляли вывозить и переносить его. Так, на дом к портному мастеру Казенного двора Д. Селиверстову его ученики И. Наумов (холоп Д. Корсакова), П. Иванов (стрелецкий сын) и наймит И. Иванов принесли книгу, медный подсвечник и сальных свечей «со сто» и затем сбежали со двора⁶⁷. Крестьянин с. Пахрина Московского уезда Г. Астафьев показал, что он приехал в Москву на телеге с овсом для Посольского большого двора, ссыпал овес и выехал из Посольского двора, «и ухватили де ево грабельщики и наметали в телегу рыбы, и сами сели, и поехали за Никольские ворота. И стрельцы де учили их, грабельщиков, имать, и они разбежались, а ево стрельцы взяли»⁶⁸. Рейтар С. Н. Резанов помогал «неведомо какому человеку» нести бочку с порохом на Лубянку из Китая-города⁶⁹. Эти трое, вероятно, не принимали участия в грабежах, но по их показаниям можно судить о «грабельщиках». Необходимо также учитывать, что арестованные всячески старались скрыть свою вину, поэтому вполне возможно, что среди утверждавших о своей невинности было немало людей, прямо причастных к «грабельщикам».

23 арестованных были прямо уличены в участии в погромах, четверо из них сознались сами. Это были М. Еремеев, который, «как грабили Васильев двор Шорина..., в то время на Васильеве дворе был и винился, что взял две пары соболей». Задворный кузнец И. Анисимов (холоп В. Голохвастова) взял на дворе В. Шорина «запасу и рухляди». Дьячок церкви св. Логина-сотника В. Иванов во время грабежа дома В. Шорина поднял около двора книгу Минею за сентябрь месяц. Гулящий

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 236—237.

⁶⁸ Там же, л. 241.

⁶⁹ Там же, лл. 216—217.

человек С. Федоров показал: «Взял де он круп немного блиско Васильева двора Шорина га улице»⁷⁰.

25 июля, по извету человека В. Шорина — И. Казанца, стрелецкий сотник А. Лопухина С. Копьев со стрельцами ходил на Ипатьевское подворье «для грабежных сво, Васильевых (Шорина. — В. Б.) животов и для людей, которые животы ево, Васильевы, грабили». Было арестовано 19 рейтар полка В. Змеева из служек Ипатьевского монастыря, в том числе И. Хомутов, Ф. Борисов, Ф. Апушкин и др. Они были взяты «з грабленою рыбою и с судами медными и с оловянными, и с собольми, и с сукнами, и с ыною рухлядью...». Все 19 рейтар, несомненно по предварительной договоренности, отрицали свою вину и показывали: «а что де у них сотник Семен Копьев вынял грабежной рухляди,— и тем де их подкинули, а кто их подкинул,— того не ведает»⁷¹.

Восемь человек сознались, что ходили вместе с восставшими из Москвы в Коломенское. Трое солдат из полка А. Шепелева — С. Вешняков, К. А. Сумин, И. И. Лапин — ходили вместе с другими солдатами своего полка. Рейтар полка Г. Тарбеева И. Я. Пустовалов приходил бить челом «о соли». Все четверо были арестованы в Серпуховских воротах Земляного города⁷². Тяглец Екатерининской слободы И. Кузьмин показал, что он пошел в Коломенское, «смотря на люди», но, не дойдя до Котла, воротился назад. Гулящий работный человек Е. Воскобойников пошел туда «смотреть после того, как пошли в Коломенское чернь»; его арестовали у Калужских ворот. Кадашевец Ф. Оловянишников был схвачен при возвращении из Коломенского. Арестованный у Земляного города московский пушкарь Д. Никитин неубедительно оправдывался тем, что ходил за Земляной город «гулять, а не в Коломенское»⁷³. Кроме того, у Земляного города, Серпуховских, Таганских, Калужских и Яузских ворот было схвачено еще восемь возможных участников похода в Коломенское⁷⁴.

Многие были арестованы в Земляном, Белом городе, в Китай-городе и Кремле, т. е. в пределах городской

⁷⁰ Там же, лл. 135—136, 230—231, 242, 248—249.

⁷¹ Там же, лл. 194—203.

⁷² Там же, лл. 227—230.

⁷³ Там же, лл. 176—177, 179, 181.

⁷⁴ Там же, лл. 180, 182, 185, 186—187, 189—190, 193.

черты; некоторых из них, возможно, схватили при бегстве восставших из Коломенского в Москву, часть — случайно. Тем не менее все, поскольку они входили в группу арестованных около Москвы, рассматривались как важные преступники. Они были арестованы «по присылке» от царя из Коломенского, их пытали особенно жестоко. В этой группе было пытано 63 из 64 арестованных (освободили от пытки только крестового попа боярина князя И. А. Хованского — М. Андреева). Только двое из 63 получили по 15 ударов, один — 17, остальные 60 человек получили от 20 до 34 ударов каждый. Всего эти 63 человека получили 1574 удара⁷⁵.

Хотя в ходе розыска почти все арестованные отрицали свою причастность к восстанию и следствию удалось выявить лишь немногим более двух десятков участников грабежей в Москве и десятка полтора возможных (беспорных — около 10) участников похода в Коломенское, все же власти считали вину большинства арестованных неоспоримой. Уже сам факт ареста с «грабленой рухлядью», вне зависимости от того, сам ли арестованный взял грабленое, поднял или отнял его, свидетельствовал, по мнению руководителей следствия, о преступлении арестованного. То же относилось и к арестованным у Земляного города или даже в пределах городской черты во время бегства восставших из Коломенского в Москву. Власти, проводившие следствие, проявляли крайнюю жестокость по отношению ко всем задержанным, даже к невиновным.

Во время допросов в Москве лишь 15 допрошенным были вынесены приговоры. 12 человек были приговорены к ссылке и трое — к наказанию кнутом и ссылке (все были арестованы с поличным)⁷⁶. Наказания остальным, возможно, вынесены не были: это входило, по-видимому, в функции коломенской администрации.

Из Коломенского после получения отписок московских властей от 1—3 августа и ознакомления с допросами московской розыскной комиссии было направлено в Москву пять грамот от 4—5 августа, в которых говорилось о наказаниях заключенным, давались инструкции о дальнейшем следствии. Одна из грамот предписывала отдать родственникам тела повешенных 26 июля.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 175—210.

⁷⁶ Там же, лл. 132—142, 162—164.

Всех арестованных с поличным грамоты предписывали сослать в вечную ссылку. Из этой группы были выделены лишь жильцы, городовые дети боярские, начальные люди и рейтары из детей боярских, которых было велено сослать в Астрахань без наказания и зачислить на службу детьми боярскими. Из остальных приказывалось выделить 20 человек, «которые к воровству причиннее», и бить их кнутом. Всех арестованных с поличным, кроме жильцов, детей боярских и рейтар из детей боярских, велено «перепятнать, а пятна положить у всякого человека на левой щеке «буки» и сослать их по тому же в ссылку, ково куда пристойнее, и быть им в тех городах в пашне, а понизовых городов в Астрахань не ссылатъ»⁷⁷.

Об арестованных без поличного в пределах самого города приказывалось произвести дополнительные розыски с помощью тех лиц, которые их «имали» и приводили в места заключения, и свидетелей, с которыми предписывалось, «если спор учинитца в чем», устраивать очные ставки. Целью этих розысков явилось выяснение мест и причин арестов. Пойманных без поличного жильцов, детей боярских и рейтар из детей боярских велено было отдать на поруки с тем, чтобы они до указа не выезжали из Москвы, а начальных людей и всех остальных держать по-прежнему в тюрьмах «до тех мест, покамест про то сыщется и по сыску... указ будет»⁷⁸. Сведения о дополнительном розыске вины арестованных без поличного отсутствуют, но он, вероятно, был проведен.

Известны некоторые данные о дополнительном розыске по делу холопа касимовского царевича князя Василья Араслановича — «малого» П. Иванова, пойманного с «письмом». В Коломенском заинтересовались его содержанием. В грамоте от 4 августа московским властям вменялось в обязанность «ис приводной записки выписать подлинно: тот малой Петрунка где взят и с каким письмом приведен», снять с него, «будет то письмо причинное», список и прислать в Коломенское. Розыск установил, что П. Иванов поднял «письмо» за Никольскими воротами, пойман на Лубянке. В «письме»

⁷⁷ Там же, лл. 69, 264.

⁷⁸ Там же, лл. 66—67, 68, 101—102, 260.

оказались «записка товароми росписи черные с ценою». Вызванный для розыска гость В. Шорин сказал, что «те письма его товарные»⁷⁹.

7 августа по докладу А. Н. Трубецкого царю Алексею Михайловичу «на походе в то время, как великий государь изволил идти в село Коломенское», был вынесен общий приговор, который подтвердил указы от 4—5 августа и дополнил их новыми указаниями. «Воров, колодников» из дворян, жильцов, детей боярских и рейтар, которые не были пытаны, предписывалось сослать в Астрахань в дети боярские без наказания, тех из них, кто жил до этого в понизовых городах, — в Сибирь. «Колодников», приведенных с поличным и без поличного, «которых указано сослать,— тех сослать же, ... запятнав». Стрельцов велено сослать на Терек (отданных ранее на поруки приказано «из-за порук взять»). Всех пойманных за Земляным городом, «а ходили они в Коломенское и воротилися, — и тех сослать же, учиня им наказание и запятнав»⁸⁰.

Таким образом, согласно указам от 4—7 августа, к ссылке были приговорены все пойманные с поличным и лица, арестованные у Земляного города (или в других местах, но входившие в эту группу), всего 158 человек. Неясна судьба арестованных без поличного. Жильцов, детей боярских и рейтар из детей боярских этой группы в указах 4—5 августа предлагалось отдать на поруки; остальные пойманные без поличного, которых по указу от 4—5 августа велено было оставить для дополнительного розыска, объединены в приговоре от 7 августа вместе с пойманными с поличным. Из них было приказано сослать в первую очередь всех пойманных с поличным, а затем, вероятно, тех из пойманных без поличного, которые были приговорены к ссылке между 5 и 7 августа, во время возможного дополнительного розыска. По-видимому, большинство арестованных без поличного было приговорено к ссылке, так как 25 июля,

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 64—65, 253.

⁸⁰ Там же, л. 267. 7 августа царь в 3-м часу дня, т. е. рано утром, приехал из Коломенского в Москву, в Коломенское выехал в 11-м часу дня — С. А. Белокуров. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165—7183 гг. — «Чтения ОИДР», 1908, кн. 1 (224), стр. 147; см. также «Дополнения к т. III ДР», стб. 346.

когда производились аресты, многие данные о них (кто их арестовал, почему) не были записаны. Поэтому их показания вряд ли могли быть подтверждены теми, кто их арестовал, тем более что после 25 июля прошло более десяти дней. Других свидетелей трудно было найти, так как лица, которые могли бы дать показания, с.ми опасались привлечения к розыску.

Так, без поличного был пойман в Луковом ряду Китай-города холоп Г. Неелов⁸¹. Из материалов следствия об участниках восстания 1662 г., бежавших из мест ссылки, известно, что Г. Неелов был «петнян и сослан» в Казань, где зачислен в солдаты и послан в составе полка стряпчего А. Языкова на Кунгур⁸². Правда, он допрашивался в группе пойманных у Земляного города «и в иных местах», но его вина ничем не отличается от вины других арестованных без поличного.

Кроме допросов, вошедших в четыре группы, имеются допросы (между 25 июля и 3 августа)⁸³ несколько других лиц. Из них был отпущен после наказания кнутом один Е. Крюковский, судьба остальных неизвестна, вероятно, большинство было сослано.

Таким образом, московская следственная комиссия провела большую работу, хотя и меньшую, чем угрешская комиссия. Всего ею было привлечено к розыску 209 арестованных и пять свидетелей. К этому надо прибавить 27 арестованных, которые или не были допрошены (18 повешенных), или же допросы которых не сохранились (9 человек), тогда число привлеченных увеличивается до 241 человека. Из них было повешено бесспорно 19 человек, двое (иноземец К. Арпов и А. Щербак) — вероятно; более 200 человек было сослано. Впрочем, не все данные о сыске в Москве известны.

Следствие об участниках погромов в Москве и восставших, пойманных около столицы во время бегства из Коломенского, было полностью сосредоточено в руках московских властей, но окончательное решение выносила царская администрация в Коломенском и сам

⁸¹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 187—188.

⁸² ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 1032, лл. 8—9.

⁸³ Тяглеца Покровской сотни К. Пахомова, нижегородца Ф. Стригина, беглого солдата Ф. Кононова, поляка трубника Е. Крюковского, В. С. Собакина (ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 20—21, 43—47, 257).

Алексей Михайлович, утвердивший 7 августа приговоры арестованным, заключенным в Москве. Московские власти, помимо этого, должны были также приводить в исполнение приговоры над арестованными, присланными из Коломенского, о чем говорилось выше.

* * *

О работе следственной комиссии в Угрешском монастыре можно судить только по упоминаниям в делах коломенской и московской комиссий, так как материалы следствия не сохранились. По имеющимся прямым данным, в Угрешском монастыре были заключены и 26—27 июля допрошены солдаты полка А. Шепелева, некоторые начальные люди, ряд других арестованных и свидетелей, всего 358 человек. На самом деле было допрошено гораздо больше. Так, солдатам полка А. Шепелева 26 июля не случайно задавались вопросы: «чернослоботцов из дворов и из лавок в село Коломенское они высылали ль и им говорили ль, чтоб они шли в село Коломенское гилем...»⁸⁴. Несомненно, в тот же день были даны показания, которые вызвали постановку таких вопросов. Ведь позже во время допросов в Коломенском 4 августа кашашевец А. Семенов сказал: «Как учинился бунт, — и он в то время сидел в лавке в Серебряном ряду, и солдаты де Агеева полку Шепелева и иные многие люди из лавок всех людей выбили, а говорили: кто не пойдет, — хотели побивать...»⁸⁵. Безусловно, А. Семенов повторил 4 августа в Коломенском то, что он говорил несколькими днями ранее в монастыре. Из 90 допрошенных 4 августа в Коломенском большая часть, примерно две трети, была прислана туда из Угрешского монастыря, о чем сказано выше. В допросах рейтар М. Дмитриева, И. Никулина и гражданского татарина А. Девяткина имеются выписки из «прежних... распросных речей, присланных из Никольского Угрешского монастыря», приводятся записи о пометах на этих допросах дьяка Д. Башмакова, одного из членов угрешской комиссии⁸⁶. Все эти и другие допросы не сохранились. В Угрешском монастыре, по пря-

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 210, д. 327, л. 34.

⁸⁵ А. Зерцалов, стр. 326.

⁸⁶ Там же, стр. 333—334, 350.

мым указаниям источников, содержалось более 400 арестованных. Это были, во-первых, 343 солдата полка А. Шепелева, затем семь заключенных, которые допрашивались в Угрешском монастыре 26—27 июля, около 70 человек, привлеченных к розыску 4 августа в Коломенском, и некоторые другие. В росписи солдат полка А. Шепелева, которые должны были сдать перед отправкой в ссылку свои казенные зипуны, было перечислено дополнительно 18 стрельцов приказов Г Аладьина, Г. Астафьева и И. Монастырева⁸⁷. В Угрешском монастыре содержались басманник Г Степанов⁸⁸, двое «робят», Н. Макарьев и Л. Степанов, отпущенные домой 13 августа⁸⁹, черный дьякон Пафнутий, угличский поп Марк, трудник И. Михайлов и шесть татар, просивших разрешения креститься в православную веру⁹⁰. Допросы их не сохранились.

Имеющиеся у нас сведения не являются исчерпывающими, но и в них говорится почти о 450 арестованных. В ходе следствия они квалифицировались как участники похода в Коломенское. Поэтому почти все они были приговорены к ссылке. Некоторые допросы (солдат Н. Кобылки, Т. Обрезкова, рейтара И. Никулина) имеют пометы с приговорами о дополнительном розыске и последующей ссылке⁹¹. Сосланы были все солдаты и стрельцы, арестованные, допрашивавшиеся в Коломенском 4 августа, и др. Некоторые были подвергнуты различным казням (Д. Филиппов, М. Титов, Н. Ломовцов и др.), десять человек освободили. Всего к ссылке было приговорено около 440 человек.

В грамоте из Коломенского московским властям от 3 августа говорилось, что «колодников» на Угреше велено, «учиня наказанье», сослать в Астрахань и Сибирь на вечное житье с семьями. Московские власти должны были «под тех колодников» изготовить 10 стругов «добрых с кормщики и з гребцы тотчас» и 400 кандалов, «а кого имяны колодников в ссылку послать и для сыску жон и детей роспись послана будет впредь». Таким образом, говорится о ссылке «колодников», т. е. части

⁸⁷ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 96 а.

⁸⁸ А. Зерцалов, стр. 337.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 295—296.

⁹⁰ Там же, лл. 83—84, 86, 97, 268—270.

⁹¹ А. Зерцалов, стр. 296, 334.

участников восстания. Их жен и детей нужно было еще сыскать, роспись членов семей предполагалось прислать «впредь». По Г. Котошихину, «после их (участников восстания.— В. Б.), по скаскам их, где кто жил и чей кто ни был, и жен их и детей по тому же за ними розослали». 4 августа кандалы еще не все были готовы, а готовым «было без починки быть не мочно». 5 августа из Москвы в Угрешский монастырь Москвой-рекой были отправлены десять стругов. Кандалы «для поспешенья» везли на подводах. В монастырь было послано десять кузнецов «кайдалы закрепить»⁹².

По царскому приговору от 7 августа «ссылным людям, которые на Угреше», дозволялись свидания с родственниками и знакомыми, разрешалось принимать от них «платья и съесново, и денег», солдатам — писать челобитные об отдаче «всякой их рухляди». Татар по их желанию предлагалось крестить в христианскую веру «и отдавать под начал, а ссылать их не велеть, а под начал отдавать в Угрешском монастыре». Обо всем этом 8 августа была послана из Москвы грамота стрелецкому голове Б. Бухвостову, который в отписке сообщил об исполнении указов и присылке росписей солдат, сдавших зипуны (144 зипуна), и татар, принявших христианство. Солдатские зипуны принял 11 августа майор полка А. Шепелева Д. Дуров⁹³.

Для охраны «колодников» на пути следования к местам ссылки были выделены стрелецкий голова А. Бестужев, пять сотников (И. Жохов, С. Болотов, С. Сущевский, С. Фряжинов, С. Копьев) и 500 стрельцов⁹⁴.

Ссылным, по приговору московских властей от 9 августа, велено было отпустить на дорогу по три четверика сухарей, по четверику круп и толокна и по четверти пуда соли на человека⁹⁵.

Количество сосланных было определено в 1200 человек. Предполагалось сослать также их семьи. К. В. Базилевич полагавший, что общее количество сосланных участников восстания составляло не более 400 человек, совершил, как показано выше, серьезную ошибку. Все-

⁹² ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 54—59, 63; Г Котошихин. Указ. соч., стр. 104.

⁹³ Там же, лл. 83—86, 98—100, 300.

⁹⁴ Там же, лл. 98, 273—277, 278—288а.

⁹⁵ Там же, лл. 279—286.

го из одного Николо-Угрешского монастыря было сослано 1500 человек, из которых примерно 1200 — участники восстания.

Арестованные в Москве или около Москвы, а также присланные в Москву после допросов в Коломенском для направления в ссылку содержались в Грановитой палате, московских приказах: Владимирском судном, Земском, Челобитном, Сибирском, Казанского дворца, Ямском, несомненно Разрядном, поскольку московские власти, проводившие следствие, использовали аппарат Разрядного приказа, и, вероятно, в других местах. Всего через Москву было сослано по сохранившимся данным примерно 250 человек; вместе с сосланными через Угрешский монастырь общее количество ссыльных составляет, по дошедшим данным, свыше 1700 человек.

* * *

Розыском, производившимся в трех комиссиях — коломенской, московской и угрешской, — не ограничивается следственная работа после восстания 26 июля 1662 г. Сохранилось известие, что в 1668 г. в Разрядном приказе хранилось «3 столпа о мятежниках.. и о бунтовщиках 170 году». Первый «делан в Розряде» (это, возможно, московское следственное дело), второй и третий присланы из Коношенного приказа и Казанского дворца. В Земском приказе также хранился «сыск и всякие дела о мятежниках»⁹⁶. В одном из столбцов содержится указание на то, что арестованные 25 июля поп Иван «из Гончаров» «в деле был» у окольного В. А. Чеглокова и дьяка И. Горяинова⁹⁷. К сожалению, все эти сыскные дела не сохранились.

Всего к следствию во всех трех розыскных комиссиях было привлечено, по показаниям двух известных нам следственных дел, более 1700 человек, из них около 1500 арестованных и около 240 свидетелей. Из общего числа арестованных к различным казням было приговорено 30 или, может быть, 32 человека. Большая часть

⁹⁶ А. Зерцалов, стр. 247.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 141, д. 94, лл 1—5 (упоминание о «деле» — на л. 2). В. А. Чеглоков был членом московской боярской комиссии, см выше в тексте. Попа Ивана в Москве держали под арестом в Грановитой палате, затем в Ямском приказе.

арестованных — свыше 1400 человек — была сослана. Еще было сослано шесть человек после совершения над ними казни. Сохранились данные об овобождении 28 арестованных. Возможно, были освобождены еще некоторые арестованные, заключенные в московских приказах. Судьба многих подследственных неизвестна.

В ходе розыска пытали 196 человек, 180 из них получили в общей сложности 3896 ударов. Эти цифры не являются исчерпывающими, так как не все допросы арестованных и, вероятно, свидетелей сохранились (например, «дело Ондрюшки Щербака»). Но и сохранившиеся данные свидетельствуют о большом размахе расследования, начатого сразу после подавления восстания 25 июля: розыском, помимо трех основных комиссий, занимался еще ряд приказов. Такие масштабы розыска говорят о больших размерах самого восстания.

Картина следствия, которая вырисовывается довольно отчетливо, хотя и неполно, из материалов сыска, дополняется показаниями современников. Так, Г. Котошихин сообщает, что, помимо пыток, казней (отсечение рук и ног, пальцев), ссылок, «иных, бив кнутъем, и клали на лице на правой стороне признаки, розжегши железо на краснo, а поставлено на том железе «буки», то есть бунтовщик, чтоб был до веку признатен»⁹⁸.

Розыск охватил много лиц — арестованных и свидетелей. В нем приняло участие большое количество учреждений и комиссий, сам розыск, состоявший из ряда следственных «дел», прошел несколько этапов и занял более трех недель. Тщательный анализ сохранившихся следственных источников существенно меняет наши представления не только о ходе и результатах следствия, но и в целом о Московском восстании 1662 г.

⁹⁸ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 103—104

Заключение

Таким образом, в историографии освещение истории восстания 25 июля 1662 г. сопровождалось немалым количеством ошибочных оценок и выводов. В работах К. В. Базилевича нашли новое решение принципиальные вопросы восстания 1662 г. (его классовый смысл, цели, место в ряду других восстаний XVII в.), но некоторые его стороны получили неправильное или недостаточное освещение. Ошибочные выводы К. В. Базилевича объективно приводили к недооценке силы и размеров Московского восстания 1662 г., которое хотя и продолжалось всего полдня, вызвало растерянность и испуг властей в Москве и Коломенском, парализовало их действия. Этим, а также нерешительностью московского гарнизона, часть которого соблюдала даже известный нейтралитет, объясняется полная свобода действий восставших почти на всем протяжении восстания. Растерянность и медлительность московских властей вызвали впоследствии смену их главы. Действия восставших в Москве и Коломенском не ограничивались подачами челобитных, прокламаций и требованиями казни «изменников». В коломенский дворец восставшие ворвались, ломая ворота, преодолевая, очевидно, сопротивление стрелецкой охраны; здесь же дело едва не дошло до расправы с боярином С. Л. Стрешневым и «начальными людьми» полка А. Шепелева. В Москве были разгромлены дома гостей В. Шорина и С. Задорина в Китай-городе и, возможно, другие; восставшие свободно входили на территорию Кремля, где под охраной стрельцов сидели в Золотой палате перепуганные московские власти. Общее количество восставших приближается к 9—10 тыс. человек, многие из них (минимум 2,5—3 тыс.) погибли в ходе подавления восстания или сосланы после следствия. Веду-

щей силой по количеству участников, по требованиям, по роли в восстании являлись посадские низы Москвы; заметную роль играли в нем также служилые люди. Из среды этих двух групп вышли предводители, организаторы восставших.

Подавление восстания стало возможным лишь после сосредоточения в Коломенском, куда пришло большое количество народа, и вокруг него крупных военных сил (от 6 до 10 тыс.). Восстание в Москве 25 июля 1662 г. по количеству участников, их решительным требованиям и действиям явилось одним из крупнейших городских антифеодальных движений в России XVII века.

Бурные события «Медного бунта» 25 июля 1662 г. привели в трепет представителей господствующего класса вместе с их верховным главой — царем Алексеем Михайловичем и его семейством. Как пишет Г. Котошихин, «от того ж смутного времени, как приходили воровские люди к царю и учинилася смута и кроворозлитие, царица, от великого страху испужався, лежала в болезни болши году». Непосредственным результатом восстания явилась отмена в начале следующего года медных денег. Причину этого мероприятия тот же автор видит в следующем: Алексей Михайлович понял, «что в денгах начало быть воровство великое и много кровопролития учинилось...». «И умысля царь, чтоб еще чего меж людьми о денгах не учинилося, велел те медные денги отставить и не торговать, и приносить те медные денги в свою царскую казну на Москве и в городех»¹. Царское правительство, таким образом, вынуждено было пойти на этот шаг не только из-за стремления вывести страну из состояния хозяйственного кризиса, в котором она очутилась к началу 60-х годов XVII в., но и в значительной мере из-за боязни новых социальных потрясений. Властям удалось быстро подавить «Медный бунт» и предотвратить распространение волнений по территории Русского государства, среди широких народных масс, выражавших явное недовольство системой феодально-крепостнической эксплуатации. Участие иногородних в Московском восстании 1662 г. показало, что события могли бы пойти именно в таком направлении. Но его жестокий разгром, убийства, пытки, казни и ссылки большого ко-

¹ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 104—105.

личества повстанцев, рассылка грамот во все концы страны с их недвусмысленными угрозами в адрес возможных новых «возмутителей спокойствия» сделали свое дело.

Правительство и на этот раз оказалось, конечно, в состоянии подавить недовольство своих подданных, но ненадолго. Уже через четыре года протест подавленного нуждой народа начинает прорываться наружу (поход Василия Уса 1666 г.) и выливается затем в грандиозный пожар Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Глубоко символичным является факт участия в разинском восстании повстанцев 1662 г., поднявших «мятеж» и испивших свою чашу тяжких страданий незадолго до выступления удалого атамана и его «детушек». Эту эстафету угнетенных и обездоленных, но мужественных и бесстрашных в своем протесте русских людей разинцы передали повстанцам 1682 и 1698 гг. Астраханского восстания 1705—1706 гг. и Булавинского восстания 1707—1710 гг. Участники восстания 1662 г. в памяти народной стоят в одном ряду со многими поколениями бесстрашных борцов, в груди которых постоянно горел огонь святой ненависти к своим поработителям и вечно живая надежда сбросить тяжкие оковы.

Оглавление

Предисловие	3
Историография	5
Источники	15
Ход Московского восстания 25 июля 1662 г.	33
Следствие	97
Заключение	133

Буганов Виктор Иванович

Московское восстание 1662 г.

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. Д. Капустина*

Художник *В. Ф. Ишутин*

Технический редактор *Р. М. Денисова*

Темплан 1964 г. № 7. Сдано в набор 30/VI 1964 г.

Подписано к печати 24/VIII 1964 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,25.

Усл. л. 6,97. Уч.-изд. л. 7,2 Тираж 2300 экз. Т-10671. Изд. № 2652. Тип. зак. 5247.

Цена 43 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	9 сн.	империи	истории
46	14 сн.	пять фамилий —	шесть фамилий — И. М. Милославский,
80	13 сн.	дьякон	дьячок
118	2 св.	Андрея Щербака,	Андрея (возможно, А. Щербака),

43 КОП.